

Александр
Патрушев

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Москва
Издательство «Весь мир»
2003

УДК 94(430)
ББК 63.3(4)
П20

Редактор *О.М. Фролова*

Патрушев А.И.

П 20 Германская история. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. - 256 с. -
(Весь Мир Знаний).
ISBN 5-7777-0210-4

Уложить в небольшой объем издания всю германскую историю, насчитывающую свыше двух тысяч лет, — задача, казалось бы, невыполнимая. Однако ее успешно решил автор этой книги, сумевший живо и увлекательно рассказать об основных вехах истории Германии. Перед читателем разворачивается волнующая панорама событий — начиная с древнейших времен, когда в Европе появились племена германцев, и вплоть до XXI в., когда мы можем говорить уже о новой, единой Германии. История любой страны уникальна. Эта книга — о своеобразии развития германской истории, ее динамике и направленности.

Издание, снабженное картами и списком литературы, предназначено для самой широкой читательской аудитории.

УДК 94(430)

ББК 63.3(4)

Весь Мир Знаний™ - зарегистрированный торговый
знак Издательства «Весь Мир» (№ 180520 от 8.10.1999)

ISBN S5-7777-0210-4

© Издательство «Весь Мир», 2003

Что такое германская история?

Германская история насчитывает уже свыше двух тысяч лет, и на этом долгом пути она претерпела великое множество событий, которые определили развитие страны, придав ее движению своеобразную окраску, динамику и направленность.

Но вначале поставим вопрос: а можно ли вообще говорить о немецкой истории? И что, собственно говоря, под этим следует понимать? Вопрос странный только на первый взгляд. Ведь рассказ о прошлом всегда предполагает реконструирование своего предмета. Для этого есть много вариантов. Это может быть история народа, нации, государства или событий, происходивших в определенное время на определенной территории, это может быть история культуры или социальных процессов в том или ином обществе. Но ни в один период прошлой немецкой истории понятия «народ», «нация», «территория» и «государство» не совпадали так, как это было в Англии или во Франции. «Германии» долгое время не существовало ни как государства, ни как определенного географического региона, ни как политической нации. Территориальное, языковое, культурное про-

странство, на котором разворачивалась история немцев, долго не имело точно очерченных границ.

Конечно, со времени раздела огромной империи Карла Великого в IX в. происходило постепенное обособление франков от «немцев», проживавших восточнее Рейна. Уже вскоре после этого заговорили о «королевстве тевтонов». Но почти сразу немцы стали только одним из народов, населявших громадную империю, которая раскинулась от Балтийского моря до Сицилии.

В этой «Священной Римской империи германской нации» немцы не были организованы ни в государство, ни в нацию. Они проживали в «Германии» без каких-либо определенных границ. Издавна бок о бок существовали многочисленные немецкие территориальные государства. Население было лояльно к их власти, а не к расплывчатой «Германии». Не являлись немцы единым народом и в культурном отношении, конфессионально разделенные, с партикуляристским баварским, прусским, швабским, саксонским самосознанием, локально объединенные во множество владений, городов и резиденций. Даже большинство немецких диалектов оставалось почти непонятным вне области их распределения.

Национальное сознание зародилось в эпоху Реформации в XVI в., когда появился общенемецкий литературный язык на базе саксонского диалекта. Но по-прежнему не было национально-государственного единства. В 1796 г. Иоганн Вольфганг Гёте и Фридрих Шиллер скептически вопрошали: «Германия? Но где она находится?» А спустя полвека Генрих

Гейне саркастически заметил, что Германия существует только в «воздушном царстве грез».

Многовековая политическая раздробленность и географическая неопределенность «Германии» вели к тому, что характерной чертой немцев стала идеализация прошлого, которое выступало как бы моделью и для представлений о будущем. Из подправленной истории «Священной Римской империи» вырисовывались смутные очертания великолепного рейха, который когда-нибудь непременно возникнет и претворит в жизнь самые дерзкие мечты. Но если даже высказывались сомнения относительно возможности немцев после длительной раздробленности создать все-таки единое национальное государство, то тут же проявлялась высокомерная уверенность в том, что немцам суждена не узконациональная, а космополитическая миссия - стать духовной родиной всего образованного и культурного человечества.

Когда в итоге нового территориального устройства Европы после Наполеоновских войн была определена и «Германия», то под этим понятием подразумевался рыхлый и аморфный Германский союз (1815-66). И разве относились к «Германии» миллионы поляков, чехов, хорватов, итальянцев, которые были подданными государств, образующих этот союз? В то же время иностранные монархи, владевшие некоторыми землями союза - короли Англии, Дании, Нидерландов, были такими же «германскими князьями», что и чистокровные немцы. В этот период немецкие патриоты и националисты стремились к достижению государственного единства. Это и стало главной целью рожденного революцией 1848 г. об-

щегерманского Франкфуртского парламента. Но история пошла по иному пути. Неудача революции привела к тому, что победил малогерманский вариант объединения страны под эгидой Пруссии и с исключением Австрии из нового государства.

Строго говоря, понятие «германская история» применимо к двум периодам: 1871-1945 гг. и современной ФРГ (с 1990 г.). Созданная Бисмарком великопрусская кайзеровская империя имела все «национальные» символы и атрибуты: почтовые марки и банкноты с пометкой «Германия», общенациональное законодательство, парламент, правительство и императора.

Нацию формирует политическая воля, национальная идея. Такое политическое сознание появилось прежде всего в Пруссии. Поэтому в XIX в. немецкую историю понимали и описывали как путь от возвышения Пруссии в XVII-XVIII вв. через Германский союз к объединению в 1871 г. Казалось, что под руководством Пруссии народ, нация и государство обрели наконец гармоническое единство. Но что случилось с народом, нацией и государством «немцев» в 1945 г. после краха германского национал-социалистического рейха? Окончательно отделились австрийцы как самостоятельная государственно-политическая нация. Сами немцы были разделены на два отдельных государства, причем, не потеряв чувства принадлежности к одному народу, как показали события 1989-90 гг.

Несомненно, что за последние полтора века немцы, наконец, стали немцами. С Германией ассоциируется теперь не только географическое пространство,

а в первую очередь политическое содержание, которое нашло отражение в преамбуле Основного закона ФРГ. Неслучайно после объединения двух немецких государств выдающийся политический деятель Вилли Брандт верно подметил, что теперь части одного целого должны вырасти вместе. Но это не второе рождение старого национального государства и национализма прошлых времен. Германия стала одним из столпов Европейского союза, проводит политику европейской интеграции, имеет стабильную демократию. Она пережила такую же трансформацию исторического сознания, как и другие европейские страны.

Впрочем, как и прежде, звучат опасения, что Германия слишком велика для маленькой Европы, что немцы опять захотят быть теми немцами, которые, по выражению Гёте, «усложняют все себе и другим». И не стоит забывать, что немцы не похожи ни на кого, кроме немцев. Трудно сказать, по какому пути пойдет история в дальнейшем. Да и не дело это историка - размышлять о прогнозах на будущее. Его задача - понять и попытаться объяснить события прошлого. Так давайте посмотрим, какие вехи определяли германскую историю за двадцать столетий, какие события и процессы в ней происходили.

МИР ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Германцы, пестрая смесь различных племен, получили свое имя, значение которого так и остается неясным, благодаря римлянам, которые, в свою очередь, вероятно, взяли его из языка кельтов,

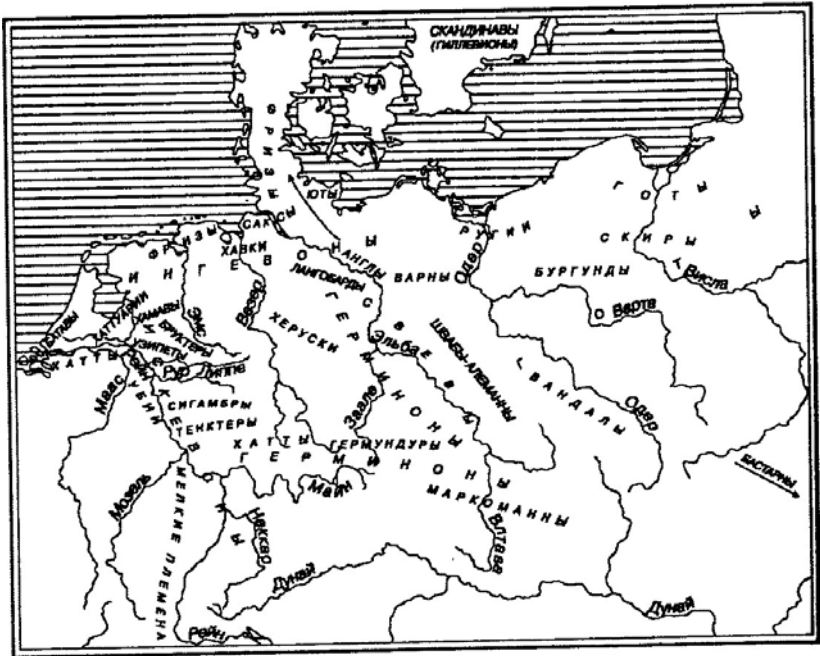

Схема расселения германских племен

В Европу германцы пришли из Центральной Азии и во втором тысячелетии до н.э. расселились между Вислой и Эльбой, в Скандинавии, Ютландии и Нижней Саксонии. Они почти не занимались земледелием, а главным образом осуществляли военные походы и грабительские набеги, в ходе которых постепенно расселялись на все более обширных территориях. В конце II в. до н.э. кимвры и тевтоны появились на границах Римской империи. Римляне вначале принимали их за галлов, т.е. кельтов, но быстро заметили, что имеют дело с новым и неизвестным им до сего времени народом. Уже через

полвека Цезарь в своих «Записках» определенно различал кельтов и германцев.

Но если большинство кельтов было в основном ассимилировано греко-римской цивилизацией, то с германцами дело обстояло иначе. Когда древнеримский историк Тацит после многих неудачных походов римских легионов за Рейн писал свою известную книгу о германцах, он изображал чужой варварский мир, от которого, однако, исходило очарование простоты нравов и высокой морали в отличие от распушенности римлян. Впрочем, Тацит, порицавший пороки римлян, скорее всего преувеличивал добродетели германцев, утверждая, что это «особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ».

По сведениям Тацита, германцы проживали в небольших поселениях, разбросанных среди густых лесов, болот и песчаных пустошей, заросших вереском. Общество их было построено по иерархическому принципу и состояло из знати, свободных простолюдинов, полусвободных литов и несвободных шальков. Земледелием занимались лишь две последние группы, в которые входили прежде захваченные пленники и их потомство. У некоторых более крупных племен стали появляться избираемые короли, утверждавшие, будто их предки происходили от богов. Во главе других племен стояли военные предводители или герцоги, власть которых не претендовала на божественное происхождение.

Германцы почитали богов, представления о которых претерпевали изменения. Нередко в результате межплеменных столкновений победители присваи-

вали себе богов побежденного племени, как бы захватывая их в плен. Германские боги удивительно напоминали простых смертных. Им не были чужды такие чувства, как гнев, ярость, они отличались воинственным духом, испытывали страсти и даже погибали. Главный из них - бог-воитель Вотан, царствующий в загробной Валгалле, куда попадают павшие в бою воины. Среди других богов выделялись повелитель грома и молнии Тор (Донар) с его страшным молотом, хитрый и коварный бог огня Локи, прекрасный бог весны и плодородия Бальдр. Все они живут в мире крови и огня, ярости и мести, неистовства и ужаса, в мире, где каждым управляет неотвратимая судьба. Боги германцев плели заговоры и совершали преступления, терпели поражения и одерживали победы. Мрачная поэзия первой песни древнегерманского эпоса «Эдда» рисует нашествие темных сил, в борьбе с которыми гибнут боги и люди. Все исчезает во всепожирающем великом пожаре. Но затем обновленный мир возродится, вернется из царства мертвых светлый Бальдр, наступит время спокойствия и изобилия.

Картина, созданная самими германцами, отражает те трудности, с которыми они столкнулись на пути своей христианизации. Потребовался мощный внешний и внутренний переворот, прежде чем представление о любящем и сострадающем Боге, идея милосердия и прощения заменили прежний мир жестокой борьбы, в котором знали только честь или позор.

Германская мифология повествует нам о народе, жившем в условиях суровой и бедной природы. Это

был мир, которым управляли духи и скрытые силы, где обитали злые и добрые карлики и исполины, но не было муз и сильфид. Впрочем, роль женщин как в обществе, так и в религии у германцев была гораздо весомее, чем в античном мире. Для германцев в женщине таилось нечто вещее и священное. Невозможно представить себе воинственную и властную германскую Брунгильду, запертую в гинеее. Усмирить ее смогли только сверхъестественные силы и волшебный пояс Зигфрида.

Германцы вступили на сцену истории тогда, когда они покинули свои северные поселения и начали продвигаться на юг. Они не только вытесняли или ассимилировали местное кельтско-иллирийское население, но и перенимали его более высокую культуру. Ко времени правления Цезаря германцы на западе достигли берегов Рейна, на юге прорвались через тюрингские горы и спустились в Богемию, на востоке они остановились перед непроходимыми болотами между Вислой и Припятью.

Какие причины толкнули германцев к переселению? Ответить на этот вопрос можно лишь предположительно. Прежде всего надо учесть климатические изменения, связанные с резким похолоданием в Южной Скандинавии. Понижение температуры в среднем на один-два градуса на протяжении одного столетия ведет к такому изменению флоры и фауны, что жизнь людей и без того трудная, становится невыносимой. Сыграли свою роль и субъективные мотивы - жажда захватов, добыча богатств и воинственные наклонности, к которым примешивались и религиозные представления.

Продвижение германцев к югу не было прямолинейным и неуклонным. Между временем, когда кимвры и тевтоны появились на римской границе, и эпохой, на протяжении которой свои территории заселили предки немецкого народа - племена франков, саксов, тюрингов, швабов, баюваров, пролегли семь веков войн и конфликтов. Большинство племен растворилось во тьме прошлого. Обычно это были временные объединения для военных походов, которые возникали так же быстро, как и распадались. Поскольку средств пропитания не хватало, то кочевавшие племена и группы оставались небольшими. Самые крупные этносы эпохи переселения насчитывали обычно несколько десятков тысяч воинов, а вместе с женщинами, детьми, стариками и невольниками их число колебалось в пределах 100-120 тыс. человек.

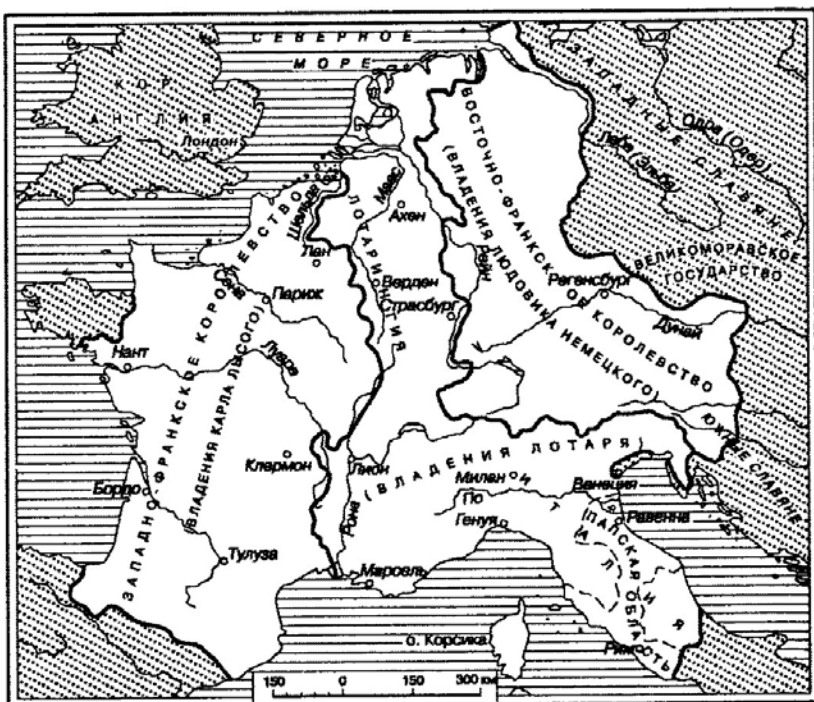
Широко известным было племя херусков, заселивших Вестфалию. Одним из их вождей был знаменитый Герман (латинизированная форма имени - Арминий), возглавивший борьбу против Рима. В юности он воспитывался в этом городе, участвовал в походах римских легионов и даже получил римское гражданство под именем Гай Юлий Арминий. В 9 г. н.э. он наголову разгромил в Тевтобургском лесу три легиона проконсула Публия Вара. Это, как принято считать, положило конец планам императора Августа продвинуть римскую границу до Эльбы. Строго говоря, битва в Тевтобургском лесу была лишь одним из бесчисленных пограничных столкновений. И в дальнейшем римляне неоднократно пытались достичь берегов Эльбы, но все их походы ус-

пеха не имели. В конце концов Рим прекратил неудачную и дорогостоящую войну и приступил к укреплению границы по Дунаю и Рейну. В его власти осталась юго-западная часть Германии от Кобленца до Регенсбурга, еще населенная дикими кельтами, а главным образом — медведями, кабанами и оленями. Вдоль всей границы римляне соорудили лимес - укрепленный вал с рвами и сторожевыми башнями, который строился более ста лет.

Покорить германские племена удалось не римлянам, а создателю новой империи, простиравшейся от испанской Барселоны до Магдебурга, от устья Рейна до Центральной Италии, франкскому королю, а затем - императору Карлу Великому (747-814). В каролингской Германии постепенно сложилась сословно-статусная система, в которой положение человека определяли его происхождение и род занятий. Большинство крестьян медленно, но неуклонно превращалось в полузависимых, а затем - лично несвободных людей. Значительное распространение получил в те беспокойные времена институт «опеки», когда крестьяне добровольно шли под власть господина, обещавшего им защиту и покровительство.

Империя Карла Великого развалилась после смерти его преемника Людовика Благочестивого в 840 г. Внуки Карла, по Верденскому договору 843 г., поделили империю на три части.

В исторической литературе долгое время не было четкого разграничения между понятиями «германский», «франкский» и «немецкий». Даже сегодня в популярных произведениях встречается утверждение, будто «первым немецким императором» был

Раздел империи Карла Великого по Верденскому договору 843 г.

Карл Великий. Однако империя Каролингов была как бы общей прародительницей современных Франции и Германии. Но даже сегодня так и не удалось определить общепризнанную дату, от которой можно вести начало «немецкой истории». Некоторые ученые, как и прежде, берут за точку отсчета Верденский договор, в новейших работах образование немецкого государства датируется XI и даже XII вв. Вероятно, точную дату вообще невозможно определить, так как переход от каролингского Восточно-Франкского государства к средневековой не-

мецкой империи был не однократным событием, а длительным процессом.

«КОРОЛЕВСТВО ТЕВТОНОВ»

В истории Восточно-Франкского королевства знаменательным рубежом стал новый порядок престолонаследия после смерти последнего представителя каролингской династии Людовика Дитяти в 911 г. Вместо того чтобы войти в состав Западно-Франкского королевства, крупные феодалы Швабии и Франконии избрали королем франконского герцога Конрада, принадлежавшего к боковой ветви Каролингов. Но Бавария и Саксония признали его власть с оговорками и настояли на своей автономии. Это были самые сильные герцогства, поэтому Конрад на смертном одре в 918 г. предложил в свои преемники саксонского герцога Генриха, прозванного из-за своего увлечения Птицеловом.

Генрих I был сильной личностью, соединявшей в себе мужество и осмотрительность, основателем одной из самых значительных немецких династий - саксонских Оттонов.

Новая династия укрепила свое положение успешной борьбой против опустошительных набегов венгров, которых часто отождествляли из-за их дикого вида и необузданной свирепости с ужасными гуннами. Генрих без раздумий согласился выплачивать венграм дань, чтобы подготовиться к войне. Собрав достаточно сил, он в 933 г. нанес вторгшимся в очередной раз венграм крупное поражение на реке Унструт.

Но окончательная победа была одержана лишь при его наследнике Отгоне I, который в 955 г. наголову разгромил венгров на Леховом поле близ Аугсбурга. Благодаря этому он через восемь лет, 2 февраля 962 г., получил из рук папы Иоанна XII императорскую корону. Это событие и стало началом истории того государства, которое позднее было названо «Священная Римская империя германской нации». Отгон получил не только корону, но и право конгроя за избранием папы, а победа над венграми принесла ему владения на Дунае и в Альпах — будущую Австрию.

Короли и императоры Саксонской династии впервые после Карла Великого приступили к расширению своих владений на востоке. В X в. территория между Эльбой и Одером была как бы ничьей, так как населявшие ее славянские племена не имели своей государственности. Продвигаясь на восток, саксонское и гюрингское дворянство, разумеется, больше думало о захвате земель и пленников, чем о спасении души этих язычников, которые, в свою очередь, постоянно совершали набеги на немецкие города и монастыри. Отдельные славянские племена часто конфликтовали между собой и даже призывали себе в союзники немецких правителей.

Севернее Эльбы немцы столкнулись и с датчанами, уже принимавшими христианство, чему немало способствовали епископы Бремена и Гамбурга. Сравнительно медленное продвижение немцев на Восток объяснялось не только ожесточенным сопротивлением славян, но и тем, что германские монархи своей главной задачей считали прочное объединение Германии и Игалии в одну империю, а отнюдь

не заэльбскую экспансию. В этом немецкая националистическая историография XIX в. усматривала их роковую ошибку и ослепление призрачной мечтой о мировой гегемонии.

Во времена Отгона I Италию раздирали кровавые конфликты. Ломбардские князья почти непрерывно сражались с византийскими наместниками в Апулии и Неаполе, а также с арабскими эмирами на Сицилии. Но все же по сравнению с Германией Италия с ее возродившимися на развалинах античности городами, процветающей торговлей и традиционными связями с Востоком выглядела несравненно более богатой и цивилизованной страной.

Получив императорский титул, Отгон Великий как бы восстановил империю Карла и стал главой западнохристианского мира, защитником и сюзереном церкви. Но немецкие короли оставались для Италии чужаками и дикарями. Италия манила немцев своей более высокой культурой и утонченностью. Там они приучались к роскоши и «сладкой жизни», но там же они зачастую находили и смерть. Особенно беспощадно ряды немецких войск выкашивали эпидемии во время летнего зноя, который северяне переносили крайне тяжело. Малярия, гиф, дизентерия опустошали немецкие дружины. Поэтому походы германских королей за Альпы превращались в бесконечную цепь неудач, ибо им никак не удавалось установить там прочное господство, они вновь и вновь сталкивались то с мятежами городов, то с неповиновением епископов, то с интригами пап, которые упорно не желали смириться со своим подчинением императору.

Имелось еще одно роковое обстоятельство. Пока императоры находились в Италии, в Германии фактически отсутствовала центральная власть, а герцоги и графы тем временем укрепляли свою власть на местах. Поскольку императоры стремились править сразу в двух больших странах, в итоге они не правили на деле ни в одной из них.

Отгон Великий был не только талантливым полководцем и политиком, но в какой-то мере и баловнем судьбы, отпустившей ему свыше 60 лет жизни, срок для того времени весьма значительный. Хотя он не умел ни читать, ни писать, но благодаря своим мудрым церковным советникам, природной одаренности и опыту долгого правления обладал широким кругозором и чувством реальности. Даже византийский император в конце концов признал за этим «варварским узурпатором» титул императора и выдал свою дочь замуж за его сына Отгона II, провозглашенного германским королем еще при жизни отца. Это могло бы стать переходом к наследственной монархии, но такового не случилось из-за короткой продолжительности династии, прервавшейся в 1024 г. Немногим больше столетия просуществовала и каждая из двух последующих династий - Салическая и Штауфенов. Все они пытались превратиться в наследственные, но каждый раз, когда речь шла о новой династии, крупнейшие феодалы выдвигали такие требования к избранию нового короля, которые закрепляли принцип избираемой монархии.

Основатель новой Салической династии, правнук Отгона Великого по женской линии - Конрад II начал больше опираться на министриалов. Это были лю-

ди, которые благодаря особым заслугам на службе королю или герцогу получили личную свободу и с начала XI в. составили отдельную социальную группу. Короли старались противопоставить министериалов непокорному и своенравному дворянству, которое также стремилось превратить министериалов в свою опору и раздавало им участки земли с крестьянами. Так, из министериалов постепенно формировался слой мелкого служивого дворянства.

В правление Конрада империя значительно увеличила свою территорию, когда в 1032 г. по наследству была получена Бургундия, хотя власть императоров оставалась там скорее номинальной.

В начале XI в. разгорелся острейший конфликт между императорами и папством. Латеранский собор 1059 г. принял решение, по которому отныне папу избирает только конклав (коллегия) кардиналов, а императору остается лишь утвердить это решение. Император Генрих IV отказался подчиниться и объявил постановление недействительным. В ответ папа Григорий VII, человек несгибаемой воли и жесткого характера, отлучил императора от церкви, чем тут же воспользовались некоторые крупные феодалы, заключив союз с Римом.

Однако Генрих проявил себя дальновидным политиком. Видя, что его положение пошатнулось, он решился на неслыханный шаг. В 1077 г. король в одиночестве пешком отправился через альпийские перевалы в замок Каноссу, где находился папа. Если верить одной из легенд, босой, в белом рубище отлученный король три дня стоял на снегу возле замка, взывая о прощении. Папа якобы был настолько по-

трясен драматическим зрелищем, что снял отлучение. Хотя выражение «пойти в Каноссу» стало синонимом величайшего унижения, этот поступок был для Генриха выигрышным ходом. Через некоторое время он объявил, что не собирается отказываться от своего права назначать епископов (право инвеституры) и принимать от них клятву верности.

Долгий спор об инвеституре, от которого устали обе стороны, закончился лишь в 1122 г. Вормским конкордатом. Император отказывался от духовной инвеституры, уступая ее папе, но затем уже он принимал от епископа клятву верности и вручал ему символы власти - кольцо и посох. Кандидатуры епископов согласовывались заранее. Компромиссный конкордат имел множество процедурных неясностей. Поэтому вялотекущий конфликт императоров и пап продолжался еще добрых два столетия.

Таким образом, это была борьба за преобладание светской или духовной власти. Поскольку в ней не выиграла ни одна из сторон, то в конечном счете церковь и государство отделились друг от друга. Была создана решающая предпосылка для оформления принципа двойной свободы. С одной стороны, свобода веры от государственного вмешательства, с другой - свобода политики от церковной опеки.

«СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ»: СУЩНОСТЬ И МЕТАМОРФОЗЫ

Восточнофранкские короли, которых с XI в. все чаще называли немецкими, правили в землях майнских

франков, саксов, фризов, тюрингцев, швабов, а западнее Рейна - в Лотарингии и Бургундии, где говорили не на немецком, а на романских языках. В ходе восточной колонизации, соперничая с Данией и Польшей, империя подчинила себе земли между Балтийским морем и Восточными Альпами.

«Священная Римская империя», выстроенная на базе германского, бургундского, богемского и итало-лангобардского королевств, на всем протяжении Средних веков была далека от того общественного образования, что называется сегодня государством. Средневековый правитель имел прямые политические связи с относительно небольшим кругом людей. Его власть основывалась на владении землей, а также на том, что прочие землевладельцы признавали его как наиболее могущественного и соглашались ему подчиняться. Так возникали личные связи, закрепленные договором. В ленной присяге сюзерен обещал своему леннику защиту и покровительство, а вассал - верность и повиновение. Со временем установилась традиция, по которой сюзерен вместе с клятвой передавал вассалу право господства на отдельных землях.

Средневековая Европа знала не государства на территориальной основе, а союзы персонального характера. Государство безлично и олицетворяется институтами власти. А средневековый союз в случае смерти сюзерена или вассала каждый раз должен был возобновляться заново.

Как выглядели эти ленные отношения в реальности, показывает случай с вестфальским герцогом Генрихом Львом. Он был вассалом императора Фрид-

риха Барбароссы (1152-90), самого знаменитого из династии Штауфенов. Генрих Лев обладал в Саксонии и Баварии почти королевской властью и в 1176 г. даже отказался поддержать Фридриха в походе на непокорные ломбардские города. По настоянию короля в 1180 г. в Вюрцбурге съезд князей на торжественной церемонии отобрал у Генриха Льва его саксонские и баварские владения, пожалованные императором, но не посягнул на его семейные земли в Брауншвейге и Люнебурге, правда, передав их сыновьям приговоренного к изгнанию герцога.

В этом эпизоде примечательно то, что Барбаросса не присоединил к своим собственным владениям отобранные у Генриха Льва имперские пожалованные земли, как сделали бы это монархи Англии и Франции, консолидируя королевскую власть. Барбаросса пожаловал их другим имперским князьям, потому что, даже находясь на вершине власти, он не мог править без поддержки самых крупных князей. Некоторые историки полагают, что именно тогда был бесповоротно упущен наиболее реальный шанс перевести империю на путь западноевропейского развития. Впрочем, вряд ли у Фридриха был какой-то иной вариант. Власть кайзера в империи была уже настолько слаба, что он не мог обходиться без поддержки крупнейших феодалов.

Установлению единоличного господства препятствовала прежде всего огромная территория империи. Поэтому в центре Европы возникли две политические системы.

С одной стороны, это сама империя, в которой кайзер обладал скорее символической, нежели ре-

альной властью. Духовные и светские князья, среди которых с XIII в. выделяются курфюрсты как единственные выборщики короля, имперские города, графы и рыцари, подчиненные непосредственно императору, - все они собирались на придворные советы, из которых образовались затем рейхстаги, ставшие к XV в. прочными, отлаженными учреждениями.

Однако сам принцип выборности императора каждый раз неизбежно превращался в вотум доверия такому государственному устройству, а потому именно выборщики становились гарантами сохранения империи. К тому же европейские державы были заинтересованы в слабом центре континента как арене для проведения своей политики и поддержания баланса интересов.

С другой стороны, наблюдается пестрая мозаика отдельных территориальных владений - курфюршества, герцогства, графства, епископства, имперские города, аббатства, рыцарские земли. В ряде из них власть представляли как правители, так и ландтаги, выражавшие интересы местных сословий. При частой смене правящих династий ландтаги становились стабилизирующим фактором государственной власти.

О Германии XIX в. часто говорили как об «опоздавшей нации». Это относится и к немецкой истории в целом. Уже на пороге Нового времени «запаздывание» империи стало явным: она была хотя и устойчивой, но архаичной. В правовом, конституционном, административном плане, в отношении прямой власти монарха ее опережали Франция, Англия, Португалия, королевства Неаполя, Сицилии, Кастилии,

Арагона. В то же время страны северной и восточной периферии Европы - Дания, Шотландия, Норвегия, Швеция, Венгрия - отставали еще больше. Таким образом, в Европе можно выделить два явно различных региона: более передовую, старую часть, в основном совпадавшую с территорией Римской империи, и отстающую молодую, которая располагалась севернее Рейна и Дуная.

В центре этого «раздвоенного» континента лежала «Священная Римская империя», состоявшая частично из старого, но в основном - из новых регионов. Она являлась как бы уменьшенной копией всей Европы. В некоторых аспектах рейх не отставал от Запада. Касалось это прежде всего роста городов, торговли, транспорта, ремесел. Немецкие города постепенно вышли из сферы господства феодалов, развили собственную культуру, получили особые права, создали новую общественную структуру, свой стиль и ритм жизни. Большинство германских городов появилось между XII-XIV вв. Но в глаза бросается то обстоятельство, что крупнейшие торговые города империи нигде не совпадали с центрами императорской власти. Первые располагались главным образом на Северном и Балтийском морях (Любек, Бремен, Гамбург, Росток) или вблизи альпийских перевалов (Аугсбург, Регенсбург). А короли по мере расширения империи на восток передвигали туда же свои резиденции - в Гослар, Магдебург, Нюрнберг, Прагу. Отсутствие постоянной столицы как долговременного центра управления и культуры, образования и торговли свидетельствовало, по крайней мере с XIII в., об отставании империи от государств Западной Ев-

ропы. Слабая концентрация центральной власти, архаические административные структуры империи объяснялись прежде всего зависимостью германского короля и римского императора от крупнейших территориальных правителей. По самой своей природе избираемая королевская власть является слабой, а потому отсталой в смысле создания новой государственности.

Центр Европы отставал от Запада и в культурном отношении. В 1300 г. Франция имела пять университетов, готовивших нужных власти юристов и чиновников, Северная Италия - три, Англия и Кастилия - по два, Португалия - один. В империи же университетов не было вообще, как и во всей «молодой» Европе. Лишь в 1348 г. Карл IV, император и богемский король, основал по образцу Парижского университет в Праге.

В преддверии Нового времени в 1400 г. «Священная Римская империя» охватывала своими границами центр Европы. Они простирались от Гольштейна вдоль Балтики до Померании, за которой начинались владения суверенного и независимого от империи Немецкого ордена. Затем граница поворачивала на юг, проходя в основном по линии польско-немецкой границы 1919 г., включала Богемию, Моравию и Австрию, а в районе Истрии выходила к Адриатическому морю. Охватывая Тоскану в Центральной Италии в области Чивитавеккья, она достигала Тирренского моря, а возле Ниццы вновь устремлялась на север. Пролегая западнее Савойи, Бургундии, Лотарингии и Люксембурга, имперская граница выходила к Северному морю между Гентом и Антверпеном. Не-

которые области - Северная Италия, Савойя, Бургундия, Швейцария - лишь номинально относились к империи. Другие явно нельзя было включать в «немецкие земли». В Брабанте, части Лотарингии и Люксембурга, говорили по-французски. В Богемии, Моравии и Силезии немецкий язык оставался языком только городов.

Как и прежде, империя была весьма далека от национального государства, ибо не было ни единой общей национальности, ни самого государства. Конечно, императоры продолжали претендовать на универсализм своей империи. Когда Карл IV в 1356 г. издал Золотую буллу (она была скреплена золотой печатью), то империя получила свой первый правовой закон, который вводил принцип большинства голосов при выборах императора, чтобы избежать раскола и двойного императорства. Было четко определено число избирателей-курфюрстов: архиепископы Кёльна, Майнца и Трира, богемский король, саксонский герцог, маркграф Бранденбурга и рейнский пфальцграф. Кайзер обладал всей полнотой власти только в своих личных владениях. Для императоров Люксембургской династии - Генриха VII, Карла IV и Сигизмунда - это была Богемия. Габсбурги, которые, начиная с Фридриха III, практически непрерывно обладали императорской короной, владели Австрией, к которой путем династических браков и наследования примыкали Богемия, Венгрия и Бургундия.

Однако все эти регионы располагались на периферии империи, а Венгрия лежала даже вне ее границ. Это приводило к известной отчужденности между императорами и коренными германскими земля-

ми. Сама империя представляла собой хаотическое скопление 1600 владений и городов. Наряду с мелкими и даже карикатурными владениями, всю территорию которых зачастую можно было окинуть одним взором со стены замка, наряду с богатыми и сильными имперскими городами, такими, как Любек или Нюрнберг, наряду с уродливо крохотными имперскими деревеньками с двумя десятками жителей имелись и крупные княжеские территории с развитым центральным управлением и собственными ландтагами. К ним относились герцогства Бавария, Вюртемберг, Лотарингия, Люксембург, курфюршества Бранденбург и Саксония, Рейнское пфальцграфство, ландграфство Гессен, архиепископства Кёльна, Майнца и Трира. Столь многоцветная территориальная палитра, характерная для империи, составляла резкий контраст с более современными государствами Западной Европы.

Люди, населявшие эту страну, по-прежнему жили в почти полностью аграрном мире. Четверо из пяти людей обитали на отдельных хуторах или в деревнях, которых в XII-XIV вв. становилось все больше. Западнее Эльбы почти полностью были выкорчеваны древние леса, так что даже пришлось запретить дальнейшие вырубки. К востоку от Эльбы число крестьянских поселений также заметно увеличилось. Возросла численность крестьянства, а на многих территориях было отменено крепостное право. Западнее Эльбы обычной фигурой стал крестьянин-арендатор, платежи которого обеспечивали ренту дворянским землевладельцам. Напротив, в восточных регионах крестьян лишили прежнего привилегированного

правового положения, которым они пользовались во время колонизации этих территорий. Здесь дворянство использовало слабость правителей, чтобы заполучить широкие права в отношении крестьян, превращенных в наследственных подданных своего господина. В имениях Остэльбии крестьяне попали в полную зависимость от хозяев, они несли многочисленные повинности, зачастую произвольно устанавливаемые землевладельцами-юнкерами, располагавшими и местной судебной властью.

Около 20% населения проживало в 4 тыс. городах империи. Их плотность заметно падала с запада на восток. Две трети этих городов были карликовыми, в которых насчитывалось от нескольких сотен до двух тысяч жителей. Среди крупных городов с населением более 10 тыс. жителей лидировал Кёльн, в котором проживало 40 тыс., за ним следовали Прага и Любек. Сравнительно крупными городами были также Аугсбург и Нюрнберг, Гамбург и Бремен, Франкфурт и Магдебург, Страсбург и Ульм. Но все они далеко отставали от таких европейских метрополий, как Париж, Флоренция, Венеция, Генуя, Милан, число жителей в которых к середине XIV в. перевалило за 100 тыс. Большинство немецких городов подчинялось местной княжеской власти. Кроме них, имелись имперские города под властью самого императора, число которых в начале XVI в. составляло 85.

Лишь небольшая часть городского населения обладала полными правами, а именно патрициат, крупные торговцы, цеховые ремесленники. Этим «почтенным» бюргерам противостояла весьма неоднородная масса бесправных горожан - служанки и работники,

ремесленные подмастерья и ученики, калеки и нищие, скотобойцы и палачи. К горожанам по правовому статусу не принадлежали проживавшие в городах дворяне, духовенство, чиновники, а также евреи.

Трудно определить, какой была численность населения «Священной Римской империи». В научной литературе, где часто пользуются различными методами исчисления, показатели разнятся настолько, что их следует воспринимать с большим скепсисом. Вероятно, в 1000 г. в пределах империи проживало около 5 млн. человек, в 1340 г. - примерно 15 млн., а в 1450 г. - около 10 млн. человек.

Из этих данных видно, что в период с середины XIV до середины XV в. в Германии произошла какая-то катастрофа. Какая же именно?

В середине XIV в. империя вступила в фазу относительного перенаселения. Сельское хозяйство с его устаревшими традиционными методами обработки земли не могло прокормить возросшее население. Люди страдали от недоедания и становились легкой добычей эпидемий, которые вновь и вновь страшными волнами накатывались на Европу. Самой ужасной из них стала «черная смерть», чума первой половины XIV в. Именно она за два-три года унесла треть, а как считают некоторые ученые, даже половину населения Германии. Как раз тогда в молитвах появилось выражение: «Боже, избави нас от чумы, голода и войны». Воедино слились три явления. Разорения, вызванные войнами, влекли за собой резкую нехватку продуктов питания, голод ослаблял людей, которых выкашивали эпидемии. Дьявольский, заколдованный круг ужаса, из которого, казалось, не было выхода.

Всеобщие лишения и нужда вели к глубоким социальным потрясениям. Во второй половине XIV-XV вв., пожалуй, не было ни одного немецкого города, где не происходили бы волнения и даже восстания. Так, Брауншвейг был охвачен почти гражданской войной в 1293,1294,1380,1445,1487 гг. На селе раз за разом поднимались крестьяне, защищая свои исконные права. На дорогах бесчинствовали банды обедневших рыцарей-разбойников, грабивших купеческие караваны. Страх, беспокойство и неуверенность в завтрашнем дне господствовали повсеместно.

Резко упал авторитет власти и церкви, тем более что с 1309 г. папы находились не в Риме, а в Авиньоне, где они попали во время этого «вавилонского пленения» в полную зависимость от французских королей. Это привело к «великому западному расколу»: с 1378 по 1415 г. было два папы - один находился в Риме, другой - в Авиньоне. Конец расколу положили Констанцкий (1414-18) и Базельский (1431-49) соборы, но влияние папства заметно упало. Оживились еретические движения, требующие реформы церкви и предрекающие скорый Страшный суд.

С середины XV в. архаизм и бессилие кайзера и империи в целом по сравнению с Англией, Францией, Испанией были настолько очевидными, что все громче стали звучать призывы к реформе империи, а это было неотделимо от реформы церкви.

Реорганизация империи предполагала в первую очередь создание таких институтов, которые помогли бы ей обрести современную государственность. Если бы это удалось, то империя действительно мог-

ла бы стать «империей германской нации» как государственной нации по типу Англии и Франции.

Реформы начались при Максимилиане I (1459-1519). В 1495 г. были созданы Имперская судебная палата, провозглашен «вечный мир» внутри государства, а сама империя была поделена на десять округов. Следующим шагом в укреплении императорской власти должны были стать создание имперского единого правительства и введение прямых имперских налогов. Но в 1519 г. Максимилиан скончался, а вместе с его кончиной рухнули и все планы дальнейшего реформирования империи.

Насколько тесно были связаны между собой реформы империи и церкви, показали «Жалобы немецкой нации», документ, широко распространившийся в германских землях и направленный против римской курии, которая своей политикой бесстыдного выкачивания денег из карманов немцев превратила «эту некогда знаменитую нацию», создавшую «империю своей доблестью и кровью» и призванную стать «госпожой и королевой мира», в нищую рабыню католической церкви. Таким образом, к началу Нового времени идея немецкой нации стала лозунгом оппозиционного движения против универсальной власти императора и папы. Однако она имела не только политический, но и культурный аспект.

В этом смысле идея «немецкой нации» получила сильнейшее подкрепление, когда в 1455 г. итальянский гуманист Поджио Браччиолини обнаружил и опубликовал давно забытую «Германию» Тацита, написанную, при императоре Траяне в 100 г. н.э. находка стала подлинной сенсацией, ибо Тацит с его

высочайшим авторитетом показал, что германцы как народ имеют более древнее происхождение, чем считалось прежде. Теперь же стало ясно, что германцы Тацита - предки современных немцев, а «Германия» римлян - это Германия XV в. как ее продолжение.

Опираясь на Тацита, немецкие гуманисты могли наконец противопоставить иностранным представлениям о грубых, нецивилизованных немцах фигуру неспорченного, честного и мужественного германца, ведущего простой и естественный образ жизни. Подобно тому как Тацит противопоставлял идеализированного им германца развращенному римлянину, так и немецкие гуманисты XV-XVI вв. противопоставили высокую нравственность немцев аморальности папской курии.

Свое новое национальное самосознание немецкие ученые продемонстрировали и в отношении Франции. Они назвали «смехотворными» утверждения, будто Карл Великий являлся предком династии Капетингов, и заявили, что на самом деле Карл был немцем, который господствовал над франками, а уже одно это доказывало превосходство немцев с самого начала.

Таким образом, на рубеже XV-XVI вв. была заложена основа для формирования немецкого национального сознания, которое проистекало уже не из смутного чувства общности, а из национального исторического мифа. Однако для его утверждения не было не только государственно-политической, но и языковой основы. Немецкие гуманисты писали на латинском языке и были скорее космополитами, чем немцами. Тем не менее с этого времени можно с пол-

ным основанием говорить о «немецкой истории», а вернее, об «истории немцев», хотя с самого начала эта история вырастает на почве общеевропейского гуманизма.

РЕФОРМАЦИЯ МЕНЯЕТ СТРАНУ

Картину Германии последующих веков определили не ученые изыскания гуманистов или провалившаяся попытка реформирования империи. Ее определила Реформация Мартина Лютера (1483-1546), которая, впрочем, была бы невозможной, не имей Лютер многочисленных предшественников. Ранние реформаторы, ордены святых францисканцев и доминиканцев, призывавших к обновлению церкви, действовали внутри нее. Последующие - Джон Уиклиф в Англии и Ян Гус в Богемии - требовали более радикальных перемен вплоть до упразднения папства и почитания святых. Они считали, что единственной опорой должно быть Святое Писание и собственная совесть. Они действовали уже вне рамок католической церкви и подверглись суровым преследованиям. Преданный императором Сигизмундом Гус был сожжен по решению Констанцкого собора; уже после смерти огню были преданы и останки Уиклифа, но искоренить их учение оказалось невозможно.

Так, виттенбергский монах-августинец Мартин Лютер категорически не желал согласиться с тем, что милость Божью можно купить у католической церкви за обыкновенные деньги, приобретя индульгенцию, в продаже которых святые отцы показали себя

весьма оборотистыми дельцами. На вопрос «Как можно заслужить милость Бога?» Лютер ответил своими знаменитыми тезисами, согласно легенде, прибитыми к дверям собора в Виттенберге 31 октября 1517 г. Главная мысль тезисов заключалась в том, что для общения с Богом человеку не нужен посредник в лице католической церкви. Он должен опираться исключительно на Слово Божье и действовать в духе Его заповедей.

В апреле 1521 г. монах-еретик был вызван на рейхстаг в Вормсе. Впервые светский орган присвоил себе право решать вопросы церковной догматики. Члены рейхстага были настроены положить конец проявлению злоупотреблений со стороны церкви и папства, с завистью поглядывая на их богатства, а советники императора Карла V склонялись к тому, чтобы использовать Лютера как средство давления на папу.

Но несгибаемый реформатор не желал идти ни на какие дипломатические уловки и отказаться хотя бы от части своих утверждений. Лютер заявил, что убедить его в неправоте могут только «свидетельства» Писания и ясные доводы разума, а не мнения папы и соборов, которые могут быть ошибочными. Далее он произнес знаменитую фразу: «На этом я стою и не могу иначе». Карл V, ожидавший ученого теологического диспута, воспринял отказ Лютера от участия в спектакле как заносчивое нежелание отречься от своих идей.

Имея охранную грамоту императора, Лютер беспрепятственно покинул Вормс, но в принятом рейхстагом эдикте его учение было объявлено ересью, а сам он подлежал аресту.

Политическая значимость эдикта была невелика. Практически он действовал лишь во владениях самого Карла и его брата, эрцгерцога Фердинанда. На основе эдикта был проведен только один судебный процесс, причем обвиняемые были оправданы.

Уже на первом этапе Реформации стало очевидным, что тот отклик, который нашло учение Лютера у народа, дворянства и части князей, явился решающим фактором распространения и упрочения лютеранства. После 1521 г. сопротивление преследованиям лютеранских еретиков стало таким мощным, что сделало эти гонения практически невозможными. Лютера взял под защиту саксонский герцог Фридрих, человек острого ума и ловкий политик. Реформация Лютера стала оружием немецких князей в их борьбе против императорских притязаний на подлинную власть и способствовала консолидации территориальных государств.

Одним из важнейших событий первого периода Реформации была Крестьянская война 1524-26 гг. Она разразилась на юго-западе империи и, как степной пожар, распространилась на север до Гарца, на восток до Тироля, на северо-восток до франконии и Тюрингии. Для лютеровской реформации эта война была совершенно чужеродным явлением, поскольку его учение ни в коей мере не являлось призывом к улучшению мирской жизни. Поэтому сам Лютер отнесся к восставшим крестьянам крайне отрицательно и даже призывал к их беспощадному истреблению как слуг Антихриста.

Для крестьян речь шла прежде всего сточном определении традиционных обязанностей и прав. Там,

где Библия, казалось, подкрепляла требования крестьян, они без колебаний ссылались на нее как на источник божественного права,

Самым важным документом, отразившим требования крестьян, стали «Двенадцать статей», созданные в феврале 1525 г. повстанцами Верхней Швабии. Они появились уже после многочисленных кровавых столкновений с войсками князей и изображали крестьян как верных последователей учения Христа, которых поэтому нельзя считать мятежниками. В статьях речь шла о личных повинностях, о непомерном размере и несправедливости различных поборов и налогов, о господской угрозе общинным правам на пользование лесами и лугами, на охоту и рыболовство. Это доказывает, что в статьях были выражены интересы крестьян-собственников, а не низших малоземельных слоев деревни.

Об этом же говорит и сам регион войны. Это была область с многочисленными городами и высокоразвитым ремеслом, с традиционным правом единонаследия крестьянских участков. Экономически это были самые развитые земли империи, где наиболее сильно сказывались относительное перенаселение, социальные последствия раннего развития капитализма, конфликт между сельскохозяйственным и промышленным развитием земель.

Крестьянская война была массовым движением. В Бадене и Вюртемберге число бунтовщиков достигало 100-125 тыс., т.е. 60-70% мужского населения, способного носить оружие. Но это было и стихийное движение без единого центра и руководства. В целом у крестьян преобладала оборонительная тактика.

Только на втором этапе войны проявилась тенденция к захвату и политической власти. Это уже напрямую угрожало положению князей, которые мобилизовали силы Швабского союза городов, одерживавшие одну победу за другой над неорганизованными ватагами крестьян, жертвы среди которых были огромны. Только в районе Верхнего Рейна погибло свыше шести тысяч крестьян. В финальной битве войны под Франкенхаузенем в Тюрингии было убито более пяти тысяч повстанцев, 600 человек попали в плен, среди них оказался сам предводитель, проповедник справедливого Божьего царства и равенства всех людей Томас Мюнцер, который был тотчас обезглавлен. Всего же во время войны погибло и было казнено 70-75 тыс. крестьян.

В краткосрочном плане итоги Крестьянской войны оцениваются однозначно: она потерпела полное поражение. Сложнее обстоит дело с оценкой ее долговременных последствий. Война привела к тому, что правовые границы были проведены между крестьянством и землевладельцами, споры которых подлежали отныне рассмотрению придворным княжеским судом, а то и имперской судебной палатой. В то же время сокрушительный разгром крестьянства привел к тому, что на столетия оно перестало быть политическим фактором.

После победы немецких князей над крестьянами они настолько упрочили свое положение, что на рейхстаге в Шпейере в 1526 г. лютеранские правители добились, чтобы сами князья и городские магистраты определяли церковное устройство на своих территориях. Князья стали во главе церкви в своих зем-

лях. Сам Лютер считал это только временным переходным решением. Но князья и не думали выпускать из своих рук полученный контроль над церковью, тем более что почти все церковные и монастырские земли и имущество государство забрало себе. Частично это имущество было распродано, но основная часть оказалась у князей, а сама лютеранская церковь, по сути, превратилась в элемент государственного бюрократического аппарата.

Поэтому, когда ставший императором после отречения Карла V его брат Фердинанд I попытался в 1529 г. пересмотреть решения шпейерского рейхстага, евангелические правители заявили решительный протест, отчего это вероисповедание стало называться протестантизмом.

На тех территориях, которые остались католическими, правители также стремились взять церковь под свой контроль. Так, баварские герцоги заключили союз с иезуитским университетом в Ингольштадте, чтобы вместо епископского установить за церковью надзор светской власти. Это шло в русле необходимого католического обновления, так как слишком многие священники или не отвечали новым требованиям соблюдения строгости нравов, или поддавали под влияние учения Лютера. Такую «контрреформацию» нельзя считать простой реакцией римской церкви на Реформацию. Учения Лютера, Гуса и Кальвина лишь усилили уже давно существовавшие внутри католицизма реформаторские круги, выступавшие против церковной коррупции, за повышение образованности клира, чтобы вернуть в лоно католической церкви тех людей,

которые восприняли учение Лютера, и наставить их на путь истинный.

Во всяком случае, и Реформация, и католическое обновление были поставлены на службу правителям отдельных территориальных государств. Князьям по политическим мотивам и в условиях крайне запутанных прав на владения был необходим объединяющий духовный элемент. А поскольку религия пронизывала все сферы жизни, то этим элементом могло стать только единство вероисповедания. Поэтому в 1555 г. был наконец заключен Аугсбургский религиозный мир, который окончательно признал равноправие лютеранства и католичества, провозгласив принцип: «чья земля, того и вера». Это означало, что забота о спасении души является отныне делом князя, а не каждого отдельного верующего, который должен исповедовать ту же религию, что и правитель. Впрочем, у несогласных с этим оставалось право эмигрировать туда, где для каждого была узаконена близкая ему по духу религия.

Тем самым был сделан решительный шаг к внутреннему единению немецких территориальных государств и создана предпосылка для формирования их собственной государственности. Одновременно это означало дальнейшее ослабление империи, поскольку к политической раздробленности добавилась теперь и конфессиональная. Чем больше империя утрачивала черты государства, тем чаще Габсбурги занимались не имперскими, а своими австрийскими делами. Вместе с Реформацией начинается и медленное отчуждение Австрии от остальных немецких государств.

Теология Лютера исходила из Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Библия стала единственным авторитетом евангелической веры, а значит, и Слово Божье следовало изложить на языке верующих людей. Перевод Лютером Нового Завета на немецкий язык стал крупнейшим событием в немецкой истории. Он перевел Библию, используя саксонский диалект, который с того времени стал немецким литературным языком.

Поток немецкоязычной, в основном теологической литературы быстро нарастал, отвечая запросам увеличившегося числа читателей. Так, популярный трактат Лютера «К христианнейшему дворянству немецкой нации» (1520) за 18 дней разошелся в количестве 4 тыс. экземпляров и сразу последовало второе издание. Язык Лютера объединил протестантские области Германии, по крайней мере в культурном отношении. Сам немецкий язык стал теперь означать нечто большее, чем просто собирательное понятие для множества отдельных диалектов.

Современники Лютера прославляли его как «немецкого Геркулеса» или «немецкого соловья», пробудившего чувство национального единства. Но вместе с тем парадоксом выглядит то, что Реформация как бы отбросила назад развитие Германии по сравнению с остальными странами Западной Европы. То обстоятельство, что она была осуществлена не во всей империи, привело к тому, что борьба между конфессиями осталась в Германии нерешенной. Конфессиональный раскол дополнил и углубил территориальную раздробленность. Отечеством стал город,

в котором жил человек, или территориальное государство, правителю которого следовало повиноваться, да еще и исповедовать его религию.

Пути развития отдельных немецких государств разошлись не только в политическом и конфессиональном, но и в культурном плане. Расположенные в основном на западе и юге католические регионы империи оказались в сфере влияния католической контрреформационной культуры Южной Европы и в изоляции от протестантской Северной Германии. На юге под влиянием Франции и Италии расцвели музыка, живопись, пышная архитектура в стиле барокко, на севере - литература и церковная музыка. И по сей день в Германии заметны следы этого культурного раздвоения.

В этом смысле Германия оказалась на пограничной линии, разделявшей Европу. Однако если после Аугсбургского рейхстага в империи сохранялся мирный компромисс между католическими и лютеранскими землями, то теперь почти во всей Западной Европе разгорались ожесточенные религиозные конфликты. При этом камнем преткновения было не учение Лютера, а более радикальный кальвинизм, представители которого отклоняли лютеровский принцип повиновения власти и требовали насаждения своих религиозных истин любой ценой. По учению Жана Кальвина (1509-64), если правитель преследует веру своих подданных, то они должны оказывать самое активное' сопротивление вплоть до вооруженного. Такая гражданская война разразилась во Франции в 1562 г. Кальвинисты, называемые там гугенотами, взялись за оружие по всему королевству. Кровопро-

литные сражения продолжались до 1598 г., причем религиозные страсти вели с обеих сторон к чудовищным зверствам.

В 1567 г. реформаторское дворянство семи северных провинций испанских Нидерландов поднялось против католического Мадрида. Ожесточенная война, по характеру одновременно и национально-освободительная, и гражданская, затянулась почти на столетие и закончилась лишь в 1648 г., когда, по Вестфальскому миру, была признана независимость Нидерландов. С 1642 г. Англия была охвачена пламенем гражданской войны между королем Карлом I и парламентом. В ходе этой войны произошла неслыханная вещь: побежденный король был приговорен палатой общин к смерти как тиран и публично обезглавлен.

В Германии же с 1555 по 1618 г. царил самый долгий в немецкой истории мирный период. Он закончился, когда были созданы конфессиональные союзы честолюбивых князей, ожидавших только удобного случая для войны. Толчок к ней дали события в Богемии, где уже давно тлел конфликт между протестантскими сословиями страны и контрреформационным курсом Габсбургов.

ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ ПОТОП

Тридцатилетнюю войну обычно делят на четыре этапа: чешский (1618-23), датский (1624-29), шведский (1630-35) и франко-шведский (1635-48). Уже из 44 этого деления видно, что речь шла не о внутригер-

манском конфликте, а о войне европейского масштаба за гегемонию на континенте. В ней совпали три компонента - конфессиональная конфронтация, борьба за власть в империи и конфликт между европейскими державами.

Ставшее толчком к войне восстание чешского протестантского дворянства против эрцгерцога и будущего императора Фердинанда не имело, может быть, столь печальных для Германии последствий, если бы богемский сейм не избрал в 1620 г. королем вождя Протестантской унии Фридриха Пфальцского. Для ее противника - Католической лиги это избрание означало открытый вызов. Богемия была крупнейшей и процветающей территорией империи. Власть в ней протестантского короля означала такой удар по католицизму, от которого он, вероятно, не смог бы оправиться.

Лига собрала армию под командованием опытного полководца Иоганна Тилли, религиозного фанатика и человека беспредельной жестокости. Его армия вторглась в Чехию и пошла на Прагу. У Белой Горы путь ей преградило протестантское войско. Туманным утром 8 ноября 1620 г. колонны Тилли двинулись на позиции противника, быстро смяли войска и обратили их в беспорядочное бегство.

Хотя хорошо укрепленная Прага могла бы выдержать длительную осаду, уничижительное белогорское поражение деморализовало протестантов. Король Фридрих бежал за границу, а евангелические князья Германии не оказали ему поддержки. Дело в том, что чешский сейм совершил ошибку, избрав королем кальвиниста Фридриха – представителей

этого вероисповедания набожные лютеране ненавидели даже больше, чем католиков. Злосчастный король был лишен всех владений и звания курфюрста, которое Фердинанд передал своему союзнику, главе Католической лиги Максимилиану Баварскому.

После этого театр войны переместился на север, где армия Гилли одержала ряд новых побед. Казалось, что война закончится триумфом Габсбургов, и это сильно встревожило протестантские страны.

Первым в войну ввязался весной 1625 г. честолюбивый щеголь, датский король Кристиан IV, владевший землями на севере Германии. Фердинанд оказался в трудном положении. Помощь Лиги стоила дорого, ее вожди не проявляли особой заинтересованности в укреплении императорской власти, а Максимилиан Баварский уже получил все, чего добивался.

Поэтому Фердинанду оставалось только создать собственную сильную армию. Задачу взял на себя чешский дворянин Альбрехт Валленштейн, перешедший в католичество. Он быстро набрал войско и перевел его на своеобразное самоснабжение путем конфискаций и грабежей.

Блестящий полководец и организатор, весьма корыстолюбивый человек, Валленштейн представлял собой яркий тип авантюриста, не слишком обремененного нормами религии и морали. Если верить Фридриху Шиллеру, то Валленштейн за время войны поборами и грабежами выкачал из Германии 60 млрд. талеров. Но кто знает, возможно, для чеха Вальдштейна (его настоящая фамилия) немецкие земли были чужими и ненавистными?

Тридцатитысячная армия Валленштейна быстро разгромила главные протестантские силы весной 1626 г. близ Дессау на Эльбе. Тилли же остановил продвижение датчан в Тюрингию и в августе того же года нанес им решительное поражение при Люттере. Датчане потеряли более 4 тыс. убитыми, всю артиллерию и знамена, что было особенно позорно. Но без флота имперская армия вторгнуться в Данию не могла. Поэтому в Любеке был заключен мир, по которому Кристиан обязался не оказывать немецким протестантам поддержки и отказывался от всех территориальных притязаний в Германии.

Воодушевленный победами, император по настоянию иезуитов в 1629 г. издал указ о реституции, по которому все захваченные протестантами после договора 1552 г. в Пассау земли возвращались католической церкви. Предстояло вернуть два архиепископства, 12 епископств и множество мелких владений. Это затрагивало интересы почти всех протестантских князей и толкало их на ожесточенное сопротивление. Понимая это, Валленштейн и даже Тилли решительно возражали против столь несвоевременного указа.

Победы Валленштейна вызвали опасения у некоторых католических князей, считавших его усиление чрезмерным. Они убедили императора, слабохарактерного во всем, кроме религиозных вопросов, распустить армию Валленштейна, а самого генералиссимуса отправить в отставку, полагая, что теперь достаточно и одного Тилли, чуждого интриганству и честного по натуре человека.

Франция подстрекала к вмешательству в немецкие дела еще одного защитника протестантской ве-

ры - шведского короля Густава II Адольфа, к помощи которого зывали и германские князья. Шведский король сам стремился укрепиться на восточном и южном побережьях Балтийского моря и превратить его в шведское внутреннее озеро. Начиная поход в Германию, он преследовал несколько целей: оказать помощь протестантским собратьям, установить власть над северными немецкими гаванями, воспрепятствовать союзу католической Польши с императором, вытеснить Данию из Северной Германии.

В июле 1630 г. шведская армия высадилась в Померании, захватила Штеттин и двинулась на Одер. Германские князья-протестанты не без колебания стали заключать союзы с Густавом Адольфом, ибо он сразу повел себя крайне бесцеремонно, полностью игнорируя их интересы.

В сентябре 1631 г. усиленная немецкими отрядами шведская армия нанесла войскам Тилли страшное поражение севернее Лейпцига. В бою пало более пяти тысяч имперских солдат, сам Тилли был тяжело ранен и спасся лишь чудом. Власть Фердинанда в Северной Германии была сокрушена, а шведы пошли на Баварию. Уже опасаясь их соседства, французский кардинал Ришелье приказал занимать немецкие крепости на левобережье Рейна.

Император в панике вернул Валленштейна, вытребовавшего себе полную свободу действий и проведения любых переговоров. Новая армия Валленштейна вошла в Саксонию, чтобы запереть Густава Адольфа внутри страны. Разгадав этот замысел, шведский король поспешил на восток. 16 ноября 1632 г. обе армии столкнулись близ городка Люцен.

Ожесточенная битва продолжалась весь день и закончилась без явного перевеса одной из сторон. Но главное состояло в том, что уже в начале боя шведы понесли невосполнимую потерю - их король был убит метким выстрелом неведомого мушкетера. Лишь после сражения тело короля, истоптанное копытами боевых коней и уже обшаренное мародерами, было найдено возле огромного валуна, называемого с тех пор Шведским камнем, который можно увидеть и сегодня.

Для Швеции не все еще было потеряно, так как именно в этот момент вновь обострились отношения императора и Валленштейна, который стоял с армией в Богемии и упорно уклонялся от сражений. Вездесущие иезуиты разнюхали, что астрологи предрекли Валленштейну корону, может быть, даже императорскую. Фердинанду доносили и о таинственных переговорах его полководца с Саксонией, Швецией, Францией. Все это породило при венском дворе подозрения в измене. Император подписал тайный эдикт на смещение Валленштейна и распорядился арестовать его, а при сопротивлении - убить как государственного изменника.

Солдаты Валленштейна, не понимая его планов, стали покидать командующего. С горсткой приближенных он засел в чешской крепости Эгер (нынешний Хеб), где 25 февраля 1634 г. и был убит изменившими ему офицерами. Честолюбие вознесло этого человека на вершину славы, честолюбие же и погубило его.

Возглавивший теперь имперские войска принц Фердинанд начал наступление и соединился с испанской армией под Нёрдлингеном, прикрывавшем

главную базу шведского воинства. Решающее сражение, в котором против 25 тыс. шведов выступили 40 тыс. имперцев и испанцев, разыгралось 6 сентября. Уставшие от четырех лет войны, шведы потерпели полное поражение, потеряв 10 тыс. убитыми и 5 тыс. человек пленными.

Теперь протестантские князья стали искать мира с императором, к которому его склоняла и Испания, с тревогой ожидавшая вмешательства Франции. Первым на мировую пошел саксонский курфюрст, за ним - другие немецкие князья и города.

Казалось, что чаша весов окончательно склоняется на сторону императора, но война бушевала еще долгих 13 лет. Теперь пробил час Франции, так как перед ней замаячил призрак окружения австрийскими и испанскими Габсбургами. В мае 1635 г. французские армии двинулись в Нидерланды, на Рейн и в Южную Германию.

Вновь почти по всей немецкой земле запылал пожар войны. Шведы сражались с имперцами в Баварии, Силезии и Моравии, а попутно отобрали у единоверной Дании часть Шлезвига. Французы громили испанцев в Эльзасе и Нидерландах, хотя огрызающиеся солдаты дона Хуана Австрийского временами наносили им ощутимые ответные удары и почти уничтожили фландрскую армию.

На четвертом этапе войны разорение Германии достигло ужасающих размеров. По стране бесконечно маршировали военные полки, повсюду бродили банды дезертиров и мародеров, грабивших всех, кто попадался на их пути. С горечью писал об этом в драме «Валленштейн» Фридрих Шиллер:

Растоптаны ремесла и торговля, А солдатня бесчинствует
везде. В огне пылают городские кровли И нет конца
бессмысленной войне. (Пер. мой. - А.П.)

Изголодавшиеся и одичавшие, люди прятались в землянках
и норах, ели крыс и мышей, корни и траву, было множество
случаев людоедства. В разрушенной стране уже не оставалось
ресурсов для содержания армий, численность которых таяла на
глазах от голода, болезней и дезертирства.

Первоначальный религиозный дух давно испарился.
Конечно, война имела и религиозный характер, но его не стоит
преувеличивать. Так, саксонский курфюрст и Франция
участвовали в войне не на стороне своих единоверцев, а все
конфессии не раз заключали между собой союзы. Религия
идеологически подкрепляла политические мотивы, но отходила
на второй план, если между ними приходилось выбирать.

Наконец, после полного истощения в Мюнстере и
Оснабрюке, с декабря 1644 г. начались мирные переговоры
империи с Францией и Швецией. Пока переговоры топтались на
месте, каждая из сторон старалась усилить свои позиции
новыми захватами. Так, в начале 1648 г. французы в Баварии вы-
шли на берега Инна, а шведы внезапным лихим наскоком
ворвались в Прагу и осадили центр города. После -этого
император быстро согласился на все условия.

По Вестфальскому миру 1648 г. в империи восста-
навливалось положение, действовавшее в 1624 г.,

т.е. подданные получали право исповедовать любую религию независимо от веры их правителя. Швеция получила территории в устьях северогерманских рек - Одера, Эльбы и Везера, порты Висмар и Штеттин. Почти весь Эльзас и часть Лотарингии отошли к Франции. Практически уже давно отделившиеся от империи Швейцария и Нидерланды получили официальную независимость.

Прежнее устройство империи было дополнено новыми положениями. Впредь все имперские институты должны были состоять из равного числа католиков и протестантов. Для решения религиозных проблем в рейхстаге создавались отдельные конфессиональные курии. Кальвинизм был признан в качестве третьего равноправного вероисповедания, что делало империю многоконфессиональной. Вместе с тем за князьями сохранялась верховная власть при решении светских и духовных вопросов. Они получили право иметь собственную постоянную армию, заключать любые союзы между собой и с иностранными державами, только не против императора. Это превращало немецких князей в субъектов международного права, хотя полнота их суверенитета формально ограничивалась долгом верности империи и ее институтам - рейхстагу, судебной палате, придворному совету императора, ленниками которого они как бы оставались.

Закрепленная суверенностью всех территориальных владений политическая раздробленность Германии, гарантом которой выступали Франция и Швеция, превращала империю в арену политики и дипломатии прочих держав.

ЗАКАТ «СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ»

Почти все немцы позднее считали Вестфальский мир низшей точкой в развитии германской истории. Действительно, если рассматривать национальное государство как цель немецкой истории, то этот мир являлся тяжелым поражением. В 1889 г. известный историк Генрих фон Зибель писал, что «имперская власть и национальный образ мыслей были сведены к нулю. Партикуляризм полностью завладел немецкой землей и германским духом». Отчасти это было верно, отчасти - не совсем. Удивительным казалось то, что сохранилась «Священная Римская империя» не только в силу гарантий европейских держав, но и на основе перешедшей из Средневековья ленной связи князей с императором, как связи вассалов с сюзереном. Сама империя, в которой были гарантированы права как крупных, так и самых крохотных государств, являлась как бы маленькой копией большого европейского порядка, хотя устаревшей, отсталой и во многом непонятной. В 1667 г. видный юрист Самуэль Пуфендорф в своей известной и вскоре запрещенной книге «О состоянии германского рейха» назвал империю «монстром». Не в уничижительном смысле, а в смысле уникальности этого образования, которое одновременно было и не было государством, равно как было и не было союзом или федерацией отдельных государств.

После войны усилилось отставание империи от передовых стран Западной Европы. Она оказалась отрезанной от путей мировой торговли, переместив-

шейся на Атлантику, от заокеанских плодов колониальных захватов. В небольших по территории и населению немецких государствах не могли появиться крупные капиталы. Страну душила доходившая до абсурда паутина таможенных барьеров. Торговец, который вез по Рейну товар из Базеля в Кёльн, наталкивался на таможенные заставы через каждые десять километров и плыл поэтому зигзагами от одного берега к другому.

Но столь жалкое положение заставляло немецких князей усердно копировать пышную роскошь дворов Версаля и Вены, чтобы продемонстрировать свою политическую суверенность. Выпячивание княжеского достоинства, придворный церемониал, подчеркивание божественного происхождения власти монарха, отчуждение от большинства населения - все это служило формированию абсолютизма, недостижимым образцом которого являлся «король-солнце» - Людовик XIV. Для простого населения такая разновидность мелкодержавного абсолютизма была особенно тягостной, ибо в отличие от крупных государств — Франции, Испании, Австрии - на небольших территориях княжеская власть находилась слишком близко к подданным, чтобы от нее можно было уклониться.

Внешне «Священная Римская империя» казалась слабой и неспособной к защите. Франция Людовика XIV, занявшая господствующее положение в Западной Европе, вытеснив с политической арены Испанию, развернула теперь экспансию на севере и востоке, чтобы сокрушить стратегическую линию, которая связывала принадлежавшую Габсбургам Северную

Италию через Верхний Рейн и Эльзас с испанскими Нидерландами, ставшими затем австрийским владением. Кроме того, Людовик стремился установить «естественную» восточную границу Франции по Рейну. Имперские войска оказала слабое сопротивление французам, которые в 1670 г. заняли Лотарингию, вторглись в Эльзас и Пфальц, подвергнув его страшному разорению, французский посол в Вене произносил оскорбительные и угрожающие речи, которым не отваживался возражать император Леопольд I. Сильные имперские князя на Ремне, и прежде всего «великий курфюрст» Бранденбурга Фридрих Вильгельм, без особых угрызений совести порой заключали с Францией союз против императора. После захвата французами имперского горда Страсбург Леопольд в 1684 г. заключил в Регенсбурге постыдное перемирие, по которому Франция сохраняла за собой все завоеванные территории и горда. Но иного выхода не было, с востока надвигался еще более опасный враг, подстрекаемый все той же Францией, - турки.

В 1683 г. эти исконные враги христианства осадили Вену. Ее спасло только то что в последнюю минуту к городу подоспели имперские войска Карла Лотарингского и польские гусары короля Яна Собесского. Неожиданностью стало и те, что до сих пор вялый и малодушный Леопольд обрался с духом и стал готовиться к решительной борьбе против османской угрозы. Турецкая война (1683-99), в отличие от неудач на Рейне, была потрясающе успешной. В 1697 г. принц Евгений Савойский наголову разгромил превосходящие силы турок в битве при Зенте в Венгрии.

Примечательно то, что в общественном сознании поражение от Франции относилось на счет всей империи, а победа над османскими полчищами считалась заслугой одной Австрии, хотя в войне успешно участвовали курфюрст Баварии Макс Эммануэль и баденский маркграф Людвиг со своими армиями. Большую роль сыграла развернувшаяся во всю мощь габсбургская пропаганда. Отражение турецкой угрозы превратило Австрию в великую европейскую державу, что еще более отдалило ее от других германских государств.

Император был одновременно и главой австрийского дома, включавшего в себя связанные между собой персональной унией территории с совершенно различными нормами права и сословными представительствами. Это были исконные немецкие земли — эрцгерцогство Австрия, герцогства Штирия, Каринтия, Крайна и графство Тироль. Императору принадлежали также королевства Богемия и Венгрия. Поскольку Вестфальский мир существенно ограничивал власть императоров, они начали концентрировать свои усилия на укреплении собственных владений.

В Северной Германии влияние императорской власти было незначительным. К этому добавлялось постепенное ослабление соседних государств - Польши и Швеции. Образовался своего рода вакуум власти, который стало заполнять новое, набиравшее мощь государство - Бранденбургско-Прусское. Обязанное прежде всего неукротимой воле к власти и выдающемуся организаторскому таланту Гогенцоллернов это крупное государство состояло из отдельно расположенных частей: Бранденбург в Центральной

Германии, графства Клеве, Марк и Равесберг на Нижнем Рейне и Пруссия на крайнем северо-востоке, уже вне пределов империи. То, что курфюрст Фридрих III в январе 1701 г. по собственной воле короновался в Кенигсберге как «король в Пруссии», весьма позабавило Вену, не принявшую всерьез этого шага. В Германии было немало таких разбросанных по всей стране государств, которые обычно существовали непродолжительное время и частями переходили от одного монарха к другому или делились между наследниками. Пруссия стала исключением, ибо нашла успешный ответ на вызов времени.

Ее проблема состояла, казалось бы, в неразрешимом парадоксе. Географическое расположение Пруссии требовало проведения такой политики, которая не воспринималась бы соседями как угроза. Вместе с тем из-за разбросанности владений и открытости границ это государство подвергалось сильному внешнему давлению и постоянно балансировало на грани своего существования. Из такой ситуации в принципе имелось два выхода. Либо Пруссия должна была подчиниться политическому воздействию соседей и позволить им контролировать свою политику. Это был путь, который выпал на долю другого крупного государства этого региона - Польши, потерявшей в конце концов независимость и оказавшейся поделенной между Австрией, Пруссией и Россией. Либо Пруссия должна была внутренне организовать так, чтобы создать сильную армию, способную вести войну против любого противника и защитить свои земли. При этом, если любому крупному европейскому государству в случае поражения гро-

зила только контрибуция или потеря какой-нибудь области, то для выскочки Пруссии речь шла о ее существовании как государства. К тому же Бранденбургско-Прусское государство было малонаселенной бедной страной, практически без природных богатств, без месторождений угля и железной руды. В 1700 г. там проживало 3,1 млн. человек, в то время как в Польше - 6 млн., в Габсбургских владениях - 8,8 млн., в России - около 17 млн., а во Франции - 20 млн. человек.

По сравнению с другими европейскими государствами в 1740 г. Пруссия по территории занимала десятое, а по численности населения - тринадцатое место. Но по своей военной мощи она стояла на третьем-четвертом месте в Европе. Отсюда проистекало преобладание милитаризма в прусской государственности. Не случайно современники язвили, что если во всех странах армия существует для государства, то в Пруссии государство существует для армии. В итоге сложилась хорошо отлаженная бюрократическая организация, пронизавшая все сферы жизни, способная мобилизовать в полной мере силы страны. Отсюда берет начало и тот дух строгости и напряжения, не знающий радостей жизни, который сделал Пруссию, а позднее и всю Германию, столь нелюбимой в Европе. Но этот дух создал основу для выживания Пруссии, когда только что вступивший на прусский трон король Фридрих II (1712-86) в декабре 1740 г. вторгся в австрийскую Силезию.

Дерзкий поступок молодого короля явился европейской сенсацией. Стала реальностью война, которая маячила на горизонте Европы после смерти

императора Карла VI в октябре 1740 г. У него не было сыновей, и в течение ряда лет он пытался добиться согласия других держав с Прагматической санкцией, по которой австрийский престол наследовала бы его дочь Мария Терезия. Но после кончины императора правители Франции, Испании, Баварии и Саксонии попытались воспользоваться слабостью Габсбургов и начали вынашивать планы раздела австрийского наследства, однако Фридрих опередил всех. Его нападение на Силезию было игрой ва-банк, поскольку поражение означало бы гибель Пруссии как государства.

Разумеется, в XVIII в. изменение границ было довольно обычным явлением. Так, Австрия отняла у турок почти всю Венгрию, а также Банат, Сербию и часть Валахии. Франция в 1766 г. захватила Лотарингию, Россия изгнала Швецию из Прибалтики, Южные Нидерланды вместо испанских стали австрийскими. Во всех этих случаях, даже в грабительских войнах Людовика XIV, захваты сопровождались тем или иным юридическим обоснованием и дипломатическими играми. Но Фридрих II не утруждал себя даже видимостью права. Им двигало желание увековечить в истории свое имя, как он сам писал Вольтеру, и превратить Пруссию в великую европейскую державу.

Фридрих прекрасно использовал момент внезапности, располагая оставленной отцом хорошо обученной и вооруженной армией. Прочие же европейские державы, обуреваемые жадной расширения своих границ, стремились к союзу с бесцеремонным возмутителем спокойствия, чтобы получить свою

долю австрийского пирога. При благожелательном отношении Баварии, Саксонии, Франции и Испании Фридрих в итоге первой Силезской войны (1740-42) захватил основную часть Силезии. Вторая война (1744-45), которую также начал прусский король, опасаясь контрудара Австрии, поддержанной на этот раз Англией и Саксонией, имела ничейный исход. Но Австрия была вынуждена отказаться от Силезии, Пруссия признала законной наследницей габсбургского трона Марию Терезию, а ее мужа, Франца Стефана Лотарингского, - германским императором.

Силезские войны означали огромный переворот в Центральной Европе. Германия оказалась расколотой на два лагеря по реке Майн. Императорской власти на юге противостоял теперь почти равносильный соперник на севере, а Гогенцоллерны превратились в своего рода протестантских контркайзеров, взявших под опеку евангелические немецкие государства. Но Австрия не хотела и не могла смириться с потерей Силезии, откуда Габсбурги получали 18% своих доходов.

Поэтому спустя 14 лет вновь вспыхнула Семилетняя война за Силезию и за господствующее положение в Германии. И на этот раз нарушителем европейского мира оказалась Пруссия, против которой выступила мощная коалиция в составе Австрии, Франции, России и большинства немецких государств.

В этой войне против превосходящего противника Фридрих заслужил звание «Великий». Конечно, его успеху существенно способствовали британские субсидии и внезапная смерть царицы Елизаветы

в 1762 г., преемник которой Петр III, поклонник Фридриха, немедленно заключил с ним мир. Фридрих одержал победу главным образом благодаря своему полководческому таланту, негибавшей воле и сказочному везению. Впрочем, война Пруссии все же оставалась на втором плане в мировом столкновении Англии и Франции за господство на морях и за колониальные империи в Америке и Азии. С точки зрения Великобритании Пруссия служила просто «континентальным солдатом», чтобы сковать силы Франции и воспрепятствовать ее активным действиям в Индии и Северной Америке. Губертусбургский мир, заключенный 15 февраля 1763 г. после истощения сил воюющих сторон, закрепил за Пруссией Силезию. Пятью днями ранее был подписан Парижский мирный договор, по которому Франция уступила Британии почти все свои заокеанские владения. Как метко заметил бывший английский премьер-министр Уильям Питт, «Америка была завоевана в Германии».

После Семилетней войны некоторые немецкие государства практически отделились от империи и достигли европейского уровня. Австрия, Пруссия, Бавария, Вюртемберг, Саксония стали государствами в том же смысле, что и Франция или Испания. Что же касается империи, то она превратилась в поблекший миф, в юридическую конструкцию, обладавшую, впрочем, общеимперскими институтами - придворным советом в Вене, судебной палатой в Вецларе, постоянным рейхстагом в Регенсбурге. Тем не менее империя не превратилась в чисто метафизическое понятие. Для мелких государств, духов-

ных княжеств, имперских городов и рыцарства кайзер и рейх все еще оставались гарантами их существования и защитой от посягательств более сильных и прожорливых соседей.

После войны в Германии развернулась широкая дискуссия о необходимости реформы империи. Популярность приобрела идея третьей Германии, которую не разделяли Австрия и Пруссия. В соответствии с этой идеей все имперские князья, города и рыцари вернулись бы к своему вассальному долгу по отношению к императору. Оживший в конце XVIII в. имперский патриотизм в мелких немецких государствах резко контрастировал с тем отечественным духом, который охватил подданных Габсбургов и Гогенцоллернов, ибо австрийский или прусский патриотизм был совершенно антиимперским.

Но по-прежнему оставалось загадкой: а что, собственно говоря, представляет собой «Германия»? В XVII-XVIII вв. понятие «немецкий» все еще означало только язык. Даже перспективы развития этого языка казались иногда довольно мрачными, хотя именно в это время в стране возникли многочисленные филологические общества, которые боролись за чистоту немецкого языка с такой страстью, что она часто вызывала насмешки современников. Вместе с тем бросается в глаза то обстоятельство, что эта борьба ограничивалась в основном пределами протестантской Северной Германии.

В последней трети XVIII в. немцы начали осознавать себя как нацию. Абсолютистские государства стремились подчинить своему контролю все сферы жизни населения и распространить свое влияние на

каждого своего подданного. Поэтому возросли как численность и задачи бюрократического аппарата, так и требования к чиновникам, которые должны были разбираться в вопросах экономики и торговли так же хорошо, как в правовых и финансовых вопросах. Все большее значение приобретали способности и знания индивида, а не его происхождение. Для подготовки компетентных чиновников и администраторов князья по мере возможности создавали высшие школы, академии и университеты, самыми престижными среди которых в XVIII в. были университеты в Галле и Гёттингене. По всей Германии постепенно сложился образованный дворянско-буржуазный слой из чиновников, пасторов, профессоров, юристов, учителей, врачей, книготорговцев и лиц свободных профессий. Большинство из них достигли высокого социального статуса благодаря знаниям, а не наследственной сословной принадлежности. Осознавая свою национальную идентичность, немецкие просвещенные круги все громче заявляли о необходимости освобождения от французской культурной гегемонии и призывали немцев не быть «обезьянами чужой моды».

Но немецкая нация существовала тогда лишь в головах образованных людей. Она имела прежде всего культурно-языковую природу. Однако рост сети коммуникаций, резкое увеличение тиражей книг, газет и журналов, широкое распространение читательских обществ вплоть до небольших городов вели к появлению общественности нового типа. Но, как точно заметила французская писательница мадам де Сталь, «образованные люди в Германии горячо спорят меж-

ду собой в области теории и не терпят в этой сфере никаких оков, но зато довольно охотно уступают земным правителям всю реальность жизни».

Таким образом, немецкая нация была чисто культурной нацией без непосредственного политического содержания. Логично, что ее идею воплощали не правители и полководцы, как в Англии или во Франции, а мыслители и поэты, если не считать Фридриха Великого, «короля-философа из Сан-Суси». Гёте и Веймар значили для немцев то же, что Наполеон и Париж для французов. Если еще с эпохи гуманизма осуждалась политическая раздробленность страны, то выход усматривали не в создании единого национального государства западноевропейского типа, а в солидарной поддержке императора немецкими князьями и сословиями. Преимуществом Германии не без оснований считалось то, что в ней сложилось множество центров культуры в отличие от Франции, где Париж определял культурно-политическую жизнь всей страны.

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

В последней трети XVIII в. Европу захлестнула волна сельских и городских бунтов. Они быстро терпели поражения, но нагнетали атмосферу тревоги и беспокойства. Волнения прошлых лет были вызваны прежде всего неурожаями и ростом цен на продовольствие. Однако само устройство государства и общества под сомнение не ставилось. Теперь положение изменилось. Под влиянием Просвещения ут-

ратили свой былой авторитет божественная милость и «старое доброе право». Просвещение было не только философией образованной элиты, но и духовно-культурным явлением, которое пронизало все сферы жизни и внушало людям уверенность в том, что они сами могут устроить свое счастье не на небесах, а на земле, опираясь на законы разума и природы. Завораживающим для Европы стал пример Америки, где народ поднялся на борьбу против тирании британской короны. А в июне 1789 г. из Парижа пришло ошеломляющее известие: третье сословие Генеральных штатов объявило себя единственным представителем французского народа и начало разработку конституции на основе принципа народного суверенитета и прав каждого человека.

В Германии весть о Французской революции сперва была встречена с воодушевлением и энтузиазмом. Но когда в 1793-94 гг. начался кровавый якобинский террор, первые в современной истории массовые убийства во имя свободы и справедливости, то напуганные немецкие бюргеры восприняли это как катастрофу разума. Восторжествовала идея бегства от политики в мир душевных переживаний, в романтические грезы о прекрасном, а Европа тем временем стремительно падала в пропасть войн и революций.

Но в Германии революции не произошло. Не было «немецкой» реакции на французскую революцию. Наблюдалось широкое множество отдельных реакций различных социальных групп. Пример Франции усилил представление о том, что политические перемены в немецких государствах лучше осуществлять тщательно продуманными реформами, что предо-

ставлению прав и свобод должен предшествовать общий процесс воспитания граждан. Как тонко заметил в июле 1793 г. Шиллер: «Следует начать с того, чтобы подготовить граждан к конституции, прежде чем давать им конституцию».

В апреле 1792 г. началась война революционной Франции против коалиции европейских государств. В Париже были уверены в слабости Габсбургов и не верили в возможность союза Австрии и Пруссии, который тем не менее состоялся. Руководители коалиции считали свои закаленные в Семилетней войне армии непобедимыми и рассчитывали одним ударом покончить с восставшим парижским сбродом.

Но высокий боевой дух и патриотизм французской армии, ее новая тактика за несколько лет привели к полной гегемонии Франции на Европейском континенте, где возник ряд новых марионеточных государств: Батавская, Гельветская, Цизальпинская, Лигурийская республики. С европейской карты после второго и третьего разделов в 1793 и 1795 гг. исчезла Польша. Война шла не только в Европе. Она охватила половину земного шара, от Индии до обеих Америк бушевала морская война за колонии и пути к ним. Впервые в истории речь шла о борьбе за мировое господство и полное уничтожение врага. Но пока ни один из главных противников - Англия, Франция или Россия - не был окончательно повержен, не стоило и надеяться на окончание войны.

Правда, Пруссия, геополитически зажата между Францией и Россией, по сепаратному Базельскому миру 1795 г., вышла из коалиции и признала левобе-

режье Рейна за Францией. Под защитой прусского оружия в Северной и Восточной Германии на десять лет воцарился мир.

Но в остальной Европе война продолжалась и вела к значительным изменениям политической карты. Испания и Португалия вышли из войны совершенно истощенными, Австрия терпела одно поражение за другим, Англия оказывалась во все большей изоляции, а Россия при Павле I в 1801 г. даже заключила союз с Францией, которая шла от триумфа к триумфу. Она аннексировала Бельгию и Рейнскую область, превратила Нидерланды и Швейцарию в свои протектораты, раздробила Италию на дочерние республики. Наполеон далеко превзошел самые дерзкие мечты Людовика XIV.

Понесшие урон правители Баварии, Гессен-Касселя, Бадена и Вюртемберга по примеру Пруссии нашли способ недорого и даже с выигрышем одолеть бедствие. В обмен за уступку французам Рейнской области они получили «соразмерное возмещение» за счет тех, кто не имел ни силы, ни защитников. Это были мелкие князья и графы, духовные, городские и рыцарские владения. Сам кайзер Франц II, по тайному дополнению к Кампоформийскому мирному договору 1797 г., дал на это свое согласие, отказавшись тем самым в угоду габсбургским интересам от принципа неприкосновенности империи. Впрочем, последнее слово оставалось не за немецкими правителями, а за Францией и Россией. Их план реорганизации германских государств в феврале 1803 г. был принят особой имперской депутацией, а месяц спустя утвержден рейхстагом.

С этого времени ужасающая территориальная раздробленность Германии ушла в прошлое. Число имперских территорий и городов сократилось с 314 до 30, не считая 300 уцелевших рыцарских владений, состоявших из одних границ. Вюртемберг же вдвое увеличил число подданных, а Бавария - даже в три раза.

С лица земли были стерты почти все владения самых верных приверженцев императора и рейха - имперского дворянства, городов и церкви. В то же время средние германские государства, увеличившие с помощью Франции свои владения, видели свое будущее только в тесном союзе с Наполеоном, который осенью 1804 г. совершил поездку по Рейнской области и был встречен населением с неопишущим ликованием.

12 июля 1806 г. «Священной Римской империи» был нанесен смертельный удар. Представители 16 южных и юго-западных германских государств подписали акт о создании под протекторатом Наполеона Рейнского союза, вышедшего из состава империи. Она стала чистой фикцией, и 6 августа Франц II сложил с себя корону римского императора. Так бесславно и даже позорно закончилась тысячелетняя история «Священной Римской империи германской нации». Только один имперский князь, правитель Передней Померании, шведский король Густав IV Адольф с должным почтением и грустью известил своих подданных о решении императора и добавил, что «теперь разорваны священнейшие узы, но никогда не будет уничтожена немецкая нация и по милости Всевышнего Германия когда-ни-

будь объединится заново, снова восстановит силу и авторитет».

Военный триумф французской армии, сражавшейся от имени «единой и неделимой нации», не был случайным. Французских солдат вела к победам горячая любовь к родине. Та любовь, которой не знали немцы, поскольку не имели отечества. Поэтому французские армии казались непобедимыми. В декабре 1805 г. Наполеон разгромил русско-австрийские войска при Аустерлице. По Прессбургскому миру, Австрия была низведена до уровня государства среднего ранга. 14 октября 1806 г. под Йеной Наполеон наголову разбил прусский корпус князя Гогенлоэ. В тот же день около Ауэрштедта его маршал Даву нанес сокрушительное поражение главным силам прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского, смертельно раненного в самом начале битвы. Прусские войска обратились в паническое бегство. Они потеряли 22 тыс. убитыми и ранеными, 18 тыс. попало в плен, было утрачено 200 орудий и 600 знамен.

Прусской армии больше не существовало. Ее остатки капитулировали через несколько дней. А что можно было ожидать от армии, применявшей устаревшую колонную тактику, в которой царила палочная дисциплина, а почти половина генералов были старше 60-70 лет. Такая армия годилась разве что для мародерства при польских разделах.

27 октября Наполеон вступил в Берлин и встретил горячий прием горожан. Как писал Генрих Гейне, «Наполеон дунул - и Пруссии не стало». Спустя год король Фридрих Вильгельм III подписал жесткий

Тильзитский мир, наполовину сокративший территорию Пруссии, обложенной огромной контрибуцией. Она могла бы исчезнуть вообще, если бы Наполеону и Александру 1 не был нужен стратегический буфер между их державами.

Шок от поражения, чувство унижения и бессилия, бремя непосильной контрибуции, опустошительные марши французской армии, рост цен, вызванный французской таможенной системой, - все это привело к двум важным изменениям: проведению реформ в немецких государствах по французскому образцу и зарождению немецкой нации.

В полностью марионеточных государствах - Вестфальском королевстве и Великом герцогстве Берг - управление и правовая система были напрямую введены из Парижа. Государства Рейнского союза, вне которого в конце концов остались только Австрия и Пруссия, переняли французские институты и нормы права с учетом местных особенностей и традиций. Были приняты конституции, модернизировано государственное управление по французскому образцу, введен Кодекс Наполеона, т.е. буржуазный гражданский кодекс, основные права и свободы. Ликвидация сословий и дворянских привилегий, освобождение крестьян от личной зависимости означали, что хотя эта часть Германии фактически потеряла независимость, но по внутреннему устройству стала наиболее свободной и прогрессивной территорией Германии.

Австрия и Пруссия, постоянно испытывавшие давление и угрозу со стороны Наполеона, также приступили к вынужденной оборонительной модернизации и реформировали свои структуры в основном

по французскому типу. Их монархи и бюрократия стремились прежде всего ликвидировать последствия жестокого поражения и консолидировать свои государства. Пруссия, которая провела реформы более целенаправленно и глубоко, чем неповоротливая Дунайская монархия, превратилась в государство неслыханной прежде централизации власти. Руководители реформ барон Генрих Штейн (1757-1831) и князь Карл Август фон Гарденберг (1750-1822) издали целый ряд реформаторских указов.

Самым крупным актом был Октябрьский эдикт (9 октября 1807 г.), даровавший крестьянам личную свободу без выкупа и свободу местожительства. Эдикт разрешал свободную куплю-продажу земли. Государственные крестьяне получали свои наделы без выкупа. В Пруссии из их числа появилось 30 тыс. новых мелких собственников. Реформа же относительно помещичьих крестьян остановилась на полпути. Освобождение было проведено без наделения землей, что отвечало интересам землевладельцев, которые стремились превратить прежних крестьян в батраков-поденщиков и получили право на определенных условиях присоединять их участки. Утвержденные в 1811 г. условия выкупа были разорительны для мелкого крестьянства, обязанного или сразу заплатить 25 годовых платежей или уступить от трети до половины своих наделов. Вообще были лишены права выкупа крестьяне, не имевшие полной упряжки скота или сидевшие на своих наделах менее 50 лет.

В городах Пруссии вводилось самоуправление в виде избираемых на основе имущественного ценза

собраний депутатов, которые из своего состава затем избирали магистрат.

Военная реформа была связана с именем Герхарда Шарнхорста, сына ганноверского крестьянина, возглавившего в 1807 г. прусскую армию. Отменялись телесные наказания, офицерские чины могли получать и недворяне, был создан генеральный штаб и открыта военная академия. Чтобы обойти установленный Тильзитским миром лимит численности армии в 42 тыс. человек, стали проводиться короткие призывы на месячный срок. В 1814 г. в Пруссии вводится всеобщая воинская повинность.

При Гарденберге была проведена финансово-промысловая реформа. С молотка продается конфискованное церковное имущество, вводится небольшой налог на дворянство. Принятие системы промысловых лицензий означало разрушение монополии цехов. Наконец, в завершение реформ было обещано создание в будущем национального представительства с избираемыми депутатами.

Прусские реформы проходили в трудных условиях французской оккупации и сопротивления придворной камарильи, громогласно утверждавшей, что лучше три поражения под Йеной, чем один Октябрьский эдикт, хотя от него однозначно выиграло юнкерство, сохранившее за собой и судебную власть на селе.

Одновременно с проведением реформ в Пруссии усиливалось сопротивление французской оккупации. Население было недовольно медлительностью реформ и считало покорность правительства и короля недопустимой и бесчестной. Зимой 1807-08 гг. философ Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814) выступил

в Берлине со своими знаменитыми «Речами к немецкой нации». Он заявил, что немецкий народ является изначально «чистым народом», который борется за свободу против политического и культурного порабощения со стороны Франции, а значит - служит историческому прогрессу. Ярый франкофоб, публицист Эрнст Мориц Арндт (1769-1860) своими неустанными призывами возбуждал чувство ненависти к французам - ненависти, которая «должна стать истинной религией немцев, а свобода и отечество - святынями, на которые следует молиться».

Организационно национальное движение стало оформляться в виде тайных обществ вроде «Союза добродетели» в Кенигсберге или Немецкого союза во главе с «отцом гимнастики», публицистом Фридрихом Людвигом Яном.

Когда до Германии дошла весть о гибели наполеоновской «Великой армии» в русских снегах, то выпущенное 17 марта 1813 г. королевское воззвание «К моему народу!» вызвало массовое воодушевление, подогреваемое потоком изданий антифранцузской и националистической литературы. Участвовать в этом процессе не гнушался ни один немецкий мыслитель или писатель, за исключением космополита Гёте, которому были противны националистические порывы его соотечественников и который демонстративно носил полученный от Наполеона орден даже тогда, когда это перестало быть предметом гордости и восхищения.

Освободительная война против Франции стала поистине национальной войной. Правда, в пропрусской историографии долгое время жила легенда

о том, что «король призвал, и все, все пришли». На самом деле Фридрих Вильгельм III, обладая нерешительным и боязливым характером, колебался так долго, что прусские генералы стали подумывать о необходимости его отречения. Так что на войну пришли уже почти все, прежде чем появился сам король. Еще туманными оставались и шансы на победу. Россия, Англия, Пруссия и Швеция не имели достаточно сил, чтобы разгромить последние армии Наполеона. Не хватало Австрии, которая после долгих колебаний наконец вступила в союз, а за ней - и государства Рейнского союза. В начале 1814 г. союзники подошли к Парижу. Наполеон отрекся от престола, закончилась война, которая продолжалась почти непрерывно более двадцати лет.

РОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Эпоха французской революции и Наполеоновских войн стала и временем рождения германского национализма, тогда как «Германии» еще не было ни в политическом, ни в географическом смысле. Национализм вырос на почве общего глубокого кризиса и заимствовал важные социально-политические функции. Что же делало национализм необычайно притягательным?

Он предложил новые, современные основы легитимации власти, наиболее радикальной из которых стал принцип народного суверенитета, на базе последнего были созданы США.

В начале XIX в. многие немцы ощутили то, что сегодня называют кризисом интеграции, т.е. адаптации к новым условиям. В этом смысле национализм как бы занял прежнее место церкви, придавая жизни смысл и заменяя прежние церковные или территориальные исторические традиции. Он создавал новую идентичность, которую почти полностью уничтожила четвертьвековая эпоха революций и войн. В результате возник своего рода социально-психологический вакуум или, говоря словами Зигмунда Фрейда, глубокий «психоневроз».

Первыми носителями национализма стали интеллектуалы, остро ощущающие потребность в новой ориентации и новой идентичности, особенно после краха «Священной империи». При этом в немецком, как и в любом другом, национализме во-едино слились два идейных направления. С одной стороны, миф о грандиозном прошлом, истолкованном с национальных позиций, с другой - миф о национальном возрождении и об уготованном немецкой нации блестящем будущем. «Немецкая нация» и «немецкий народ» стали потенциально могучими историческими силами, хотя еще на рубеже XVIII-XIX вв. они существовали только в политических фантазиях узкого круга интеллигенции. Совсем неслучайно, что этот круг образовывали прежде всего протестантские теологи, историки, писатели, чиновники, учителя. Они были свободны от церковных догм и помещали в центр своей псевдорелигии нацию, а это, в конце концов, привело к тому, что национализм приобрел черты «политической религии».

Ранний немецкий национализм являлся либеральной и оппозиционной по отношению к «старому порядку» идеологией. Он стремился подчинить власть монархов в отдельных германских государствах интересам нации, ликвидировать дворянские привилегии, устранить сословное неравенство вообще. Центральной фигурой становился отныне не покорный «подданный», понятие, которое националисты вслед за видным романистом Христофом Виландом (1733-1813) презрительно называли «дурно звучащим и неприличным», а активный гражданин государства. У него должна была быть либо собственность, либо образование, на основе которых он мог содействовать делу нации. Поэтому национализм имел ясно выраженные модернизаторские черты.

На первом этапе своего развития, с 80-х гг. XVIII в. до 1820 г., он носил интеллектуально-элитарный характер и был представлен малочисленной группой. Массовым движением национализм становится только во время революции 1848 г., прежде всего благодаря распространению и воздействию прессы, а также резко выросшей социальной мобильности. Велика была в этом роль транспорта, который изменил прежние представления о времени и пространстве.

Поскольку носителем национализма была образованная элита, которая не вписывалась в позднесословное общество, то ее представителей в каком-то смысле можно считать маргиналами, увидевшими окружающий мир другими глазами. Отсюда понятно, что для властей либеральный национализм являлся угрозой и даже подрывным элементом.

С 1819 г. национализм подвергался постоянным репрессиям и преследованиям. Тем не менее с конца 1820-х гг. он совершил мощный рывок вперед. Почему это произошло?

В общественно-политическом плане либеральный национализм вызывал все больше симпатий. Германский союз в глазах либералов и демократов являлся прежде всего органом и орудием репрессий. Они связывали свои надежды на лучшее будущее со свободным конституционным национальным государством. Большую роль в укреплении национальной идеи сыграл Рейнский кризис 1840 г., когда Франция, потерпев неудачу в Египте, обратила свои взоры на Рейн. Именно тогда Август Хофман фон Фаллерслебен пишет текст знаменитой «Песни немцев» с ее известнейшей, но совершенно неверно толкуемой строкой: «Германия, Германия, превыше всего...»

У раннего немецкого национализма к требованию единства с самого начала примешивалось хотя еще смутно выраженное, но тем не менее весьма сильное сознание особого предназначения немцев. С этой точки зрения объединенная Германия, развив свои неисчислимы и еще никогда не использованные силы, сможет стать ангелом-хранителем всего человечества. Тогдашняя немецкая реальность представляла собой жалкое зрелище. Отсюда немецкие националисты вдохновлялись не ею, а силами души, эмоциями и фантазией. Чарующая утопия охватывающего весь мир национального призвания являлась своеобразной компенсацией за удручающую современность. Так, один из ранних немецких романтиков

и националистов, мыслитель и литератор Фридрих Шлегель уверенно высказывал такой прогноз спустя 11 лет после Французской революции:

Угас Европы дух бесследно, Но бьет в Германии родник. И наши армии победно Сразят французов в этот миг. (Пер. мой. - *АП.*)

Поборники национализма усматривали основу преодоления всех трудностей в создании немецкого национального государства, в единении всей германской народности. В этот же ряд входили имперская мифология и призыв к возрождению империи. Присущее национализму мессианское сознание и вера в избранность, превращение национализма в религию, ядовитая ксенофобия и упования на «немецкого Наполеона», который железной рукой сотворит единое национальное государство, соединились во взрывоопасную идеологическую смесь. Прозорливо писал в 1848 г. консервативный австрийский писатель Франц Грильпарцер, что «путь современного человечества начинается с гуманизма, проходит через национализм и заканчивается зверством».

Но не надо забывать и о том, что ранний немецкий национализм не только требовал единого сильного государства, но и боролся против монархической автократии и сепаратистского дворянства, выступал за участие граждан в исполнении политической власти и за устроенное в интересах народа общество. Гуманный, просвещенный, космополитический аспект этого национализма полностью отвечал тради-

циям и образу мышления образованных слоев немецкого общества, из которых и происходили его главные представители.

Немецкий национализм так и не сумел разрешить коренное противоречие, которое кажется вообще неразрешимым. С одной стороны, объединенным в единую нацию и государство немцам уготовано более высокое призвание, чем остальным народам. С другой, они должны не замыкаться в рамках своего национального эгоизма, а отдать все свои дарования на благо человечества. Страстный поборник национализма и вообще «первый политический проповедник большого масштаба», берлинский теолог и философ Фридрих Шлейермахер подкреплял требование единства национализма и космополитизма словами пророков Ветхого Завета: «Так хочет Бог».

РЕСТАВРАЦИЯ

В то время как участники освободительной войны возвращались домой, ожидая исполнения своих надежд на создание единой и свободной Германии, в Вене собрался конгресс европейских монархов, для которых не было ничего страшнее, чем справедливое национально-государственное устройство Европы, казавшееся им революционным и опасным.

Венский конгресс проходил под лозунгом реставрации, возвращения к дореволюционной системе государств и прежнему социально-политическому порядку. Для победителей Наполеона в основном было 'восстановлено положение, существовавшее

в 1792 г. Только Пруссия получила значительную часть Саксонии и расширила свои рейнские владения. Напротив, Австрия потеряла Бельгию и область Верхнего Рейна. Этим закончилась многовековая прямая конфронтация Австрии и Франции, которая началась еще в XVI в. войнами императора Карла V с королем Франциском I за Италию и бургундское наследство. Теперь вместо Габсбургов немецким соседом и потенциально главным противником Франции на Рейне стала Пруссия, простиравшаяся отныне от Ахена до Тильзита.

Германия, как и прежде, осталась раздробленной. Венский конгресс даже не стал рассматривать предложенный Штейном план объединения страны. Ее скреплял только рыхлый Германский союз, этот секуляризированный преемник «Священной Римской империи», о восстановлении которой не было и речи. Союз состоял из 35 суверенных государств и 4 вольных городов. Во главе его находился постоянный конгресс посланников. Союзный совет или бундестаг, являвшийся единственным общегерманским учреждением. Работой бундестага руководил австрийский император. Австрия и Пруссия входили в Германский союз только теми территориями, которые прежде относились к империи. С другой стороны, в союзе оказались и иностранные монархи: король Дании как правитель Шлезвига, английский король, владевший Ганновером, и король Нидерландов, которому принадлежал Люксембург. Такое устройство Германии, вновь связанное с европейским порядком, было решительным отрицанием национального принципа и последней попыткой сохранить

раздробленность страны для поддержания баланса интересов великих держав.

Внутриполитическое устройство германских государств по решениям Венского конгресса до поры до времени оставалось неопределенным: были возможны как либеральные конституции, так и старые сословные представительства. Но общественность Германского союза, взбудораженная войной против Франции, громко требовала введения обещанных свобод и конституций, на что в годы бедствий легко соглашались перепуганные князья.

В авангарде оппозиционного движения шло студенчество. В октябре 1817 г, по случаю трехсотлетнего юбилея Реформации около 500 студентов из 11 протестантских университетов собрались в Вартбурге, где Лютер некогда переводил Библию, под черно-красно-золотыми флагами. Это были цвета формы солдат добровольческого корпуса барона Адольфа фон Лютцова времен освободительной войны, состоявшего в основном из студентов и ремесленников, носивших черные мундиры с красными обшлагами и золотыми пуговицами. Теперь эти цвета стали символом национального движения и единства родины. Ораторы, выступавшие в Вартбурге, решительно требовали создания единой и свободной Германии. Часть наиболее радикальных студентов в знак протеста сожгла те книги, которые являлись для них «реакционными и антигерманскими», а также солдатскую косичку и капральскую палку. Но вместе с книгами идеологов Реставрации в огонь полетел и Кодекс Наполеона, что говорило об элементах тевтонского шовинизма и национализма в студенческом движении.

Спустя два года студент Карл Занд совершил бессмысленное убийство российского агента, плодовитого драматурга Августа Коцебу, который едко высмеивал идеалы национального движения. Это событие произвело эффект разорвавшейся бомбы, так как стало первым политическим убийством в Германии с того времени, как в 1308 г. король Альбрехт I Габсбург был убит своим племянником.

Убийство Коцебу дало австрийскому канцлеру и фактическому руководителю Германского союза князю Клеменсу фон Меттерниху (1773-1859) желанный повод разгромить оппозиционное движение. В августе 1819 г. первые министры германских государств приняли Карлсбадские постановления, чтобы жестоко подавить революционные настроения. Повсюду начались полицейские преследования «демагогов». Австрия и Пруссия фактически вернулись к абсолютистским порядкам, оппозиционные силы ушли в подполье. Казалось, что удалось воздвигнуть прочную плотину против революционных перемен. Но циник Меттерних понимал, что в прошлое вернуться невозможно. В своем дневнике он тогда записал: «Старая Европа находится в начале своего конца».

Германия вступила теперь в период, который позднее назовут «бидермейером», по фамилии литературного героя, олицетворявшего собой простодушие и мещанский уют. В Европе уже два десятилетия царил покой, острые политические дебаты временно затихли. Но эта идиллия оказалась обманчивой. Когда в июле 1830 г. во Франции вспыхнула очередная революция, то волнения начались и в большинстве

германских государств, правители которых были вынуждены ввести умеренно-либеральные конституции и согласиться на созыв ландтагов.

Через два года немецкая оппозиция вновь показала свою живучесть. В мае 1832 г. около замка Гамбах в Пфальце собралось свыше 30 тыс. студентов, либеральных бюргеров, демократически настроенных ремесленников и рабочих. Снова во весь голос зазвучали требования о создании единой и свободной Германии и даже низвержении княжеских тронов. Один из главных ораторов, депутат баварского ландтага Филипп Якоб Зибенпфайфер заявил, что «настанет день, когда величественная Германия встанет на бронзовый пьедестал свободы и справедливости, держа в одной руке факел просвещения, который пошлет луч цивилизации в отдаленные уголки земли, а в другой - третейские весы». Меттерних ответил на гамбахскую демонстрацию новыми репрессиями. Была полностью ликвидирована свобода прессы, союзов и собраний, некоторые из инициаторов праздника подверглись аресту, другие бежали за границу.

Одной из главных причин обострения ситуации явился бурный прирост населения, приведший к нехватке продуктов питания. На селе, прежде всего в Остэльбии, это привело к настоящему перенаселению, ибо быстрее всего росло число безземельных людей. Не находя дома работы, они уходили в города, пополняя там многочисленные слои нищих. От этой массовой пауперизации страдали и ремесленники. Прусские и рейнские реформы ликвидировали регулирующие механизмы цехов, что вело к их

чрезмерной раздутости и к тому, что все большее число подмастерьев и учеников оставались без работы. Никто не знал, каким образом можно справиться со столь массовым обнищанием.

Возможно, что немецкие государства сумели бы и в 1840-х гг. сохранить лояльность своего населения, а Германия так и оставалась бы только географическим понятием. Но к этому времени реформы были практически приостановлены. А экономическая модернизация, проводимая с помощью реформ, повлекла за собой такие социальные издержки, которых никто не предполагал. Постоянно нарастало возмущение как невыполненными обещаниями введения настоящей конституции, так и политикой властей, усиливших цензуру и все чаще применявших полицейские меры против оппозиции. Пути государства и общества расходились все больше.

В Германском союзе не только возросло социальное напряжение, но вновь усилились и политические волнения, связанные, как обычно, с внешнеполитическим и экономическим кризисами. После событий 1830 г. властям удалось сохранить за собой общественно-политический контроль, но поскольку в большинстве немецких государств теперь существовали ландтаги, либеральные члены которых, имея депутатскую неприкосновенность, могли произносить дерзкие речи и публиковать резко критические статьи, то либеральная оппозиция значительно упрочила свои позиции. Все большую популярность завоевывала идея национального единства, особенно после Рейнского кризиса 1840 г., когда Франция впервые после 1815 г. снова обнаружила стремление уста-

новить свою границу по Рейну. Это привело к всплеску стихийного массового национального движения в Германии, направленного не только против Франции, но и против вялой реакции Германского союза на домогательства Парижа.

В 1840-х гг. произошло новое оживление немецкого национализма и его организаций. Спортивно-патриотическое движение охватило всю страну. Важным компонентом национального движения стали певческие союзы. Они организовывали общегерманские фестивали, подогревавшие национальные эмоции. На первых общегерманских научных конгрессах постоянно подчеркивалось единство науки и национальной идеи. Эти годы стали также временем интенсивного создания национальных памятников - кёльнского собора, монумента Арминию в Детмольде, Валгаллы близ Регенсбурга, павильона освобождения в Кельхайме. Национальная идея и либеральная оппозиция стали двумя сторонами одной и той же медали.

Социально-политическим волнениям не хватало только экономического кризиса, чтобы сложилась непосредственная революционная ситуация. Но это произошло в 1846 г. Кризис 1846-47 гг. был последним европейским кризисом старого типа, который разразился из-за неурожая и вызванного им голода. За ним в 1847-48 гг. последовал первый «современный» кризис экономического роста, причиной которого стал обвал конъюнктуры потребительских товаров из-за перепроизводства.

В Германии повсеместно вспыхнули стихийные голодные бунты, переросшие в Берлине в «карто-

фельную войну». Эти бунты были подавлены военной силой. Заявил о себе и конституционный либерализм. 10 октября 1847 г. в гессенском городе Рёппенгейм собрались ведущие деятели этого направления, чтобы потребовать создания немецкого федеративного государства с сильным и ответственным перед парламентом правительством. А месяцем ранее в баденском Оффенбурге устроили съезд радикальные демократы, провозгласившие своей целью создание единой германской республики. Оживились также социально-революционные и социалистические круги, во главе которых стояли Фридрих Геккер, Вильгельм Вейтлинг, Мозес Гесс, а также радикальные союзы немецких подмастерьев, созданные эмигрантами в Швейцарии, Париже и Лондоне. Волна протеста и недовольства, которую не могли остановить власти, настраивала общество на близкие революционные потрясения.

ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

И вновь, уже в третий раз, известие из Парижа, пришедшее 24 февраля 1848 г., всколыхнуло всю Европу. Во Франции разразилась новая революция, свергнувшая буржуазного короля Луи Филиппа. Почти во всех немецких столицах начались уличные демонстрации и столкновения с полицией. В ландтагах умеренно-либеральная и радикально-демократическая оппозиция громогласно требовала свободы прессы и собраний, разрешения политических партий и создания гражданской гвардии, наконец, созыва обще-

германского парламента с целью объединения страны. За мартовскими требованиями последовало создание «мартовских министерств» из либералов, которые начали осуществлять эти требования. Царило всеобщее национальное воодушевление. Новое баварское правительство поэтически называли «министерством утренней зари», а черно-красно-золотые знамена национального движения развевались над всей Германией.

Прокатившаяся штормовым валом с Запада на Восток революция достигла главных государств Германского союза - Австрии и Пруссии. В Вене умеренно-либеральное движение за считанные дни было захлестнуто радикально-демократическим потоком. Меттерних бежал в Англию, императорский двор укрылся в Инсбруке, а во всех частях империи вспыхнули национальные революции. В Пруссии сперва казалось, что Фридриху Вильгельму IV удастся обуздать стихию революции и самому встать во главе объединительного движения. Но король-романтик колебался слишком долго, его уступки явно запоздали. 18 марта в Берлине началось народное восстание и баррикадные бои на улицах прусской столицы. Испуганный король был вынужден вывести войска из города, согласиться на создание либерального правительства и объявить в воззвании «К моим возлюбленным берлинцам» о предстоящем созыве прусского Национального собрания для выработки конституции.

18 мая 1848 г. во франкфуртской церкви Св. Павла открылось общегерманское Национальное собрание из 585 представителей немецкого народа, чтобы

принять общегерманскую конституцию и избрать национальное правительство. Это была впечатляющая демонстрация свободы и единства Германии.

Но какой должна была стать новая Германия? По этому вопросу никогда не было единодушия. Раскололся и Франкфуртский парламент, где определились две позиции. Сторонники великогерманской платформы предлагали объединение всех немецких земель под скипетром Габсбургов. Им противостояли приверженцы «малогерманского» решения проблемы: объединение Германии под эгидой Пруссии и без многонациональной Австрийской монархии. Разгорелись многомесячные дискуссии о сути и границах будущего единого государства, а тем временем разочарованные нерешительностью либералов революционные демократы подняли в Бадене республиканское восстание, плохо подготовленное, несвоевременное, которое было жестоко подавлено войсками Германского союза, главным образом пруссаками. Можно сказать, что «пруссские игольчатые ружья уничтожили миф национальных баррикад». При этом прусские солдаты не думали о том, что они стреляют в своих немецких соотечественников. Нет, они стреляли в баденцев, саксонцев, баварцев, гессенцев. Это и показало слабость чувства общегерманского братства и национального единения.

Наконец, после долгих споров. Франкфуртский парламент принял конституцию, по которой единая Германия должна была стать конституционной парламентарной монархией с гарантированными основными правами и свободами граждан. Он избрал вре-

менное центральное правительство во главе с либеральным австрийским эрцгерцогом Иоганном. Но на деле конституция так и осталась клочком бумаги, а правительство не имело ни силы, ни авторитета, ни реальной власти.

Франкфуртский парламент часто называли «непрактичным профессорским» парламентом. Но в тех условиях он сделал все, что было в его силах. Другое дело, что судьба революции решалась не во Франкфурте или, во всяком случае, не только там. Бессилие франкфуртского парламента со всей очевидностью проявилось во время шлезвиг-гольштейнского кризиса. В марте 1848 г. Шлезвиг и Гольштейн заявили о своей независимости от Дании, образовали временные правительства и обратились за помощью к Национальному собранию. Судьба этих герцогств всколыхнула немецкое общество. Для национального движения Франкфуртский парламент мог стать легитимным только в том случае, если он сумеет возвратить эти территории в лоно единой Германии. Но у него не было собственной армии, поэтому парламент призвал на помощь прусского короля. Прусские войска действовали успешно и вторглись далеко в глубь Ютландии, но король отозвал их назад из-за протеста и угроз со стороны Англии, России и Франции. В Северном море угрожающе замаячил британский флот, на границах Восточной Пруссии появились русские войска, французские послы при немецких дворах вручили резкие ноты протеста. Германские притязания на земли, принадлежавшие тогда датской короне, подтвердили опасения других держав, что создание единого немецкого государст-

ва в центре континента взорвет европейское равновесие сил.

Но франкфуртский парламент потерпел фиаско не только из-за внешнеполитической ситуации, но и из-за собственного страха перед радикализацией революции. Буржуазно-либеральные круги, которые мечтали о конституционной монархии наподобие британской, теперь опасались возможности второй, социальной, революции с кровавыми ужасами якобинского террора. Они предпочли пойти на компромисс с окрепшими силами контрреволюции в Берлине и Вене, стремясь сохранить то, что уже было достигнуто. Так, в Пруссии было достаточно даровать умеренную конституцию, чтобы в ноябре 1848 г. революция там фактически закончилась. Национальное собрание, стремясь решить вопрос о верховной власти, предложило германский трон прусскому королю, но эта попытка провалилась. Фридрих Вильгельм IV охотно принял бы на себя управление Германией, но только если власть будет передана из рук остальных немецких монархов, а не парламентом. Когда делегация из Франкфурта предложила ему императорскую корону, то в письме к гессенскому герцогу король назвал ее «свинским обручем из грязи и дерьма», от которого несет «тлетворным запахом революции». К тому же он не без оснований опасался интервенции других европейских держав, в том числе и Австрии. Для этого миролюбивого и панически боявшегося конфликтов человека новая внутригерманская война была немыслима.

В исторической литературе о революции чаще подчеркиваются ошибки и слабости революционного

движения, но недостаточно принимается во внимание сила контрреволюции.

Конечно, структурные слабости германской революции совершенно очевидны. Быстрый и легкий успех мартовских революций вызвал обратный эффект. Революционный лагерь явно переоценил свои силы, успехи и возможности. Вместо реалистичной оценки положения возобладало самодовольство от быстрой победы, а также фатальная недооценка силы консервативного сопротивления.

К этому добавилась и быстрая поляризация сил внутри самого революционного движения. Либералы были вполне удовлетворены мартовским результатом и считали революцию законченной. Напротив, демократы и республиканцы стремились развить успехи дальше. В итоге внутри революционного движения возникли почти непреодолимые противоречия. Страх перед крестьянской революцией заставил и либеральные правительства, и консервативную бюрократию как можно скорее завершить аграрную реформу. Спешно принятые законы успокоили крестьянские массы. Столь быстрый успех социально-аграрных преобразований лишил оппозиционное движение мощной опоры.

В силу давней традиции проведения реформ сверху либералы считали дальнейшее углубление революции не только излишним, но и просто вредным, предпочитая путь постепенных реформ в направлении парламентской системы правления. Либералам казался опасным радикальный разрыв с существующими социально-политическими структурами. С их точки зрения, наибольший успех обещала

стратегия соглашения с монархиями и бюрократией. Поскольку большинство населения не поддерживало демократически-республиканские лозунги, то либералы расценивали это как «молчаливый плебисцит» в свою пользу.

Специфической чертой либерального движения была принципиальная установка на силу убеждения вместо революционного насилия. Поэтому они оказались не в состоянии принимать быстрые решения в трудных ситуациях и балансировать между революционным движением масс и консервативными элитами, чтобы взаимно их нейтрализовать. Не нашлось среди них и поистине харизматического лидера. Слишком глубоким оказался и страх перед плебсом, пролетариатом, коммунизмом, перед туманным будущим в демократической республике. Этот страх не имел под собой реальных оснований, но подталкивал их к соглашению с монархиями. Либеральный идеал социальной гармонии был несовместим ни с эгалитарными устремлениями демократов, ни с идеями возрождения демократического античного полиса, вынашиваемых радикалами, ни с социально-реставрационными устремлениями ремесленников, ни с социалистическими лозунгами некоторых рабочих организаций.

Свою негативную роль сыграли немецкий полицентризм и региональная обособленность. У революции не было единого центра, наподобие Парижа во Франции. К тому же существовали огромные разногласия между Франкфуртским парламентом и Национальными собраниями в Берлине и Вене, между городом и деревней, между более развитым Западом

Германии и отстающим аграрным Востоком. Неслучайно генерал Леопольд фон Герлах утверждал, что революция - это болезненная черта Рейнланда, а контрреволюция - здоровая реакция старопруссских провинций против тлетворного влияния Запада.

В 1848-49 гг. на первый план одновременно выдвинулось слишком много задач по модернизации государства, которые требовали быстрого решения, а разнородное революционное движение оказалось к этому неготовым.

При поверхностном взгляде кажется, что германская революция потерпела полное поражение. На деле же конфликт между старыми и новыми силами закончился компромиссом. Во всех германских государствах вводились конституции, а монархи были вынуждены отныне делить свою законодательную власть с ландтагами. С другой стороны, очевидно, что мечта мартовского движения о создании единого национального государства на основе принципов народного суверенитета и прав человека рухнула как из-за сопротивления европейских держав, так и из-за распыленности самих революционных сил.

КОНЕЦ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Германская революция имела важные последствия, которые непосредственно с ней не связаны. Речь идет скорее о долговременных эволюционных процессах, которые ускорились благодаря опыту революции. Она способствовала быстрому формированию социальных классов. Предпринимательская буржуазия

поняла, что ее интересы и цели будут осуществлены гораздо быстрее в союзе с авторитарным государством, чем на базе либерализма.

Опыт революции усилил раскол между бюрократией, верно служившей консервативному государству, образованными кругами и средними слоями. Возросло классовое самосознание рабочих, на себе испытавших военно-полицейские репрессии и осознавших важность создания своих собственных рабочих организаций.

Значительные последствия имела революция для так называемого сельского дворянства, которое в ходе завершения аграрной реформы превратилось в слой аграрных предпринимателей, сохранивший сильные элементы сословного господства. Революция усилила противоречия как внутри имущих аграрных слоев, так и между крестьянами и сельским пролетариатом.

Революция привела к политизации различных слоев и классов. Рабочие поняли, что от буржуазии нельзя ожидать ни широкой социальной реформы, ни политического равноправия. Поэтому проявившийся в 1860-х гг. разрыв между буржуазным либерализмом и пролетариатом также стал следствием опыта революционного времени. А буржуазия сделала для себя самый главный вывод: важнейших экономических и политических целей можно добиться без революционных потрясений, сопровождаемых высокими социальными издержками, без союза с демократами и республиканцами.

Определились две различные реакции на революцию. Значительная часть либералов быстро пре-

одолела чувство разочарования. И была убеждена в том, что рано или поздно неизбежные общественные перемены повлекут за собой возрастание роли и веса либеральных слоев. Подтверждение этого она видела в успехах южногерманского либерализма и в значительном оживлении этого движения в Пруссии спустя десять лет после революции.

Другое, более пессимистическое настроение определялось провалом попытки создания единого национального государства. Это повлекло за собой скептицизм в оценке собственных политических возможностей, тем более что старые консервативные элиты после революции даже усилились. Возросло их влияние в правительствах и бюрократии, в сельских округах и в армии. Но и они столкнулись с серьезными проблемами. Революция похоронила принцип божественного происхождения власти. В условиях ограниченного, но все же конституционного государства были неизбежны какие-то политические новации, что осознавали наиболее дальновидные представители старых элит. Больше уже нельзя было игнорировать «народ» как политический фактор. Государство могло укрепить свою власть и доказать жизнеспособность путем проведения «революции сверху» и возглавляя народные массы.

Учитывая все эти сдвиги постреволюционного периода, можно сказать, что в общем контексте европейских революций некоторые из особых условий немецкого пути модернизации скорее усилились, чем ослабли. Прежде всего это касалось привилегированного положения старых элит. Практически ничего не изменилось ни в бюрократическом господст-

ве, ни в сельской жизни восточной Эльбы. В армии еще более возросло осознание себя как главного государствообразующего фактора.

Наконец, вместо гордости за победоносную революцию в исторической памяти немцев глубоко укоренилось чувство горечи от ее неудач, чему немало способствовали консервативные публицисты и историки, очернявшие «безумный и дикий» 1848 г. Они потратили море чернил, чтобы доказать политическое бесплодие и доктринерство либералов и демократов. Вывод из этого состоял в том, что власть остается уделом опытной элиты, только она способна проводить «реальную политику». Если вспомнить слова Генриха Гейне о том, что «революция - это несчастье, но еще большим несчастьем является неудачная революция», то подлинной бедой германской революции стало то, что в общественном сознании ее косвенные успехи были сведены на нет, а единственной политической силой предстали старые консервативные силы.

И все же в ходе последующего развития ясно обозначились два фундаментальных изменения.

После революции политическая жизнь в Германии протекала в рамках конституционных государств, имеющих довольно дееспособные парламенты и скромные, но гарантированные конституционные права. То, что Пруссия превратилась в конституционную монархию и оставалась таковой, было несомненным следствием революции. А это в дальнейшем открывало путь к созданию малогерманского национального государства под эгидой Пруссии.

Но еще более важным оказалось то, что после революции не осталось барьеров на пути немецкой промышленной революции. Ее первый циклический подъем с 1845 г. был прерван кризисом 1847 г., бурными революционными событиями и краткой депрессией. Но после этого, в 1850-е гг., наступает период стремительного развития немецкого промышленного капитализма, время его подлинного триумфа. Начинается новая индустриальная эпоха.

НЕМЕЦКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Эпохальным явлением и переворотом для Германии XIX в. стала промышленная революция, создавшая мир машин, фабрик, рынка и экономического роста. Место прежнего универсального природного сырья - дерева заняли железо и уголь. Паровая машина заменила естественные источники энергии - человека и лошадь, воду и ветер. Человек становился господином природы, а не ее слугой. Экономика приобретала рациональный, расчетливый и безличный характер. Производитель работал теперь не по заказу определенного лица, а на анонимного рыночного покупателя. Прежняя цеховая или региональная солидарность сменилась конкуренцией, которая представляет собой основу современного рынка и его механизмов.

Капитализм, рынок и конкуренция, с одной стороны, механизация - с другой, превратили постоянные новации, изобретения и удешевление продук-

ции в новый решающий критерий производства. Определяющим сектором постепенно становится промышленность, оттесняющая сельское хозяйство на второй план. Но в первой половине XIX в. Германия все еще оставалась аграрной страной.

Важнейшими предпосылками промышленного переворота в Германии послужили наличие запасов угля и железной руды, относительно квалифицированная рабочая сила, воспитанная в духе протестантизма с его трудолюбием и социальной дисциплиной. Уже в 1800 г. германские государства по общему объему промышленного производства стояли на третьем месте в Европе, после Англии и Франции, чему немало способствовала меркантилистская и реформаторская политика просвещенного абсолютизма, особенно в Пруссии и Саксонии.

Но имелись и значительные барьеры на пути индустриализации. В Германии не было достаточных запасов сырья и природных богатств; доминирующими в сфере производства все еще оставались кустарные промыслы и ремесло.

Политически раздробленная и слабая, Германия ютилась на задворках мировой торговли и не имела значительного торгового и военного флота. Внутри страны сохранялись многочисленные таможенные границы, немецким предпринимателям не хватало начального капитала, да и по своей ментальности они в большинстве своем ориентировались на сохранение традиций, а не на извлечение прибыли, на безопасность, а не на риск. Сбережения, а не инвестиции все еще оставались излюбленным способом помещения средств. Отношение к конкуренции было

скорее негативным из-за сохранения традиционных представлений о гармоничном хозяйстве.

Многочисленные пережитки прошлого в виде феодальных платежей и повинностей резко сужали покупательский спрос. Получался своего рода заколдованный круг: бедное население - низкий спрос - отсутствие стимула к развитию промышленности.

Революции, тем более успешные, - редкий гость немецкой истории. Но в успехе промышленной революции сомневаться не приходится. Даже современники, усматривавшие в индустриализации тупик человеческой эволюции и осуждавшие ее, признавали ее революционную динамику, полный переворот в экономических отношениях.

Уже в первой половине XIX в. некоторые области Рейнской провинции и Вестфалии, Саксонии и Силезии по своему экономическому развитию были вполне сопоставимы с ведущими экономическими регионами Англии. Элементы индустриализации были заметны в Германии уже с конца XVIII в. Лишь чуть позднее, чем в Британии, в 1784 г. в Ратингене, близ Дюссельдорфа, возникла механизированная ткацкая фабрика. В 1792 г. была задута первая коксовая домна в Верхней Силезии, а на рубеже веков немецкие инженеры уже строили первые паровые машины по образцу английских.

Но отношение к британскому примеру промышленного развития было неоднозначным. С одной стороны, его старались копировать для обеспечения динамичного экономического роста, с другой - ужасающая, картина социальных последствий индустриализации служила как бы предостережением от

такого развития - развития, которого следует избегать. Поэтому немецкая промышленная революция, конечно, шла в фарватере британской, однако имела свое лицо и свою специфику.

Но наряду с национальной спецификой промышленная революция имеет ряд общих моментов. К ним относятся: существование сильной буржуазии, которая оказывает решающее влияние на финансово-экономическую политику и обладает своей долей участия в политической власти; первоначальное накопление капитала, идущего на дальнейшие инвестиции; наличие свободного наемного труда с собственным рынком труда; благоприятная окружающая среда, запасы сырья и источники энергии, а также развитая транспортная система; увеличение покупательского спроса, который делает комбинацию всех этих факторов рентабельным и прибыльным занятием.

В Пруссии зачатки промышленной революции обозначились на рубеже XVIII-XIX вв. Но этот процесс шел крайне медленно и инициировался главным образом сверху, под опекой государства и его бюрократического аппарата. Предпосылки промышленного переворота в Пруссии были созданы в ходе реформ Штейна и Гарденберга 1807-20 гг. Прежде всего к ним относилось освобождение крестьян от личной крепостной зависимости, затянувшееся, однако, до середины века. Оно устранило препятствия на пути повышения производительности сельского хозяйства, послужило одним из главных источников первоначального накопления капитала и появления свободной рабочей силы на рынке промышленного

труда. Введение свободы промысловых занятий усилило позиции буржуазии и гарантировало ей свободу действий в экономической сфере, финансовая и налоговая реформы способствовали росту инвестиций в экономику как со стороны получившей ряд льгот буржуазии, так и со стороны государства, также выигравшего от реформ в финансовом плане. Наконец, создание Таможенного союза привело к постепенному формированию единого и крупного внутреннего рынка, охватившего почти всю страну.

Но эта «революция сверху» все же не создала буржуазного гражданского общества. Княжеский абсолютизм трансформировался в господство бюрократии, которая исполняла многие модернизаторские функции, присущие английской буржуазии, и закладывала основы для осуществления успешной промышленной революции в стране.

Процесс индустриализации в Германии отличался от британского и своими социальными последствиями. Консервативные и марксистские критики промышленного переворота единодушно утверждали, что именно индустриализация послужила причиной массового пауперизма, охватившего к середине 1840-х гг. 50-60% населения Германии. Но все же это было не следствием индустриализации как таковой, а скорее - промышленной отсталости и превосходящей конкуренции иностранных товаров.

После создания в 1834 г. Таможенного союза под руководством Пруссии стало ясно, что фактического единства этого нового и крупного экономического пространства нельзя достигнуть без развитой транспортной системы. Лишь благодаря усилиям крупного

экономиста Фридриха Листа (1789-1846) и нескольких рейнских фабрикантов, вопреки сопротивлению консерваторов, враждебно относившихся к технике, 7 декабря 1835 г. была открыта первая немецкая железнодорожная линия Нюрнберг-Фюрт протяженностью всего 6 км. Для сравнения: в Бельгии в это время имелось уже 20, во Франции -141, в Англии -544 км железных дорог. Но железнодорожная сеть росла в Германии стремительными темпами и накануне революции насчитывала около 500 км, вдвое превышая французскую.

Только железные дороги сделали возможным формирование в Таможенном союзе общего рынка с едиными предложением, спросом, ценами и равной конкуренцией. Кроме того, строительство железных дорог необычайно стимулировало развитие металлообрабатывающей промышленности, увеличившей выпуск локомотивов, вагонов, рельс.

Таким образом, к 1848 г. были заложены основы для проведения дальнейшей индустриализации. Поскольку после революции не приходилось опасаться новых политических потрясений, то становились выгодными долговременные вложения капиталов, объем которых значительно возрос. В связи с золотой лихорадкой в Калифорнии и Австралии подешевели кредиты, но одновременно с повышением спроса подскочили и цены.

Экономическому буму способствовало еще одно обстоятельство - дешевизна рабочей силы. Новым фабрикам требовалось все больше людей. Обнищавшие массы были рады получить хотя бы какую-нибудь работу с постоянным заработком. Разумеется,

справедливой была критика безработицы и условий жизни и труда, в которых находилось это первое поколение фабричного пролетариата. Но следует иметь в виду, что по сравнению с массовой нищетой доиндустриальной эпохи средний рабочий жил теперь все-таки лучше. Постепенно снижалась безработица, ослабевала конкуренция со стороны английских и бельгийских товаров.

Плохие урожаи 1852 и 1855 гг. вновь привели к повышению цен на продукты, однако голода на этот раз в Германии не было. Пауперизм, эта социальная болезнь первой половины XIX в., ушел в прошлое, а последующие поколения уже не знали этого явления.

Индустриализация Германии привела к возникновению нового общества. Старый мир опрокинула не политическая революция, а переворот в экономике и производственных отношениях, тесно связанный с революцией в средствах коммуникации, от железной дороги до телеграфа.

Резкое увеличение численности населения и ухудшение условий жизни на селе заставляли многих людей уезжать в города или эмигрировать за пределы страны. Поток переселенцев устремился в наиболее развитые индустриальные области - Саксонию, Силезию, Берлин, Рурский бассейн, Вестфалию. Формирующийся фабричный пролетариат пополняли главным образом две группы: необученные сельские переселенцы и городские ремесленники, которые не могли больше существовать за счет своего труда, поскольку спрос на дешевые и массовые фабричные товары привел к резкому падению спроса на более до-

рогие, штучные ремесленные изделия. Только когда в 1880-х гг. в широких масштабах стал использоваться электромотор, который можно было установить в любой мастерской, ремесленные предприятия стали более конкурентоспособными. Не сбылось пророчество Карла Маркса об отмирании ремесла в промышленную эпоху.

ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

Господствующей тенденцией в обществе послереволюционного времени стал отрыв от традиционной почвы. Рвались семейные узы, слабели религиозные связи, исчезала традиционная местная лояльность. Индустриальная среда, фабрика, шахта не предлагали никакой замены этому. В обществе стало превалировать чувство подчинения анонимным силам и социальной атомизации. Там, где религия и прежние общественные нормы утратили свое влияние, их место заняли мифы и новое толкование смысла жизни.

С одной стороны, это были либеральные принципы свободы, счастья и как политического, так и экономического самоопределения отдельного человека. Они были направлены против господствующих абсолютистско-аристократических структур и связаны с идеей единства нации, в которой должна воплотиться общая воля свободных граждан.

Наряду с либерализмом сложилась вторая оппозиционная идеология XIX в. - социализм как классовый миф, как призыв к солидарности трудящихся масс в борьбе против власти и эгоизма частных соб-

ственников, благосостояние которых было создано рабочими.

Старый мир мобилизовал защитные силы, которые со своей стороны также опирались на влиятельную идеологию. Ею стал консерватизм, направленный как против восстания черни, так и против взлета либерального капитализма. Наконец, сформировался политический католицизм, представлявший собой реакцию мало затронутого новациями и сохранившего традиции населения в Силезии, на Рейне и в Южной Германии на натиск агрессивного прусско-протестантского либерализма и национализма.

Так возникли различные учения, которые пропагандировались политическими журналами и парламентскими фракциями, постепенно приобретавшими черты политических партий. Это стало очевидным, когда в конце 1850-х гг. произошел экономический обвал, вновь ожививший внутривнутриполитическую жизнь. Появились первые устойчивые самостоятельные рабочие организации. Сын богатого еврейского торговца из Бреслау, зажигательный оратор и блестящий публицист Фердинанд Лассаль (1825-64), к которому Маркс всегда испытывал жгучую политическую ревность, в 1863 г. создал «Всеобщий германский рабочий союз». Почти одновременно токарь Август Бебель (1840-1913) и журналист Вильгельм Либкнехт (1826-1900) основали «Объединение немецких рабочих союзов», ставшее прообразом будущей Социал-демократической партии Германии.

Вновь оживился и парламентский либерализм. С 1858 г. в Пруссии стал править Вильгельм, принц Прусский, младший брат Фридриха Вильгельма IV,

который в связи с психическим расстройством отошел от государственных дел. К всеобщему изумлению, слывший прежде ярким реакционером регент смягчил цензуру и назначил либеральное правительство. Однако, став королем, Вильгельм быстро оказался в конфликте с либеральным большинством ландтага, когда против воли депутатов начал военную реформу, по которой увеличивались численность армии и срок службы. К тому же Вильгельм намеревался практически ликвидировать ландвер, этот гражданский противовес регулярной армии, в котором числились вышедшие в запас военные после армейской службы. Возбуждение и негодование либералов в связи с этим достигли предела, их противоречия с правящим союзом короны, армии и аграрного дворянства переросли в острый конституционный конфликт.

К оживлению политической жизни вело еще одно обстоятельство. Племянник великого корсиканца император Наполеон III попытался возродить давнее французское влияние в Италии и в 1859 г. заключил с королевством Пьемонт-Сардиния союз против Австрии, владевшей северо-итальянскими территориями. В начавшейся войне союзники одержали победу, Италия стала единой.

Воодушевленную итальянским объединением немецкую общественность впервые после революции 1848 г. вновь захлестнула волна национального энтузиазма. Выпускались тысячи листовок, памфлетов, газетных статей с громкими требованиями скорейшего создания единого и мощного немецкого государства. Своего апогея национальный подъем достиг-

в ноябре 1859 г., во время празднования всей Германией столетнего юбилея Шиллера. Но вместе с тем стало ясно, что те различные национальные движения, которые оформились в дни революции, продолжают существовать и даже окрепли в организационном отношении. Возникший в 1859 г. в Кобурге малогерманский «Национальный союз» в организационном, финансовом и пропагандистском плане значительно превосходил великогерманское католическое движение. Созданный им в 1862 г. «Союз реформы» явился на свет с опозданием, но так и остался слабым и плохо организованным.

Впрочем, положение малогерманского национального движения тоже не было устойчивым. Его главная политическая опора - либеральная фракция прусского ландтага - находилась в тяжелом конфликте как раз с той силой, которая и должна была осуществить малогерманский вариант объединения страны с прусской монархией.

24 сентября 1862 г. Вильгельм I, который в поисках выхода из ситуации уже подумывал об отречении, сделал решительный шаг и назначил премьер-министром ультраконсервативного и имевшего славу рьяного реакционера Отто фон Бисмарка (1815-98), бывшего тогда прусским послом в Париже. Это произошло после долгого разговора, в котором Бисмарк твердо заверил короля в том, что он сумеет стабилизировать положение и так прижмет либеральное большинство ландтага, что оно прикусит язык. Для немецкой общественности Бисмарк воплощал собой не только антилиберальные, но и антинациональные устремления, поскольку тогда либерализм

и национализм были неотделимы друг от друга. Однако Бисмарк не понимали ни его либеральные противники, ни консервативные единомышленники. Пост главы прусского кабинета был для него всего лишь средством достижения более высокой цели. Он стремился к мощи и консолидации Пруссии на европейской сцене, что было осуществимо, по убеждению Бисмарка, только после установления прусской гегемонии в Германии и вытеснения оттуда Австрии. Бисмарк прекрасно понимал, что достичь этого можно лишь с согласия других европейских держав на изменение политической карты нейтральной Европы.

Когда в ноябре 1863 г. Дания официально включила в состав своего государства Шлезвиг, Германия ответила всплеском патриотизма. Общественность и ландтаги шумно потребовали начать национальную войну против Дании. Но они совершенно не принимали в расчет международной обстановки, обнаружив при этом поразительную политическую близорукость. Напротив, Бисмарк учитывал все обстоятельства и соотношение сил весьма тщательно.

История богата парадоксами. Именно либеральное национальное движение, преисполненное ненавистью к политике Бисмарка, способствовало ее успеху. Ничто не помешало бы планам Бисмарка больше, чем союз с немецким национальным движением, которого опасались во всех европейских столицах. Бисмарку был необходим такой конфликт, чтобы за его кулисами скрыть свои истинные намерения и дождаться удобного момента для начала активных действий. Чуждый всяким национальным эмоциям,

он открыто признал легитимность прав датского короля на Шлезвиг-Гольштейн, что успокоило Лондон, Париж и Петербург. Но в то же самое время Бисмарк уже готовил нападение на Данию, поскольку полное включение Шлезвига в Датское королевство нарушало давнюю и общепризнанную автономию этого герцогства.

Строго говоря, различия между требованиями национального движения и обеими германскими державами, которые, к общему удивлению, совместно начали войну против Дании, носили в основном формально-правовой характер. Но либералы не без основания опасались того, что и произошло.

В январе 1864 г. австро-пруссские войска вошли в Ютландию и одержали победу в нескольких кровопролитных сражениях. В октябре побежденная Дания запросила мира. Но Шлезвиг и Гольштейн не стали новыми членами Германского союза, чего ожидали либералы, а без лишних церемоний были, по сути, аннексированы победителями при формальной видимости временного совместного управления этими территориями.

Теперь и многие деятели либерализма осознали, что казавшаяся консервативной и даже беспринципной политика Бисмарка явно добилась успеха в отличие от постоянных неудач национально-либерального лагеря. Справедливыми оказались слова Бисмарка, сказанные им еще в сентябре 1862 г. в речи перед оторопевшими депутатами ландтага: «Великие вопросы времени решаются не речами и постановлениями большинства - это было ошибкой 1848 и 1849 гг., а железом и кровью».

Первый шаг Бисмарком был сделан. Либеральное движение оказалось крикливым, но практически бессильным. Теперь пришло время, которого еще с революции 1848 г. ожидал Бисмарк, - окончательное установление прусской гегемонии в Германии и вытеснение из нее Австрии. Это было исполнением того курса прусской политики, который начался еще в 1740 г. вторжением Фридриха Великого в Силезию. Установившееся после революции неустойчивое равновесие отношений между Австрией и Пруссией не могло скрыть их постоянного соперничества. Между ними находились средние и мелкие государства «третьей Германии», которые надеялись сохранить свою суверенность и укрепить федеративный союз политикой лавирования между Берлином и Веней.

Датская война изменила положение в центре Европы. Ни одна из великих держав не заявила протеста. Впрочем, это определила не только гениальная тактика Бисмарка, но, пожалуй, еще больше - Крымская война (1853-56), которая уничтожила прежний европейский порядок. Россия и Англия вступили в полосу глубокой вражды, и об их совместных действиях теперь не могло быть и речи. История на несколько лет приоткрыла для Германии дверь, в которую очертя голову ринулся Бисмарк.

Вене и Берлину уже с начала 1861 г. было ясно, что дело идет к вооруженному столкновению за господство в Германии. Нужен был только повод, который дал бы возможность объявить противника агрессором. Такой повод был найден, когда только что объединившаяся Италия стала открыто поддерживать Пруссию. Мечтавший о реванше за поражение 1859 г.

венский кабинет в марте 1866 г. объявил о начале мобилизации австрийской армии. Теперь военная машина пришла в движение, но уже 3 июля война внезапно закончилась полной победой Пруссии над австро-саксонскими войсками в решающем сражении при Кёниггреце в Богемии. Блестящую победу Пруссии обеспечили ее военно-техническое превосходство, отлично подготовленная армия и стратегический талант начальника генерального штаба Гельмута фон Мольтке (1800-91), который впервые в истории войн в полной мере использовал железную дорогу и телеграф для координации действий всех прусских армий, всегда находившихся там, где им надлежало быть. Вильгельм I, который скрепя сердце согласился на эту братоубийственную войну, был воодушевлен теперь победой настолько, что непременно захотел въехать на белом коне в поверженную Вену. С огромным трудом Бисмарку удалось отговорить короля от этого намерения. Бисмарк не желал чрезмерного унижения Австрии, рассчитывая в будущем иметь ее в качестве нейтральной стороны, а не противницы в предполагаемом столкновении с Францией.

Еще до начала «немецкой войны» Пруссия объявила недействительным Венский акт 1815 г. о создании Германского союза, в то время как Австрия действовала именно как глава этого союза. Так что это была война скорее не между Пруссией и Австрией, а между Пруссией и Германским союзом. Поддержавшие Австрию саксонские и южногерманские войска носили черно-красно-золотые нарукавные повязки, сражаясь против воюющей под черно-белыми знаменами прусской армии.

По Пражскому миру Австрия покинула Германию, преобразованную теперь в Северо-Германский союз во главе с Пруссией. Он состоял из 22 государств, а вне союза оставались пока четыре южногерманские монархии - Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Кассель. Но они были тесно связаны с Пруссией военной конвенцией и рамками Таможенного союза, составляя единое экономическое пространство.

Наполеон III, которому за соблюдение нейтралитета Берлин обещал Саарскую область, своей близорукой внешней политикой помог осуществить то самое немецкое объединение, которому он стремился помешать. Бисмарк знал, что завершить объединение можно будет только в случае устранения французской угрозы, а Наполеон дал ему искомый повод. В 1866 г. Франция оказалась ни с чем. Бисмарк бесцеремонно отклонил ее требования о компенсации за нейтралитет, и страну охватило чувство уязвленной гордости, требующее выхода.

В начале 1870 г. испанские кортесы предложили вакантный трон принцу Леопольду из боковой католической ветви дома Гогенцоллернов. Во Франции ожил давний страх перед немецким окружением, и Наполеон заявил резкий протест. Возможно, Бисмарк отказался бы от своих намерений, если бы не знал, что Франция находится в изоляции и не может рассчитывать на поддержку Англии, Австрии или России. Он не хотел активно способствовать развязыванию войны, но и не стремился избежать ее. Вильгельм же был готов удовлетворить французские пожелания и предложить испанский престол негерманскому принцу.

Взволнованная французская общественность на этом не успокоилась. Посол Парижа Винсент Бенедетти отправился на курорт Эмс, где отдыхал прусский король, чтобы передать ему требование гарантий того, что никогда ни один гогенцоллерновский принц не станет претендовать на испанский трон. Вильгельм справедливо воспринял это как дипломатическую пощечину и отклонил требование, на что и рассчитывал Наполеон. Король отправил в Берлин Бисмарку депешу о ходе и результатах переговоров, вполне сдержанную и объективную. Но Бисмарк так отредактировал текст, что он приобрел унижительный для Франции смысл, и в таком виде в тот же день, 13 июля 1870 г., передал его в берлинские газеты. Он верно полагал, что французское правительство по внутриаполитическим причинам не потерпит этого дипломатического поражения. Бисмарк отлично знал и авантюризм Наполеона III, который, не задумываясь, опрометчиво и без всякой внешнеполитической подстраховки 19 июля объявил войну.

Франко-германская война 1870-71 гг. стала уже войной современной техники и массовых армий, которая позволяла предчувствовать ужасы тотальной войны XX столетия. На первом этапе решающую роль сыграли техническое оснащение и стратегическое превосходство прусской армии и ее генштаба под руководством Мольтке. Немецкая сторона лучше провела мобилизацию и осуществила развертывание сил на широком фронте. Исход войны решили точно спланированные Мольтке крупные сражения под крепостями Мец и Седан. Действуя строго по предписаниям генштаба, немецкие войска, понеся мини-

мальные потери, принудили французов к капитуляции. Под Седаном в плен попал и сам Наполеон.

Второй этап войны, на котором армия новорожденной Французской республики попыталась переломить ход войны в свою пользу и добилась некоторых успехов, не сказался на конечной победе немцев. 28 января 1871 г. было заключено перемирие, за которым в феврале последовал прелиминарный мир. Окончательную точку поставил заключенный 10 мая Франкфуртский мир, по которому Франция теряла Эльзас и Восточную Лотарингию и должна была выплатить контрибуцию в 5 млрд. золотых франков.

Общественность Германии единодушно требовала возвращения «исконно немецких» Эльзаса и Лотарингии. Прусский генштаб из стратегических соображений настаивал на аннексии Вогезских гор с их многочисленными проходами и крепости Мец. Бисмарк не мог противостоять этим требованиям, хотя знал, что такие условия ставят под угрозу его цель - надолго устранить военную опасность на западной границе, поскольку Франция непременно будет стремиться к реваншу.

В ходе войны завершилось и политическое объединение всех немецких государств. Национальное движение и общественное мнение оказали такое сильное давление на южногерманских правителей, что для них оставался только один путь - вступление в Северо-Германский союз. Поэтому объединение Германии нельзя считать только объединением «сверху». Это было и объединение «снизу», которое стало возможным благодаря буржуазно-либеральному национальному движению. В Зеркальном зале

Версаля, где 18 января 1871 г. была провозглашена Германская империя, находились не только князья, генералы и дипломаты. Там присутствовала и делегация Северо-Германского рейхстага во главе с его президентом Эдуардом фон Симеоном, который еще в 1849 г. возглавлял франкфуртских парламентариев, предлагавших Фридриху Вильгельму IV императорскую корону. Таким образом, Германская империя получала двойную легитимацию. С одной стороны, она опиралась на согласие немецких монархов, с другой - была узаконена парламентом.

БЫЛИ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВЫ?

После создания империи казался излишним вопрос:

может ли возникнуть единое немецкое государство, а если да, то в той ли форме, в какой оно появилось. Современникам этого события и двум последующим поколениям государство Бисмарка казалось исторической необходимостью, которому не было иных альтернатив. Но имеет ли смысл задавать вопрос об альтернативах после того, как события уже произошли?

Однако только реконструкция ушедших в прошлое возможностей и шансов может освободить нас от исторического фатализма и понять, почему развитие пошло именно так, а не иначе. В этом смысле то, что случилось на деле, было лишь одной из возможностей, и даже не самой вероятной.

Имелось несколько вариантов решения национального вопроса. Одним из них было сохранение

Германского союза в более либеральном виде, и об этом свидетельствуют многие важные факты. Сохранились остатки старой имперской традиции и уважение к власти давних династий. Акт о создании союза реально придавал особый вес двум крупнейшим государствам - Австрии и Пруссии, но не давал им возможности поглощать другие немецкие территории. Не последнюю роль играла также заинтересованность европейских держав в сохранении равновесия сил, которое могло нарушить объединение Германии. Однако Германский союз не мог быть долговечным. Патовая ситуация, сложившаяся между Австрией и Пруссией, все равно требовала какого-то разрешения, без которого не могло быть и речи о модернизации союза и централизации власти.

Второе возможное решение было опробовано в 1848-49 гг.: создание современного централизованного национального государства на основе народного суверенитета и прав личности. Но эта модель оказалась нежизнеспособной из-за социальной неоднородности и идеологической противоречивости взглядов ее либеральных и демократических сторонников, а также из-за сопротивления европейских держав, опасавшихся распространения немецкого либерального национализма за пределы Германского союза. Однако никакой немецкий парламент не мог надеяться на поддержку населения, если бы он отказался от «освобождения» Эльзаса и Шлезвиг-Гольштейна.

Существовали и прочие возможности, которые горячо обсуждались представителями оживившегося в конце 1850-х - начале 1860-х гг. национального

движения. Великогерманское решение - объединение вокруг Австрии с ее ненемецкими владениями, казалось, открывало неплохие перспективы, а поскольку оно как бы возрождало славное имперское прошлое, то его эмоциональное воздействие было наиболее значительным. Но уже в начале 1860-х гг. такой проект стал иллюзорным. Дело даже не в претензиях Пруссии на гегемонию в Германии. За нее выступала высшая прусская бюрократия, а сам король и консервативное дворянство относились к габсбургским прерогативам с должным уважением. Но великогерманский вариант противоречил здравому экономическому смыслу. Дунайская монархия с ее допотопным меркантилизмом значительно отставала от далеко продвинувшейся хозяйственной интеграции Таможенного союза. Кроме того, интересы уже значительно отдалившейся от остальных германских государств Австрии переместились в Северную Италию и на Балканы. Наконец, включение многонациональной монархии Габсбургов в единое немецкое государство породило бы массу трудноразрешимых проблем.

Возможным решением могла бы стать дуалистическая гегемония Австрии и Пруссии в Германском союзе. Такой позиции некоторое время придерживалась Пруссия, предлагавшая провести реформу союза, разделявшую Германию по реке Наин. Севернее располагался бы прусско-северогерманский союз, южнее - дунайская федерация во главе с Веной. Еще в 1864 г. Бисмарк исходил как раз из такого варианта, который мог бы положить конец давнему австро-прусскому конфликту. Это была

достаточно реальная альтернатива, провалившаяся по той причине, что Австрия не без оснований не доверяла прусским предложениям и опасалась, что Берлин будет затем выдвигать все новые условия и требования.

Наконец, существовала концепция триады, выдвинутая средними немецкими государствами, которые боялись как прусской гегемонии, так и совместного австро-прусского господства. Поэтому напрашивалась идея о слиянии малых, чисто немецких территорий в одно национальное государство. Что касалось Австрии и Пруссии, то они могли идти собственным путем как европейские державы. Они явно переросли старый союз и имели значительные негерманские владения. Создание «третьей Германии» казалось защитой от гегемонистских устремлений Вены и Берлина и средством сохранения традиционных местных свобод и традиций.

С 1859 г. «третья Германия» явно оживилась и предложила реформировать устройство Германского союза, чтобы расширить его федеративные основы и усилить его воздействие на членов этого объединения. Однако сразу выяснилось, что реформаторские планы Баварии, Саксонии и Бадена настолько различны, что делают невозможными их общую политику, не говоря уже о совместных действиях.

Таким образом, малогерманское решение проблемы было только одним из нескольких вариантов. Если ему благоприятствовали существование Таможенного союза, слабость Австрии и временные симпатии либералов, то это еще не означало, что такой вариант был запрограммирован изначально.

Сам Бисмарк в 1868 г. уже после войны с Австрией говорил, что «если Германия достигнет своей национальной цели еще в XIX в., то это будет чем-то великим, а если это случится через десять или даже через пять лет, то будет чем-то необычайным, неожиданным даром Бога».

Конечно, в период объединения сложилась исключительно благоприятная международная обстановка, которой на редкость умело воспользовался Бисмарк. Однако если бы во главе Пруссии стоял другой человек, если бы Франция вмешалась в «немецкую войну», а Россия или Австрия - в войну 1870 г., то немецкая история могла бы пойти по совершенно другому пути.

В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Создание империи утолило жажду немцев собрать нацию в едином государстве. Но многие люди представляли его иначе. В этом смысле оно должно было быть крупнее, ибо Австрия теперь не входила в империю; конфессионально более сбалансированным, так как без Австрии протестантизм получил явный перевес, а католики оказались даже под подозрением в недостаточной национальной лояльности; более федеративным, ибо в империи сложилось абсолютное преобладание Пруссии, а «третья Германия» практически перестала существовать. Наконец, более демократическим и парламентарным государством вместо, возникшего авторитарно-милитаристского режима во главе с харизматическим лидером.

Уже многие современники считали создание империи «революцией сверху», осуществившей ту мечту, которую не удалось исполнить революционерам 1848 г. В одном отношении бисмарковская Пруссия в 1866 г. пошла даже дальше. Если Франкфуртский парламент остановился перед тронами, то Бисмарк отважился ликвидировать три суверенные монархии - Ганновер, Кургессен и Нассау, а также один вольный город - Франкфурт-на-Майне. Этим поступком были потрясены консерваторы: один из них совершил революцию, которую видный представитель прусского консерватизма Людвиг фон Герлах назвал «безбожным и преступным деянием» Бисмарка. Консервативное юнкерство страшно боялось, что их «добрая старая Пруссия» растворится в новой объединенной Германии. Лишь к исходу 1870-х гг. оно примирилось с этим национальным государством, когда закончилась «либеральная эра».

Империя была союзным государством, в которое входили 22 самостоятельные монархии и три вольных города - Гамбург, Бремен и Любек. Структуру империи отражала ее конституция. Первая палата -Союзный совет, или бундесрат, являлся представительством отдельных государств. Строго говоря, империя была не монархией как таковой, а коллективной олигархией немецких правителей. Второй палатой был рейхстаг, избираемый на основе всеобщего и равного избирательного права всеми мужчинами, достигшими 25-летнего возраста, кроме военных. Законы принимались обеими палатами, что казалось оптимальным вариантом с точки зрения распределения властных полномочий и со-

блюдения интересов народа. Впрочем, в империи был еще третий элемент, главная опора государственной власти - армия и бюрократия, неподконтрольные рейхстагу. Три пятых всей бюрократии составляла прусская бюрократия, а армия Пруссии являлась костяком имперской армии.

Конституция обеспечивала гегемонию Пруссии, население и территория которой охватывали две трети империи. Императором мог быть только прусский король, который возглавлял бундестаг, командовал армией, имел право утверждать или отклонять любые законопроекты. Единственный общегерманский министр - канцлер одновременно являлся министром-президентом Пруссии и нес ответственность только перед императором. Отдельные ведомства возглавляли статс-секретари, которые по своему служебному положению считались помощниками канцлера. С 1878 г. основные имперские ведомства были закреплены за соответствующими прусскими министрами.

фактически не было никакой государственно-правовой связи между национальной Германской империей и транснациональной «Священной Римской империей». Но сознание приверженцев немецкой национальной идеи было в огромной мере сформировано мифом романтической утопии о возрождении средневекового имперского величия. Воздействие этого мифа было настолько сильным, что без опоры на него не могло быть легитимным никакое немецкое национальное государство к негодованию Вильгельма, который считал титул императора только уступкой духу времени и полагал, что провоз-

глашение империи похоронило дорогую его сердцу старую Пруссию.

Подъем нового государства был обеспечен не только идеологически, но и экономически. Хлынувшие в страну миллиарды французской контрибуции привели к настоящей горячке в деятельности новоиспеченных фирм и предприятий и к лихорадочным биржевым спекуляциям. Тысячи новых промышленных предприятий создавались без продуманного расчета их рентабельности. В кратчайшие сроки сколачивались огромные состояния. Этот «грюндерский бум» изменил облик Германии. Там, где прежде дымила заводская труба или высилась доменная печь, моментально появлялось несколько «грюндеров», ошеломлявших озадаченного владельца заманчивыми предложениями и обещаниями сказочных прибылей. Акционерный капитал многих предприятий зачастую превышал их реальную стоимость, а полученные от наивных вкладчиков средства пускались в игру на бирже. Ушла в прошлое традиционная простота верхних слоев общества. Ее место заняли новоимперское чванство и вычурная помпезность, характерная для стиля архитектуры и мебели, одежды и образа жизни.

Свой облик изменило не только общество. На базе экономического триумфа Германия окончательно вступила на путь развития от аграрного государства к индустриальному. Там, где полвека назад можно было увидеть только деревни и маленькие сонные города, теперь возникали крупные индустриальные центры. Так, Эссен в 1850 г. насчитывал всего 9 тыс. жителей, спустя полвека в нем проживало уже

295 тыс. человек. Железные дороги связали всю территорию империи, от Ахена до Кенигсберга, от Гамбурга до Мюнхена. Но по-прежнему сохранялись и даже усилились различия между промышленным Западом и аграрным Востоком. Путешествующий по железной дороге пассажир, переехав у Магдебурга Эльбу, сразу оказывался в ином мире. Перед его глазами представляли бесконечные поля ржи, пшеницы, ячменя, лишь изредка прерываемые юнкерскими усадьбами и краснокирпичными колокольнями, возвышающимися над селами.

Социальная структура нового общества оставалась многослойной. Ведущие политические позиции занимало дворянство, хотя его экономическая база — сельское поместное хозяйство — стремительно теряла свое значение. Наряду с группами образованной и чиновничьей буржуазии сложился слой предпринимателей, экономический столп империи. Существовала многочисленная мелкая буржуазия, ядро которой составляли ремесленники, жившие в постоянном страхе перед машинной конкуренцией и возможной перспективой оказаться в рядах пролетариата, а потому очень восприимчивые к антисоциалистическим и националистическим лозунгам. Наконец, имелась неуклонно растущая масса сельских батраков и фабричных рабочих, объединенных в организациях социал-демократии, а в католических регионах - вокруг новой партии Центра.

Многочисленные противоречившие друг другу социально-экономические интересы, представленные различными партиями, массовыми организациями, союзами промышленников и аграриев, допол-

нялись разнородными устремлениями политических или социальных аутсайдеров. Создание империи сопровождалось обострением проблемы национальных меньшинств: французов - в имперской провинции Эльзас-Лотарингия, датчан - в Шлезвиге, поляков - в Силезии, не говоря уже о евреях, о роли которых шли жаркие дискуссии.

Главной внутривнутриполитической проблемой империи стало ее «внутреннее основание», общенациональное примирение между различными слоями и классами немецкого общества. Бисмарк пытался решить проблему следующим образом: слои, которые оказались неинтегрируемыми в систему, изолировались от остального общества и рассматривались как «враги империи».

Первоначально это была партия Центра, выражавшая интересы антипрусского политического католицизма, который с середины XIX в. оказывал упорное сопротивление курсу политической и культурной централизации, проводимому прусско-протестантскими властями. «Культуркампф» (борьба за культуру) на первый взгляд казался вопросом государственного надзора за всеми школами и назначением священников в приходы. В действительности же речь шла о попытке государства взять под контроль транснациональный по своему характеру католицизм, подчиненный папе римскому, и ликвидировать его социально-политическую самостоятельность. Но победителем в этой изнурительной борьбе оказалась церковь, ставшая в глазах массы верующих мученицей, а партия Центра год от года усиливала свое влияние и позиции в рейхстаге.

К тому же Бисмарк увидел перед собой более опасного, по его мнению, противника — социал-демократию. Воспользовавшись двумя покушениями на императора Вильгельма, канцлер в 1878 г. добился от рейхстага принятия закона «Об общественно опасных устремлениях социал-демократии». Но этот «исключительный закон» не смог подавить социал-демократическую партию, которая при каждом выборах в рейхстаг получала все больше голосов и проводила в парламент все больше депутатов, выступавших как независимые кандидаты. Для того чтобы ослабить влияние социалистов на рабочих, Бисмарк с 1880 г. начал проводить политику государственного социального страхования, что способствовало зарождению немецкого социального государства.

В этом отношении Германская империя была пионером. Введение страхования от болезней и несчастных случаев на производстве, скромных пенсий по старости и инвалидности означало создание первой в мире системы социального обеспечения. Но государственное социальное страхование явилось не просто естественным ответом на вызов индустриализации и урбанизации. Иначе оно должно было возникнуть в более развитых индустриальных государствах - в Англии, Бельгии, во Франции, а не в Германии.

Сыграли свою роль специфические немецко-прусские традиции и условия. Главными среди них являлись изначально большая роль государства и его бюрократии, глубоко укоренившаяся традиция реформ, «сверху», слабость политического и экономического либерализма, а значит, преобладание

психологии и принципа индивидуализма. Бисмарк понимал, что политически уже ангажированный социал-демократией пролетариат в Германии необходимо привлечь на сторону государства социальными уступками и превратить неимущих приверженцев социализма в консервативных подданных империи. Социальная политика стала необходимым дополнением к «исключительному закону». Свою роль сыграли присущий Бисмарку социально-христианский патернализм и надежда ослабить с помощью социальной политики не только социал-демократию, но и либерализм, который отвергал вмешательство государства в социальные отношения и рассматривал его как «ночного сторожа», охраняющего безопасность своих граждан.

Проникнутый патриархально-патерналистскими мотивами расчет Бисмарка не оправдался. Оставляя рабочих в положении париев общества, он в краткосрочном плане не помешал росту влияния социал-демократии. Но в долгосрочной перспективе такая политика закладывала основы медленной интеграции рабочих в капиталистическое государство и общество.

Молодая империя нуждалась не только во внутренней стабилизации. Ее геополитическое положение в центре Европы заставляло добиваться прочных позиций на мировой арене, тем более что другие страны рассматривали возрастание экономической мощи Германии как потенциальную угрозу своим интересам. Поэтому Бисмарк настойчиво пытался убедить остальные державы в том, что империя «насытилась», а бурный и агрессивный немецкий национализм на-

ходится под контролем государства, что с появлением единой Германии европейская система только укрепилась, а не ослабла.

Со своей стороны Бисмарк, которого всегда мучил «кошмар коалиций», направленных против Германии, усиленно плел весьма хитроумную и сложную систему союзов. В 1879 г. был заключен австро-германский союз, к которому позднее присоединились Италия и Румыния. Бисмарк понимал, что жаждущая реванша Франция является готовым союзником любого нового противника Германии. Поэтому его внешняя политика была направлена на изоляцию Франции, а Германия должна играть роль «честного маклера» между остальными европейскими державами. Апогеем этого курса стал Берлинский конгресс 1878 г., на котором при определяющем влиянии германского канцлера был закреплён статус-кво, сложившийся в Европе после русско-турецкой войны, и предотвращена опасность новой большой войны за влияние на Балканах.

Но такая позиция требовала политического самоограничения, которого было трудно придерживаться в атмосфере нарастания экспансионистских тенденций эпохи, шла ли речь о националистических силах или о промышленных союзах, интересы которых простирались далеко за пределы Европы и требовали захвата новых колоний и сфер влияния.

Австро-германский союз был расширен привлечением к нему России и созданием в 1881 г. Союза трех императоров. В 1887 г. Германия заключила с Россией двусторонний «договор перестраховки», по которому стороны обязались сохранять дружественный нейтра-

литет в случае войны какой-либо из них с третьей страной, за исключением случаев нападения России на Австрию, а Германии - на Францию.

Внешняя политика Бисмарка являлась чрезвычайно сложной «игрой пятью шарами», т.е. пятью европейскими державами. Но противоречия между ними становились все заметнее. Во Франции идея реваншистской войны за возвращение Эльзаса и Лотарингии была настолько популярной, что ни одно правительство не могло отказаться от этого. В России панславистское движение вызывало растущие опасения со стороны Австрии и Турции. А для Германии главной задачей оставалось избежать войны на два фронта.

20 марта 1890 г. после почти 20-летнего пребывания у власти Бисмарк был отправлен в отставку новым императором Вильгельмом II, вступившим на престол в 1888 г., после стодневного правления своего отца, уже смертельно больного Фридриха III. Молодому и самоуверенному монарху всесильный «железный канцлер» казался тяжелой обузой. Резкие расхождения между кайзером и канцлером обнаружились прежде всего в социальной сфере. Стараясь завоевать популярность, Вильгельм стремился сгладить социальные противоречия, а крайняя враждебность Бисмарка к социал-демократии казалась ему излишней. Когда в 1890 г. рейхстаг отказался продлить «исключительный закон», это означало крупное внутривластное поражение канцлера. В последние дни его правления возник вопрос о возобновлении русско-германского договора, этого стержня системы союзов Бисмарка. Поскольку кай-

зер не проявлял ни малейшего интереса к продлению договора, его отношения с канцлером испортились окончательно, что и привело к отставке последнего. С уходом Бисмарка закончилась целая эпоха немецкой истории.

ОТ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ К МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Вильгельм II воплощал дух новой эпохи во многих отношениях. В отличие от своего деда, Вильгельма I, он был большим позером. Учась в Боннском университете, Вильгельм запомнил, что знание - это сила, а будучи потсдамским кадетом, он приобрел склонность к трескучим выступлениям. Человек незаурядный, обладающий острым умом и превосходной памятью, Вильгельм вместе с тем был воспитан крайне религиозно и в духе романтических идеалов.

Скорее всего, он страдал комплексом неполноценности, поскольку его поврежденная при рождении левая рука была короче правой и полупарализована. Многие историки полагают, что этим и объясняется крайняя неуравновешенность характера Вильгельма II, его самоуверенность, тщеславие и бестактность. Современники злословили, что он стремится всюду быть первым: на всяких крестинах - отцом, на каждой свадьбе - женихом, на любых похоронах - покойником.

Восшествие Вильгельма на престол означало перелом в развитии Германской империи. Символич-

ный переход от по-солдатски простого и скромного Вильгельма I, который всегда чувствовал себя прусским королем, а не германским императором, к экзальтированному и высокомерному внуку, считавшему себя преемником средневековых кайзеров, соответствовал коренному изменению психологической атмосферы в империи. Конечно, при желании это можно объяснить экономическими переменами. После десятилетий системы свободной торговли, одного из важнейших принципов либерализма, магнаты рейнско-рурской тяжелой промышленности в середине 1870-х гг., пережив крах грюндерской горячки и экономический кризис, потребовали введения таможенной защиты от иностранной конкуренции. Их поддержало ост-эльбское юнкерство, продукция латифундий которого пользовалась все меньшим спросом, поскольку в Европу хлынул поток дешевого американского, канадского и австралийского зерна. После долгой борьбы в прессе и рейхстаге верх взяли сторонники протекционизма. Национал-либералы, которые в первые годы после создания империи были главной опорой Бисмарка, постепенно перешли в оппозицию, а на политическую авансцену вышли консервативные партии. Либеральная буржуазия, несмотря на свой растущий экономический вес, утратила политическое влияние. Напротив, прусское дворянство упрочило свои политические позиции, хотя его аграрная экономическая база становилась все слабее.

Во внутривнутриполитической жизни все большее значение приобретала армия, которая находилась вне парламентского контроля и подчинялась только им-

ператору. Военные считали себя единственной опорой государства и монархии и защитой не только против внешних, но и против внутренних врагов в лице социал-демократов, католиков и либералов. Штатские добродетели образованных кругов общества утратили былую привлекательность. Образцом стала фигура прусского гвардейского лейтенанта, а немец, не служивший в армии, выглядел в глазах окружающих неполноценным человеком.

Конечно, в немецкой провинции, особенно в Южной Германии, еще сохранялось бюргерское самосознание первой половины XIX в. Но и оно отступало под натиском прусской триады - императорско-королевского двора, дворянского поместья, армейской казармы. Со времен освободительных войн армия стала гордостью нации, а всеобщая воинская повинность рассматривалась не как бремя, а как награда и шанс на социальное возвышение. Чиновники и учителя, отслужившие в армии, привносили казарменный стиль в учреждения и школы. В немецком обществе все больше усиливался милитаристский дух, который охватывал не только простое население, но и правящие круги, и становился одним из главных атрибутов вильгельмовской эпохи.

Но за внешним блеском и мощью Германии угадывались беспокойство и неуверенность в завтрашнем дне. Важнейшей причиной этого было то, что явно застопорилось формирование «внутреннего основания империи». Стародавний территориальный и конфессиональный раскол так и не был преодолен. Более того, в ходе индустриализации к нему прибавились новые социальные противоречия между про-

мышленностью и сельским хозяйством, дворянством и буржуазией, трудом и капиталом. Политические партии, которые в принципе должны были бы сглаживать возникшие противоречия, не могли выполнить эту задачу, так как не несли никакой политической ответственности, а значит, над ними не довлела необходимость поиска компромиссов. Партии были скорее идеологическими, а не прагматическими организациями, и отношения между ними напоминали военные действия.

Прагматическими являлись не партии, а союзы по интересам. Уже в начале продолжительной фазы экономической депрессии после кризиса 1873 г. и начавшегося постепенного угасания либерализма появились первые промышленные и аграрные объединения. В 1873 г. был создан «Союз сельских хозяев» под руководством крупных прусских аграриев. В индустриальной сфере тон задавали «Центральный союз немецких промышленников» и «Союз промышленников». Первый выражал интересы экспортных секторов, второй - тяжелой промышленности.

Как и партии, немецкие экономические и общественные организации вплоть до профсоюзов оказались неспособными к социально-политическим компромиссам. Общим для них был только имперско-германский национализм, захлестнувший и значительную часть рабочих вопреки интернационалистским заверениям СДПГ.

Нестабильность империи нашла отражение и в конфликте поколений. Старшее, которое было очевидцем создания рейха, с гордостью взирало на превращение Германии в державу мирового ранга.

Но значительная часть молодежи считала это государство воплощением духовной пустоты и лживости. Это можно рассматривать как ответ на мощный общественный и технический переворот в индустриальную эпоху, шок от которого вызывал панику и отчуждение. Поиски альтернатив вели к радикальному отрицанию ценностей старшего поколения - терпимости, умеренности, вере в разум и добро человека. Родители были либералами или консерваторами, сыновья и дочери становились националистами, нигилистами или социалистами. Появились новые молодежные движения, проникнутые духом сельской романтики и возвращения к природе.

Но это была та же самая молодежь, которая заполняла университетские аудитории. Число студентов неуклонно росло. Если в 1860 г. их было 11 тыс., то накануне Первой мировой войны - 60 тыс., среди которых насчитывалось около 4 тыс. девушек, получивших это право с 1908 г. Как и прежде, академическое образование являлось допуском к социально престижным или доходным профессиям. Государство поощряло развитие высшего образования, ибо университеты, и прежде всего их юридические факультеты, поставляли на государственную службу способных и образованных чиновников. А технические высшие школы выпускали специалистов, необходимых бурно растущей промышленности, по объему производства которой на рубеже веков Германия вышла на второе место в мире после США.

Государство создавало не только новые школы и университеты, но и самые современные научные учреждения в области фундаментальных исследований,

чтобы превзойти науку США, Англии, Франции. Образованное в 1911 г. в Берлине «Общество кайзера Вильгельма», которое финансировали как государство, так и крупные промышленники, стало, пожалуй, ведущим в мире. До 1918 г. из его стен вышли пять лауреатов Нобелевской премии - Альберт Эйнштейн, Макс Планк, Эмиль Фишер, Фриц Хабер, Макс фон Лауэ. А всего кайзеровская империя дала миру 20 нобелевских лауреатов. Это неудивительно, если вспомнить, что еще в первой половине XIX в. в отсталой и раздробленной Германии было сделано больше научных открытий, чем в Англии и Франции вместе взятых.

Для огромной политической и экономической динамики рейха небольшая Центральная Европа уже становилась слишком тесной. Ограничение этими скромными пределами германская буржуазия рассматривала как унижение и дискриминацию по сравнению с европейскими соседями. Но с началом вильгельмовской эпохи Германия перешла к мировой политике, которая представляла собой решительный разрыв с континентальной политикой Бисмарка. За политикой, тяготевшей к империалистической экспансии, ни в коем случае не стояла высшая прусская аристократия или дворянство, которое в Европе считали нецивилизованным и свирепым, но которое было целиком поглощено заботой о сохранении своего пошатнувшегося социального положения и не проявляло никаких амбиций во внешней политике. Экспансии требовала прежде всего промышленная, финансовая и торговая буржуазия, раздраженная политикой Англии, Франции и России, значительно опередивших Германию.

Призыв к захвату колоний в свое время был холодно встречен Бисмарком, считавшим, что для Германии колонии будут невыгодной и бесполезной обузой, что империя уподобится тогда тому польскому шляхтичу, у которого есть соболья шуба, но нет рубашки. В беседе с известным исследователем Африки Ойгеном Вольфом Бисмарк заявил: «Ваша карта Африки прекрасна, но моя карта Африки - в Европе. Вот Россия, а вот Франция, мы же находимся в середине - такова моя карта Африки».

Первые заморские захваты стали делом рук колониальных авантюристов типа Франца Людерица или Карла Петерса, которые водрузили германский флаг над Восточной Африкой и Камеруном. А начавшийся затем бурный нажим прессы, массовых организаций и экономических союзов буквально заставил государство установить над этими территориями германский протекторат.

После отставки Бисмарка колониальная политика резко активизировалась. Под давлением массовых союзов нового типа, таких, как основанное в 1887 г. Колониальное общество и созданный в 1891 г. крайне агрессивный Пангерманский союз, захват колоний в Африке и Океании стал официальной составной частью немецкой внешней политики. К уже имевшимся колониям добавились Юго-Западная Африка, Того, часть Шаньдунского полуострова в Китае, часть Новой Гвинеи. При тогдашнем разделе мира европейские державы иногда еще могли заключать между собой джентльменские соглашения. Так, в 1885 г. на конференции в Берлине ее участники достигли договоренности о разделе

Конго. В 1891 г. Англия и Германия заключили соглашение об обмене немецкого Занзибара на остров Гельголанд в Северном море, которым владела Британия. Наконец, в 1906 г. Алхесирасский договор позволил на время урегулировать марокканскую проблему.

Но гораздо опаснее были два других элемента немецкой мировой политики. Первым являлось расширение сферы германского влияния через Австрию и Юго-Восточную Европу на Турцию и даже Месопотамию. Кульминацией этой политики стали помпезная восточная поездка кайзера в Османскую империю в 1897 г., которая весьма встревожила Англию и Россию, и начавшееся в 1899 г. строительство Багдадской железной дороги, или дороги трех «Б»: Берлин-Багдад-Басра. Впрочем, наиболее оголтелые пангерманцы расшифровывали это иначе: Берлин-Баку-Бомбей.

Второй элемент составила немецкая морская политика. Когда в 1897 г. руководителем внешней политики стал Бернхард фон Бюлов (1849-1929), громогласно потребовавший для Германии «места под солнцем», а шефом военно-морского ведомства - адмирал Альфред фон Тирпиц (1849-1930), то немедленно началось ускоренное строительство военного флота, способного дать отпор сильнейшей тогда морской державе - Великобритании. Лозунг дня воплотился в призыв: «Германия, на моря!».

Немецкая внешняя политика так и не стала продуманной и четко спланированной. Она диктовалась скорее волной национального воодушевления и жадной самоутверждения, а также глубоко укорен-

нившимся чувством неполноценности, которое испытывали немцы по отношению к превосходящему «английскому кузену». Военно-морские программы Тирпица горячо поддержал Немецкий флотский союз, в котором насчитывалось свыше миллиона человек. При этом совершенно игнорировалось то обстоятельство, что проводимая морская политика глубоко затрагивает интересы Англии, которая начнет сближаться с Россией и Францией, заключившими между собой в 1893 г. военную конвенцию.

Как и перед созданием империи, немецкое общество захлестнула волна эмоций, направленных против сложившейся системы европейского равновесия. На этот раз в унисон с националистами выступал и сам кайзер, который при каждом удобном случае произносил воинственные и непродуманные речи, провоцировавшие Британию. В 1904 г. Англия, уладив свои колониальные противоречия с Францией, заключила с ней «Сердечное согласие» (Антанту). После того как Вильгельм в 1905 г. неудачно пытался добиться союза с Россией, последняя через два года подписала договор с Англией о разграничении их сфер влияния на Среднем Востоке. Германия оказалась политически изолированной. У нее оставался только австрийский союзник, который явно слабел и представлял для Германии скорее бремя из-за своей агрессивной балканской политики.

Призрак войны витал в воздухе, и шеф немецкого генштаба Альфред фон Шлиффен в 1905 г. начал разработку плана ведения войны на два фронта, которой, как стало ясно, избежать не удастся. Поскольку военно-промышленного потенциала Германии

было для этого явно недостаточно, то Шлиффен предложил следующее. Исходя из того, что России ввиду огромной территории и плохой дорожной сети потребуется около двух месяцев, чтобы сконцентрировать армию и начать наступление, Шлиффен предполагал, оставив на восточной границе заслон, сосредоточить все силы против Франции, вступить на ее территорию через нейтральную Бельгию, окружить и уничтожить французские армии севернее Парижа, а затем начать наступление на Россию. Этот план, который не обсуждался ни с командованием военно-морского флота, ни с руководителями немецкой дипломатии, был хорош с чисто военной точки зрения, но содержал несколько роковых элементов. Во-первых, тот автоматизм, с которым Германия в случае разрыва отношений с Россией должна сперва напасть на Францию. Во-вторых, сознательное нарушение бельгийского нейтралитета, а поскольку его гарантировала Англия, то это делало ее войну против Германии практически неизбежной.

Но тучами затянуло не только внешнеполитический, но и внутривнутриполитический горизонт, на котором нарастала нестабильность. Социал-демократия с каждым новыми выборами в рейхстаг усиливала свои позиции, став в 1912 г. его сильнейшей фракцией. Профсоюзы все чаще устраивали забастовки рабочих. Всю страну всколыхнул Цабернский скандал, когда военщина показала штатской Германии, кто является в рейхе хозяином. В эльзасском городе Цаберн командир гарнизона приказал арестовать и предать военному суду нескольких жителей, требующих вернуть эту территорию Франции. Однако он не имел на это

права, поскольку такие вопросы находились в компетенции полиции. Военное и политическое руководство Германии вплоть до канцлера Теобальда Бетман Гольвега не только не наказало нарушителя закона, но даже попыталось обелить его перед возмущенными депутатами рейхстага.

Внутренняя напряженность неотвратимо нарастала. Поэтому известие об убийстве австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в боснийском городе Сараево 28 июля 1914 г. подействовало как гроза, разразившаяся после угнетающего затишья. Патриотический угар, охвативший массы и партии, включая социал-демократов, этот «дух 1914 года», вполне объясним с точки зрения социальной психологии. Это была реакция как на внешнеполитическое давление, казавшееся невыносимым, так и на утрату в предыдущие годы чувства национального единения.

РЫВОК К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ

Выступая в рейхстаге 4 августа 1914 г., Вильгельм II заявил: «Я не знаю больше никаких партий, я знаю только немцев». Слова кайзера отражали тот общий национальный энтузиазм, который охватил почти все население, уверенное в справедливости войны со стороны Германии. Впрочем, такие же настроения царили в Париже, Лондоне, Санкт-Петербурге. Немецкие политические партии, включая большинство социал-демократов, отложили свои разногласия и единодушно проголосовали за кредиты на ведение войны, которая, как считали во всем мире,

закончится через два-три месяца. На это была рассчитана и стратегия немецкого командования, понимавшего, что Германия с ее ограниченными ресурсами не в состоянии вести длительную войну на два фронта.

Но план Шлиффена сразу дал осечку. Наступление немецкой армии через Бельгию на Францию было остановлено на реке Марна, с берегов которой уже был виден Париж. Причиной такого провала стала слабость правого фланга германской армии. Вопреки расчетам Шлиффена, его преемник на посту начальника генштаба Гельмут Мольтке-младший, не обладавший талантами своего великого дяди, укрепил прежде всего левый фланг в Эльзасе, чтобы не дать французам возможности вторгнуться в Южную Германию. Уже в октябре война на Западе стала позиционной. От швейцарской границы до Северного моря протянулась линия окопов, траншей, рядов колючей проволоки, которая в основном так и осталась неизменной до осени 1918 г., несмотря на многочисленные кровопролитные попытки обеих сторон прорвать фронт противника.

На Востоке русская армия, не закончив полной мобилизации, по просьбе французов перешла в наступление и заняла часть Восточной Пруссии. Спешно вызванный из отставки 67-летний генерал Пауль фон Гинденбург сумел разгромить русские корпуса близ Танненберга и на Мазурских озерах. Но главная заслуга в победе принадлежала начальнику его штаба, генералу Эриху Людендорфу. На Восточном фронте, в отличие от Западного, война носила более маневренный характер, а союзная немецкой австро-вен-

герская армия не раз оказывалась на грани полного поражения.

Война на Востоке закончилась после двух русских революций 1917 г., когда по условиям грабительского Брестского мира немецкие войска заняли Прибалтику, Украину, Южную Россию и вышли к предгорьям Кавказа.

Война непредвиденно затянулась, и первоначальное воодушевление скоро угасло. Правда, священники в бесчисленных проповедях и профессора национально-либерального толка в своих лекциях пытались подогреть этот энтузиазм, заявляя, что враги Германии являются воплощением сатанинских принципов, а рейх - исполнителем Божьей воли. «Меч победит деньги» - таков был лейтмотив немецкой пропаганды. Массовые националистические организации переживали свой звездный час. Пангерманский союз, созданная в 1917 г. Отечественная партия и другие крикливые группы соревновались между собой в аннексионистских аппетитах, демонстрируя патриотизм, доходящий до мании величия. Им вторили Союз немецких промышленников и военная верхушка, мечтавшие о немецких границах от Ла-Манша до финского залива и Черного моря.

Но внутреннее положение Германии неуклонно ухудшалось. Несмотря на введение жесткого рационирования продуктов, их явно не хватало. В этом отношении встречались и весьма непродуманные меры: Так, в начале 1915 г. правительство, обеспокоенное резким сокращением запасов картофеля, распорядилось провести массовый убой свиней, главных потребителей картофеля. С присущей немцам

обстоятельностью была проведена широкая пропагандистская кампания, в ходе которой экономисты и журналисты объявили свинью «внутренним врагом» империи, поедаящим годное людям продовольствие. В результате весной было забито около 9 млн. свиней, а уже к концу года возникла нехватка мяса, особенно сала и жиров.

Поэтому в годы войны широкое распространение получили суррогаты: брюква вместо картофеля, маргарин взамен масла, сахарин заменил сахар, а зерна ржи или ячменя - кофе. Это вело к ухудшению питания. Если до войны пищевое потребление в Германии составляло около 3500 калорий в день, то к 1918 г. оно сократилось до 1500-1600 калорий.

Война резко ухудшила и демографическую ситуацию в стране. К 1916 г. было мобилизовано около 7 млн. человек, или 20% мужского населения. А к концу того же года только на Западном фронте потери немецкой армии составили почти 2,5 млн. солдат и офицеров, из которых 338 тыс. пали в одном сражении под Верденом.

В апреле 1917 г. впервые с начала войны забастовали рабочие военных заводов в Берлине и Лейпциге, протестуя против голодного существования и требуя скорейшего мира. Напряженность росла в армии и на флоте, который после Ютландского сражения с англичанами в мае 1916 г. неподвижно застыл в северогерманских портах.

Стал трещать «гражданский мир», это обязательство партий и союзов придерживаться на время войны лояльных позиций. В июле 1917 г. руководители трех фракций рейхстага из СДПГ, партии Центра и ле-

волиберальной Прогрессистской народной партии создали Межфракционный комитет для давления на правительство с целью добиться скорейшего заключения мира и угрожая проголосовать против выделения новых военных кредитов. К комитету присоединилась и национал-либеральная партия. 17 июля 1917 г. новое большинство рейхстага приняло резолюцию с требованием «заключения согласительного мира без принудительных территориальных приобретений». Рейхстаг впервые, таким образом, проявил себя как самостоятельная политическая сила в лице тех партий, которые позднее станут опорой Веймарской республики. А это означает, что элементы первой немецкой демократии зародились уже в годы войны, а не в период революции 1918 г. Но, разумеется, только элементы, поскольку о самой демократии не могло быть и речи. Ни правительство, ни военное командование не обратили никакого внимания на эту резолюцию.

Тем временем положение на фронтах обострилось. Хотя после большевистской революции русская армия фактически развалилась, но еще 2 апреля 1917 г. Германии объявили войну США, и на Западный фронт начали прибывать свежие и прекрасно оснащенные войска американской армии. Немецкие же части истекали кровью, у них не хватало ни боеприпасов, ни продовольствия. Более того, чтобы облегчить положение в тылу, был наполовину сокращен армейский рацион с согласия фронтовиков.

В этой ситуации надежды немцев связывались не с рейхстагом, а с Гинденбургом и Людендорфом, которые стали наиболее популярными деятелями рей-

ха. Передача этим «народным героям» верховного командования в августе 1916 г. с восторгом была встречена в тылу и на фронте. Хотя Людендорф формально был лишь начальником штаба у Гинденбурга, именно он разрабатывал все стратегические планы и руководил операциями. Это был первый генерал, происходивший не из дворянства, который достиг столь высокого поста. Кругозор Людендорфа не ограничивался только военно-техническими проблемами, генерал проявлял самый живой интерес к политике. Людендорф писал, что политика - это всегда война, а мир - иллюзия штатских слабаков, поэтому оптимальным является единое военно-политическое руководство, т.е. фактически - военная диктатура. Только истинный лидер в состоянии так организовать нацию, чтобы она смогла вести тотальную войну, а для этого необходима тотальная мобилизация общества и экономики, регулируемой государством.

Эти принципы Людендорф начал осуществлять на деле с конца 1916 г. под лозунгом «Ты - ничто, твой народ - всё!», который лежит в основе любой тоталитарной системы. Не случайно позднее Ленин и Гитлер считали военно-хозяйственную организацию Германии под руководством Людендорфа образцовой.

Но не помогли и эти жесткие меры. Социально-политическая обстановка накалялась с каждым днем. Русская революция оказала глубокое воздействие на Германию, в тылу и на фронте нарастало брожение.

Весной и летом 1918 г. германская армия предприняла четыре отчаянных мощных наступления,

чтобы разгромить войска Антанты до прибытия в Европу крупных американских подкреплений. В ходе третьего наступления немецкие части вновь вышли на берега Марны в 70 км от Парижа. Но измотанные и обескровленные немецкие дивизии не выдержали контрудара противника. 8 августа, в «черный день» для германской армии, союзники прорвали ее оборону под Амьеном, а в сентябре начали методичное наступление по всему фронту, медленно отесняя истощенные немецкие войска.

Союзники рейха - Австро-Венгрия и Турция стали зондировать почву для заключения мира. 28 сентября 1918 г. капитулировала Болгария. На следующий день с Людендорфом произошел нервный срыв. Опасаясь, что Западный фронт может рухнуть в любой момент, он потребовал немедленного заключения перемирия и создания нового кабинета из партий Межфракционного комитета, поскольку западные державы заявили, что не будут вести никаких переговоров ни с представителями кайзера, ни с его правительством. В Германии же надеялись, что созданное из парламентского большинства правительство в состоянии добиться сносных условий мира.

Но время и обстоятельства, при которых появилась на свет первая немецкая демократия, оказались для нее роковыми. Она была не результатом деятельности парламента, а судорожной попыткой растерянного командования спасти положение. И родилась она в самый неподходящий момент поражения, зловещая тень которого всегда нависала над Веймарской республикой. Наконец, крайне негативным стало то обстоятельство, что вести перего-

воры о мире должны были не те, кто нес ответственность за войну, а непричастные к этому политики. Однако именно они стали козлами отпущения. Как раз тогда зародилась отравившая всю атмосферу Веймара легенда об «ударе ножом в спину» немецкой армии, которая не потерпела никакого поражения, а была предана либеральными политиками, начавшими переговоры о мире.

Для превращения Германии из авторитарного в парламентское государство было достаточно изменения нескольких статей конституции. Прежде всего канцлер теперь должен был иметь доверие рейхстага и нести перед ним ответственность. Но немецкий народ не ощущал важности этих изменений, его заботили не конституционные вопросы, а скорейшее прекращение войны. Сдержать ход событий уже было невозможно.

БЫЛА ЛИ В 1918 ГОДУ РЕВОЛЮЦИЯ?

29 октября 1918 г. матросы военного флота, стоявшего в гавани Киля, отказались выполнить приказ о выходе в море для решающего сражения с англичанами. Волнения быстро распространились по всему северогерманскому побережью, а затем перекинулись и в глубь страны. Но удивительной была даже не революция, которая при полном равнодушии большинства населения фактически закончилась, не успев начаться, а та пассивность, с которой ее встретили прежние правящие круги. Все немецкие династии отказывались от власти без малейшего сопротивле-

ния, и не нашлось почти никого, кто бы встал на их защиту. 9 ноября волнения достигли Берлина. Узнав о событиях в столице, Вильгельм II, который находился в ставке, спешно выехал в Голландию, где и прожил до самой смерти 4 июня 1941 г. 11 ноября статс-секретарь и один из лидеров партии Центра Маттиас Эрцбергер от имени Германии подписал в салон-вагоне французского маршала Фоша в Компьенском лесу под Парижем перемирие. Так закончилась Первая мировая война, унесшая жизни 10 млн. человек.

Германская революция была стихийным выступлением уставших от войны масс. Красное знамя, символ социализма, стало знаменем немецкой революции лишь потому, что оно воплощало мир и оппозицию прежнему режиму. Социал-демократия, расколовшаяся на умеренную СДПГ большинства и более радикальную Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ), действовала под давлением событий, не имея определенного политического курса. В ночь с 7 на 8 ноября Курт Эйсер, представитель НСДПГ, провозгласил социалистическую республику в Мюнхене. Утром 9 ноября прекратили работу промышленные предприятия Берлина. Заполнившие улицы столицы толпы солдат и рабочих стекались в центр города. Последний имперский канцлер, принц Макс Баденский, на свой страх и риск объявил об отречении кайзера и передал свой пост лидеру СДПГ Фридриху Эберту, который надеялся сохранить конституционную монархию и, по его собственным словам, ненавидел «революцию как смертный грех».

Но осуществить это было уже невозможно из-за сопротивления и напора масс. После полудня другой руководитель СДПГ Филипп Шейдеман провозгласил республику, а лидер левой группы «Союз Спартака» Карл Либкнехт с балкона берлинского замка объявил о создании социалистической республики.

Все социалистические группировки выступали под лозунгом предотвращения братоубийственной гражданской войны. Поэтому Эберт предложил НСДПГ сформировать общее правительство, куда пригласил войти и Либкнехта. Но тот отказался, как и лидер радикального крыла независимцев Георг Ледебур.

10 ноября из трех представителей умеренной социал-демократии и трех независимцев был создан Совет народных уполномоченных (СНУ), который опирался на поддержку берлинских рабочих и солдатских Советов. СНУ, взявший в свои руки всю полноту власти, сразу столкнулся с рядом трудных проблем, поскольку Германии угрожала реальная опасность голода, хаоса и даже распада из-за оживления сепаратистских настроений.

Особенностью немецкой революции было то, что основная борьба разгорелась не между правыми и левыми силами, чего следовало бы ожидать по логике вещей, а между левыми и крайне левыми, создавшими 30 декабря Коммунистическую партию Германии (КПГ), на учредительном съезде которой царил дух фанатичного утопизма, откровенно ориентированного на русский большевизм, мало у кого в Германии вызывавший симпатии.

Как показали события, большевистская революция в Германии оказалась невозможной. Кажется па-

радикальным, но такая революция могла произойти только в аграрных странах, где население в основном обеспечивало себя само. Там была возможна радикальная смена власти и массовая социализация средств производства, ибо это не вело к социально-экономическому хаосу. Но в индустриальной Германии, где было развито разделение труда, а большинство населения так или иначе связано с государством, такая коренная ломка неминуемо повлекла бы за собой дезорганизацию и общественную катастрофу. В 1918 г. немецкие рабочие могли потерять гораздо больше, чем только свои цепи, поэтому среди них преобладал враждебный революции «рефлекс антихаоса». В стране, где уже имелось всеобщее избирательное право, речь могла идти только о дальнейшем расширении демократии, а не о ее свертывании, которое означала бы диктатура пролетариата. Врагов же справа у революции практически не оказалось. Уже вечером 10 ноября новый начальник генштаба, генерал Вильгельм Гренер, предложил Эберту помощь армии как фактора порядка в борьбе против угрозы большевизма.

СНУ сразу провел все преобразования, которых желал народ. Были введены 8-часовой рабочий день, пособия по безработице, страхование по болезни, гарантировалось восстановление на работе демобилизованных солдат, провозглашено всеобщее и равное избирательное право для мужчин и женщин с 20-летнего возраста, восстановлены все политические права и свободы, была даже создана комиссия по социализации промышленности во главе с известными марксистскими теоретиками Карлом

Каутским и Рудольфом Гильфердингом. Таким образом, едва успев начаться, революция потеряла реальные цели - бороться было уже не за что.

Преклонение лидеров СДПГ перед демократией стало причиной того, что они рассматривали СНУ как чисто временный орган на период политического вакуума. Вопрос о власти и форме государства должно было решить будущее Учредительное собрание. Такой вариант поддерживали руководители НСДПГ и большинство рабочих и солдатских Советов, которые не разделяли лозунга спартаковцев: «Вся власть Советам». Это показал состоявшийся 16—20 декабря всегерманский съезд Советов, на котором за такое решение выступили всего 10 из 489 делегатов. Съезд высказался за проведение в январе 1919 г. выборов в Национальное учредительное собрание.

Но к этому времени коалиция обеих социал-демократических партий уже развалилась. Эберт вызвал в Берлин армейские части для умирения взбунтовавшейся из-за невыплаченного жалования Народной морской дивизии. Путчистов быстро разгромили. Протестуя против действий Эберта, независимцы в ночь с 29 на 30 декабря вышли из СНУ. Вместо эйфорического настроения ноябрьских дней возникла конфронтация внутри социалистического рабочего движения.

Создание СНУ немецкий пролетариат рассматривал как свое достижение политической власти. Однако в государственном аппарате, армии и хозяйстве практически не произошло никаких перемен. Везде сидели те же люди, что и при кайзере. Так, в середине 1919 г. из 470 прусских ландратов –

руководителей сельских округов только один был социал-демократом. Отсутствие реальных изменений вызывало рост недовольства. Начались волнения и забастовки в Рурской области и Верхней Силезии, Саксонии и Тюрингии, в Берлине, Бремене и Брауншвейге. Их участники требовали как повышения заработной платы и улучшения продовольственного снабжения, так и социализации предприятий и сохранения Советов, а иногда даже уничтожения капиталистической системы.

Решительным поворотом в ходе событий стало так называемое «спартаковское восстание» в январе 1919 г. против СНУ. Ожесточенные бои на улицах Берлина не только закрепили раскол рабочего движения, но и привели к ускоренному формированию фрайкора (добровольческих корпусов), ставшего позднее главным очагом правой опасности. Подавление рабочих выступлений, убийство руководителей компартии Карла Либкнехта и Розы Люксембург во время разгрома январского восстания и при этом явная недооценка растущей угрозы справа не только повлекли за собой радикализацию значительной части рабочих, но и вызвали недовольство жестким курсом СНУ даже среди его сторонников. С январского восстания берет свое начало усиление правого и левого радикализма, все очевиднее становится иллюзорность социал-демократического курса на мирное социальное переустройство общества. Та парламентарно-демократическая республика, к которой стремились лидеры СДПГ, могла бы получить прочный массовый базис лишь в том случае, если бы демократия не остановилась перед воротами заводов

и казарм, перед дверями административных учреждений, а решительно сломала бы старые структуры. Но поскольку этого не произошло, то в историографии по-прежнему время от времени поднимается вопрос: а была ли в 1918 г. революция на самом деле?

В Германии революция произошла только в том смысле, что стала совершенно другой ее политическая система. Но в смысле радикального разрыва с прошлым и глубокого социального переворота революции не было. Впрочем, эта проблема все еще остается для историков дискуссионной.

ВЕЙМАР: ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ

В сущности, вопрос о политической власти уже в первые дни революции был решен в пользу демократической черно-красно-золотой коалиции. Это подтвердили результаты выборов в Национальное собрание, в которых впервые в немецкой истории участвовали женщины, на плечах которых держалось хозяйство в годы войны. Среди 423 избранных депутатов была 41 женщина, или 9,6% от общего числа. Столь высокого показателя не достигали потом не только ни один веймарский рейхстаг, но и бундестаги ФРГ.

Выборы стали победой веймарской коалиции из СДПГ, партии Центра и леволиберальной Немецкой демократической партии (НДП), которые собрали 76% всех голосов. Во главе первого демократически избранного правительства встал социал-демократ Шейдеман, а президентом собрание избрало Эбер-

та. Перед правительством стояли две неотложные задачи - консолидация молодой республики и ее защита от экстремистов и подписание мирного договора. Кабинет надеялся на сравнительно мягкий мир с некоторыми территориальными потерями и сносные контрибуции.

Но иллюзии развеялись, когда 7 мая 1919 г. победители объявили о своих условиях. Немцы были готовы к худшему, но такого не ожидал никто. Требуемые территориальные уступки превышали самые пессимистические ожидания. Установленный верхний предел численности немецкой армии в 100 тыс. солдат и офицеров делал ее пригодной только для полицейских акций, но не для обороны страны. Экономические и финансовые требования еще не были определены, но теперь не оставалось сомнений в том, что они будут крайне тяжелыми. Позднее Уинстон Черчилль едко заметит, что «экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными». Их направленность выразил французский президент Раймон Пуанкаре, пообещавший своему народу, что «боши заплатят за все».

Немецкая сторона сразу отвергла эти условия. Шейдеман официально отказался подписывать такой договор и подал в отставку. Но союзники настаивали на своих требованиях. Под давлением продолжающейся морской блокады страны и угрозы Запада возобновить военные действия, если Германия безоговорочно не примет выдвигаемых условий, большинство членов Национального собрания в конце концов согласилось на его подписание.

28 июня 1919 г. в Версале появились два немецких уполномоченных представителя - министр иностранных дел Герман Мюллер (СДПГ) и министр почты Иоганнес Бёлль (Центр). Церемония подписания мирного договора, этого тяжелейшего для немцев последствия проигранной войны, проходила в том самом Зеркальном зале, где почти полвеком ранее была торжественно провозглашена Германская империя. Как тогда, так и теперь церемония стала символом триумфа победителя над униженным побежденным, который должен был не только платить, но и пресмыкаться. Крупный немецкий ученый Эрнст Трёльч обоснованно писал, что «Версальский договор - это воплощение садистски-ядовитой ненависти французов, фарисейски-капиталистического духа англичан и глубокого равнодушия американцев».

Но при всей их тяжести не экономические статьи договора повлияли на дальнейшую судьбу Веймарской республики, а то, что среди немцев возобладали чувства унижения и бессилия перед несправедливым для них актом, которые стали питательной почвой для подъема реваншизма и национализма. Еще в Версале британский премьер Дэвид Ллойд Джордж пророчески заметил, что «главная опасность состоит в том, что мы толкаем народные массы в объятия экстремистов».

По поводу будущего развития Германии существовали различные мнения. Франция, прежде всего ее генералитет, требовала раздробить рейх на отдельные мелкие государства. США склонялись к тому, чтобы без всяких оговорок принять демократическую Веймарскую республику в круг западных стран. Одна

ко был избран разрушительный третий путь. По Версальскому мирному договору, Германия оставалась единым государством, но в военном отношении -беззащитным, экономически - разоренным, политически - униженным. Такой договор нельзя считать продуманным и дальновидным: для того чтобы уничтожить Германию, он был слишком мягким, для того чтобы просто наказать ее - чересчур унижительным.

Сточки зрения немцев, «диктат Версаля» был инструментом западного террора. Население восприняло демократию как чужеземный порядок, навязанный победителями. Роковым стало то, что борьба против Версаля означала и борьбу против демократии. Политические деятели, которые призывали к сдержанности и компромиссу с Западом, немедленно объявлялись политическими капитулянтами, а то и предателями. Все это и стало той почвой, на которой в итоге вырос тоталитарный и зловещий режим Гитлера.

Во второй половине 1919 г. казалось, что республика укрепила свое положение. С принятием 14 августа Веймарской конституции практически закончился революционный период, если не считать отдельных выступлений весной 1920 г. Но республике угрожала теперь опасность не слева, а справа. Бремя Версаля, нерешенные экономические проблемы, удручающе безрадостная повседневность вели к изменениям в настроении людей, которые все внимательнее прислушивались к агитации националистов и монархистов. Запрет военизированных формирований, которого требовали союзники, коснулся прежде всего фрайкоровцев, которые упорно сражались в Силе-

зии и Прибалтике против Польши и России, а теперь считали, что республиканское правительство, и без того ими презируемое, просто предало их. 13 марта 1920 г. соединения фрайкора под командованием генерала Вальтера Лютвица вошли в Берлин. Ударной силой путчистов была морская бригада капитана Германа Эрхарда, на касках солдат которой красовалась свастика. Было создано новое правительство во главе с крупным восточно-прусским аграрием Вольфгангом Каппом. Законное правительство канцлера Густава Бауэра бежало в Штутгарт, откуда вместе с профсоюзами призвало к всеобщей забастовке, которая настолько парализовала всю жизнь Германии, что через пять дней путчисты сдались, тем более что их не поддержало ни командование рейхсвера, ни чиновничий аппарат.

Казалось, что перед республикой открываются прекрасные перспективы на консолидацию. Но выборы в рейхстаг 6 июня 1920 г. стали для нее катастрофой. Республиканская коалиция потеряла две трети мест в парламенте, получив теперь только 43% мандатов. После этого демократическим партиям ни разу не удавалось завоевать большинство мест в рейхстаге. У них оставалось две возможности: либо идти на коалицию с антиреспубликанскими партиями, либо создавать кабинеты парламентского меньшинства, которые могли быть свергнуты в любой момент.

В таких условиях становились невозможными ни решительная и долговременная демократическая политика, ни устойчивость правительств. За 14 лет Веймарской республики в ней сменилось 16 кабинетов.

Возник заколдованный круг: чем слабее казались правительства, тем охотнее избиратели склонялись к правым или левым радикалам, которые, во всяком случае, обещали установить твердую власть. Удивительно не то, что Веймарская республика потерпела крах, к которому она была практически приговорена. Удивительно то, что в предельно тяжелых условиях она все же смогла просуществовать целых 14 лет.

Веймарской коалиции, к которой в 1925 г. присоединилась праволиберальная Немецкая народная партия (ННП) во главе с Густавом Штреземаном (1878-1929), удалось несколько стабилизировать внутривнутриполитическое положение. СДПГ распрощалась с правительственной ответственностью, хотя имела не только своего президента Эберта, но и премьер-министра занимавшей 3/5 территории страны Пруссии Отто Брауна, который вместе с министром внутренних дел Карлом Зеверингом умело сочетал социал-демократическую и традиционную прусскую практику управления. Поэтому Пруссия стала главным оплотом республики.

Но кризис не был преодолен, просто он переместился из области внутренней политики в область внешней политики. Три года продолжалась борьба немецкой и западной сторон вокруг выполнения условий Версальского договора. То, что в этих конфликтах германское правительство всегда было вынуждено уступать, решающим образом сказалось на слабости его авторитета у населения, а тем самым - на легитимности республики вообще. Ситуация резко обострилась, когда в начале 1921 г. репарационная комиссия определила наконец общую сумму плате-

жей Германии в баснословные 132 млрд. золотых марок. Немецкое правительство вначале возмущенно отклонило эти условия, но впоследствии было вынуждено подчиниться требованиям Запада. Германская «политика выполнения» была неизбежной, чтобы не дать повод, прежде всего Франции, обвинить Германию в саботаже закрепленного договором обязательств. Но, с другой стороны, эта политика дала правой оппозиции превосходную возможность для нападков на правящих в Берлине «ноябрьских преступников». Страну захлестнула волна фанатичного национализма и политических покушений. В 1921 г. был убит подписавший Компьенское перемирие 1918 г. Маттиас Эрцбергер, а на следующий год - министр иностранных дел Вальтер Ратенау, который ко всем своим грехам был к тому же евреем.

На мрачном внешнеполитическом горизонте был всего лишь один просвет. 16 апреля 1922 г. Германия и Советская Россия подписали в Рапалло, близ Генуи, договор об установлении торговых отношений и взаимном отказе от каких-либо претензий. Этот договор весьма встревожил Запад, хотя и не стал средством ревизии Версальского мирного договора, на что безосновательно рассчитывали канцлер Йозеф Вирт и командующий сухопутными войсками рейхсвера Ханс фон Сект.

Попытки немецкой стороны добиться уступок в вопросе репараций привели французское правительство к убеждению, что следует взять силой то, что Германия не хочет отдать добровольно. 11 января 1923 г. франко-бельгийские войска оккупировали Рурскую область, чтобы непосредственно кон-

тролировать добычу и поставки угля в счет репараций. Немецкое правительство канцлера Вильгельма Куно отважилось только на пассивное сопротивление и вместе с профсоюзами призвало шахтеров Рура к всеобщей забастовке, фактически оккупация обошлась Франции дороже, чем она рассчитывала получить, так как добыча угля почти прекратилась. Но для Германии издержки оказались еще значительнее. Необходимо было снабжать миллионы людей в Руре, откуда перестал поступать уголь, который теперь пришлось закупать за рубежом. А поскольку к этому добавилось еще и значительное снижение доходов от пошлин и налогов, то в бюджете образовался огромный дефицит, который можно было смягчить лишь печатанием все новых банкнот. Поэтому непрерывно растущая еще с военных лет инфляция получила мощный толчок и стала неуправляемой. Если в январе 1923 г. килограмм хлеба стоил 250 марок, то в декабре - уже 399 млрд. марок, а за один доллар давали 4,2 биллиона марок. Марка падала в цене чуть ли не ежечасно, и посетители ресторанов расплачивались заранее, поскольку к концу обеда его стоимость становилась в два-три раза дороже. Даже отапливать помещение банкнотами стало дешевле, чем углем. В конце концов денежное обращение развалилось полностью, население возвратилось к первобытному натуральному обмену. . 13 августа 1923 г. лидер ННП Штреземан сформировал кабинет большой коалиции, чтобы справиться с катастрофическим положением. К всеобщему изумлению, новый канцлер добился успеха. Он понимал, что единственным средством выживания яв-

ляется капитуляция. 26 сентября кабинет объявил о прекращении пассивного сопротивления в Руре. В это время Германия уже стояла на пороге распада. На Рейне оживились сепаратисты, поощряемые Парижем. В Саксонии и Тюрингии левые правительства начали формирование «красных сотен», этих армий гражданской войны. Штреземан не побоялся ввести туда войска, которые разогнали мятежные земельные правительства.

Еще более опасное положение сложилось в Баварии, где сама армия отказалась подчиняться Берлину и принесла присягу баварскому правительству во главе с генеральным имперским комиссаром Густавом фон Каром, который намеревался вслед за Баварией навести порядок и в остальной Германии, прежде всего в «марксистском болоте» Берлина. Его поддержали командующий баварским рейхсвером генерал Отто фон Лоссов и Адольф Гитлер, которому удалось объединить многочисленные правые группы Мюнхена в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Он рассчитывал переиграть своих временных союзников и взять всю власть в свои руки. Но Гитлер слишком рано раскрыл карты. 9 ноября нацисты попытались захватить власть, но их колонна, двигавшаяся в центр Мюнхена, была обстреляна и разогнана полицией. Гитлер и его ближайшее окружение были арестованы и отданы под суд, приговоривший их к смехотворно мягким наказаниям. Почти одновременно, 8 ноября, было подавлено коммунистическое восстание в Гамбурге, которое не поддержали рабочие этого города. Генерал Сект овладел ситуацией, рас-

пад республики был предотвращен. Кабинет Штреземана 15 ноября 1923 г. ввел новую рентную марку, приравненную к биллиону старых купюр. Поскольку у Германии почти не было золотого запаса, то новая марка обеспечивалась всей продукцией промышленности и сельского хозяйства, поэтому ее называли еще «ржаной».

Тяжелейший кризис осени 1923 г. был преодолен только благодаря решительным и непопулярным мерам, предпринятым Штреземаном, но разногласия между партиями большой коалиции привели к ее развалу. 23 ноября рейхстаг вынес канцлеру вотум недоверия. Однако Штреземан остался министром иностранных дел, сумел укрепить положение Германии на мировой арене и добиться улучшения ее отношений с Западом, тем более что в Англии и Франции к власти пришли новые правительства, больше учитывавшие ситуацию в Германии, чем их предшественники. Первым проявлением этого поворота стал принятый в апреле 1924 г. план американского финансиста Дауэса, по которому немецкие платежи на ближайшие пять лет существенно снижались, а промышленность Германии получала для своего оздоровления международный кредит в 800 млн. золотых марок. Франция вывела свои войска из Дортмунда и Оффенбурга и объявила о полном уходе из Рура в течение года.

На первый взгляд кажется, что последующие пять лет были временем внутривнутриполитического затишья. Кабинет попеременно возглавляли буржуазные канцлеры Вильгельм Маркс и Ханс Лютер, а преемственность политики воплощал прежде всего Штре-

земан. Он не только проводил сдержанную и успешную внешнюю политику, но и как лидер ННП гарантировал правительству поддержку умеренных националистов. Оппозиционная СДПГ одобряла курс Штреземана, к которому правые силы относились резко отрицательно. В период с 1924 по 1928 г. единственный раз в истории Веймарской республики рейхстаг проработал полный срок своего созыва.

Штреземан ставил целью мирным путем добиться ревизии Версальского договора и обеспечить Германии ведущее место в Европе. Это означало уклонение от чересчур тесных связей как с Западом, так и с Востоком и проведение политики балансирования между ними для сохранения свободы действий. Такой курс приносил определенный успех. В 1925 г. в Локарно Франция, Бельгия и Германия заключили соглашение о признании и неприкосновенности существующих между ними границ, которое контролировали Англия и Италия. Следующим шагом к свободе внешнеполитических действий стал прием Германии в Лигу Наций 9 сентября 1926 г. За этим последовало окончательное урегулирование проблемы репараций. По плану американского экономиста Оуэна Юнга, принятому на Парижской конференции в феврале 1929 г., сумма репараций составляла 112 млрд. золотых марок с ежегодными выплатами по 2 млрд. марок в течение 59 лет, т.е. Германия должна была закончить платежи в 1988 г. Какими иллюзорными оказываются иногда долговременные человеческие расчеты!

С Советской Россией в 1926 г. был заключен Берлинский договор о взаимном нейтралитете и сотруд-

ничестве. Наряду с ним командование рейхсвера и Красной Армии тайно договорились о совместных действиях в случае польского нападения на Восточную Пруссию или Украину, причем не очень ясно, насколько информировано было об этом германское правительство.

Политическая стабилизация сопровождалась экономическим оживлением. В 1928 г. производство на душу населения впервые достигло уровня довоенного 1913 г. В Германию по плану Дауэса потекли иностранные, прежде всего американские, кредиты, которые превысили 16 млрд. марок. Объем производства в 1924-29 гг. возрос на 50%. По некоторым показателям Германии удалось восстановить свои прежние ведущие позиции. Самому мощному в Европе концерну «ИГ Фарбениндустри» принадлежало 100% мирового производства синтетического бензина и красителей. Но подъем переживали преимущественно экспортные отрасли, рост на внутреннем рынке оставался весьма скромным. Инвестиции так и не достигли довоенных показателей, производительность труда почти не повышалась. Это была оборотная сторона самого большого социального достижения веймарского периода - установления 8-часового рабочего дня. Безработица даже в самом благоприятном 1927 г. значительно превышала довоенный уровень. По сути, немецкая экономика оставалась больной. Концентрация и монополизация производства сковывали деятельность предпринимателей на рынке. Кредиты и дотации направлялись главным образом не в наиболее современные и перспективные отрасли про-

мышленности, а в сельское хозяйство и тяжелую индустрию.

Двадцатые годы, несмотря на короткий период политической стабилизации и призрачного подъема экономики, в основном представляли собой сумрачное царство тщетных надежд и разочарований. Но в нем был и яркий луч света - веймарская культура. В этом отношении «золотые двадцатые годы» определялись пикантной смесью жажды утех и культурного взлета. Театр и кинематограф переживали невиданный расцвет, кабаре и варьете ломались от посетителей, эмансипированные берлинки заметно укоротили юбки и прически и, не выпуская изо рта сигарету, лихо отплясывали чарльстон. Некогда провинциальный Берлин становился одной из мировых столиц. В архитектуре, живописи, музыке, литературе процветали новые стили и направления - сверкающий калейдоскоп неслыханных форм, красок и жанров.

Однако эта новая культура Веймара была скорее легендой, рожденной бежавшими из страны после 1933 г. и с тоской вспоминаявшими прошлое интеллектуалами. Настоящие ее корни лежали в культуре авангарда кайзеровского периода. Новизна же 1920-х гг. состояла в том, что буржуазный академизм уступил свои позиции вчерашним аутсайдерам. Но всякий культурно-художественный взлет непременно имеет элитарный характер. Не стала исключением в этом смысле и культура Веймара. Все происходило в узком кругу литераторов, мыслителей, художников, музыкантов, критиков и меценатов. Это была чисто буржуазная, однако возбужда-

ющая антибуржуазные чувства культура, глубокий отпечаток на которую наложила мировая война.

Левые утверждали, что все, связанное с милитаризмом и войной, является воплощением зла и бессмысленности, а социализм, напротив, олицетворяет собой добро. Издатель леворадикального журнала «Вельтбюне» Карл фон Оссецкий ратовал за республику, основанную на нормах морали и правах человека. Впрочем, он боролся не за существовавшую Веймарскую республику, считая ее, подобно многим другим интеллектуалам, слишком склонной к компромиссам, скучной и буржуазно-мещанской. Он выступал за социалистически-пацифистскую республику, для установления которой даже призывал голосовать на выборах президента за лидера КПП Эрнста Тельмана.

На другом полюсе культурного спектра находились правые, идеи которых также определила война, только с иных позиций. Они считали войну не царством ужаса и бесчеловечности, а очистительной стальной грозой, в которой выковывается новый человек. Так утверждал отважный фронтовик, кавалер высшего ордена «За отвагу» и талантливый писатель Эрнст Юнгер (1895-1998). Правые интеллектуалы боролись против республики и либеральной демократии под национально-социалистическими, а часто - даже просто социалистическими в их понимании лозунгами. Но расплывчатость целей привела к тому, что многие из них пошли затем за Гитлером. Уж он-то знал, что следует понимать под национальным, а что - под социалистическим.

У Веймарской республики были натянутые отношения не только с интеллектуалами. Она не могла быть уверена в лояльности даже собственного государственного аппарата. Подавляющее большинство чиновников придерживалось консервативно-монархических взглядов. Но в их сознании прочно укрепилось уважение к легитимной власти, поэтому свои профессиональные обязанности они выполняли вполне добросовестно. Позднее они столь же лояльно отнеслись к режиму Гитлера. В чисто партийно-политическом отношении чиновники в целом вели себя нейтрально, но это не значит, что они были аполитичны. Хотя и не слишком явно, они тяготели к авторитарному режиму и пальцем не пошевелили, чтобы защитить и спасти демократию.

Что же касается армии, то стотысячный рейхсвер под командованием Секта высокомерно сторонился как республиканских институтов, так и партий, проводя свою тайную политику перевооружения за спиной властей. Рейхсвер не вмешивался в текущую политику согласно принципу Секта: «Армия служит государству, только государству; ибо она и есть государство». Положение изменилось в 1927 г., когда Секта сменил генерал Курт фон Шлейхер. При нем командование рейхсвера стало проявлять интерес к политике, оно пыталось оказывать влияние на процесс формирования кабинетов и их решения.

Рабочие как социал-демократической, так и католической ориентации были готовы при необходимости оказать республике поддержку, что показали их активные выступления против капповского путча (13-17 марта 1920 г.) и требования покончить с экс-

тримизмом после убийства Ратенау. Но в начале 1930-х гг. стало очевидно, что их готовность защищать демократическое государство напрямую связана с социальными благами, которые оно распределяет. Когда же начался экономический кризис, упала заработная плата и быстро выросла безработица, то лояльность к демократии сразу снизилась. Рабочие начали переходить либо к коммунистам, либо к национал-социалистам.

Средние слои были во власти непреходящих кризисных волнений. Они чувствовали угрозу, исходящую от быстрого изменения окружающего мира, рост доходов этих слоев отставал по сравнению с другими группами общества, инфляция уничтожила все их сбережения. В их глазах ответственность за экономическую катастрофу несла демократическая республика. Они резко качнулись в сторону тех, кто обещал немедленное улучшение их положения.

Имущие группы, предприниматели и аграрии, с подозрением относились к республике, поскольку ее социальная политика проводилась в интересах низших слоев. Несмотря на то что государство выделяло тяжелой индустрии и аграрному сектору значительные дотации, эти круги воспринимали Веймар с враждебным раздражением.

После внезапной смерти Эберта новым президентом в апреле 1925 г. был избран бывший кайзеровский фельдмаршал 78-летний Гинденбург. Но, к великому разочарованию его окружения, Гинденбург, с минимальным перевесом одержавший победу над кандидатом от партий веймарской коалиции Вильгельмом Марксом, и не помышлял о том, чтобы рес-

таврировать монархию. Он намеревался лояльно служить нелюбимой республике. Правые круги допустили ошибку, сбросив со счетов отношение Гинденбурга к присяге. Будучи прусским офицером и дав присягу на верность республиканской конституции, он считал делом чести относиться к ней с таким же уважением, как и к прусскому полевому уставу.

Но при всех добрых намерениях фельдмаршал плохо разбирался в политике, и ему были необходимы советники. Кроме того, почтенный возраст и связанное с ним умственное угасание ставили его в зависимость от помощников. А его окружение было совсем не таким, каким оно должно было быть у президента демократической республики, - старые боевые Kameraden из прусской армии и сливки ост-эльбского юнкерства, которым ненависть к республике застилала и без того не слишком широкий политический горизонт.

Период буржуазных кабинетов закончился с выборами в рейхстаг 20 мая 1928 г. СДПГ, получив свыше 9 млн. голосов избирателей, одержала убедительную победу. Канцлером стал ее лидер Герман Мюллер, а важнейшие министерства также возглавили социал-демократы. Но кабинет Мюллера не был таким прочным, как казался. Уже при обсуждении вопроса о строительстве нового тяжелого крейсера взамен устаревших судов коалиция едва не развалилась. А когда социал-демократические министры, желая ее спасти, уступили своим буржуазным коллегам, то их собственная фракция в рейхстаге нанесла им публичное оскорбление, проголосовав против предложений кабинета.

Между тем росла безработица, учащались забастовки, на улицах происходили беспорядки. Все это расшатывало правительство и усиливало давление партий на своих министров, которые и сами были не прочь отделаться от все более неудобной ответственности. Наконец, силы Мюллера иссякли. Воспользовавшись незначительным конфликтом, возникшим в кабинете по поводу повышения страховых взносов по безработице, канцлер 27 мая 1930 г. подал в отставку. Вместе с ним ушло и последнее парламентское правительство Веймара. Социал-демократия вернулась на уже привычные скамьи оппозиции.

Провал республиканских партий стал симптомом политического коллапса демократии и усиления экстремизма. 1 мая 1929 г. на улицах Берлина впервые с 1920 г. вновь прогремели выстрелы. Это было столкновение между руководимой социал-демократами прусской полицией и коммунистическими демонстрантами. Влияние КПГ усиливалось вместе с ростом безработицы. По она сама себя изолировала, направляя по указанию Москвы главный удар против «социал-фашистов», а не нацистов. На другом фланге националисты во главе с «королем прессы» Альфредом Гугенбергом и консервативная организация бывших фронтовиков «Стальной шлем» сблизилась с партией Гитлера.

НСДАП полностью была творением ее фюрера, партией, зависимой от его ораторского, демагогического таланта и его харизмы. Строго говоря, Гитлер создал не политическую партию, а своего рода секту, поскольку опирался на веру своих приверженцев и являлся единственным носителем истины.

При этом все его речи представляли собой мешанину самых различных идей, в изобилии процветавших в атмосфере послевоенного времени. Лозунг «национального социализма» еще до войны использовался как средство борьбы против «интернационального социализма» марксистов. Он был нацелен на привлечение рабочих, а также служил приманкой для социально-романтических движений молодежи из различных слоев общества. Идея «народного сообщества», родившаяся в католическо-романтическом учении о сословном государстве, казалось, обещала решение социальных проблем современной индустриальной системы. Антисемитская расовая теория служила для обоснования всемирной миссии арийцев. Понятия «нация» и «раса» взаимодополняли друг друга. Прежде всего следовало освободить нацию от оков Версаля, а затем приступить к завоеванию «жизненного пространства» для якобы наиболее ценной арийской расы, которую представляли германцы.

Но не программные высказывания придавали силу публичным выступлениям Гитлера. Его ораторская мощь заключалась в умении предельно ясно выразить желания и надежды своих слушателей. Он извлекал на свет страхи и предрассудки людей из подсознательных, иррациональных глубин сознания и формулировал их в соответствии с собственным мировоззрением. Если конкурирующие с НСДАП партии старомодно полагали, что людей можно убедить разумными доводами, то Гитлер делал ставку на эмоции массы, чего не принимали в расчет прежние партии.

НСДАП более других партий веймарского периода имела основания претендовать на звание народной. Она имела сторонников во всех слоях общества. Правда, процент рабочих и крестьян в партии был ниже их доли в обществе, хотя число рабочих постоянно росло и в 1930 г. достигло 35,1% состава партии. Напротив, доля средних слоев в партии была выше, чем в обществе.

Некоторые группы оказались невосприимчивыми к нацизму. Это был костяк социал-демократического рабочего движения, в то время как достаточно большой стала текучесть сторонников НСДАП и КПП, их переход из одной партии в другую. В целом равнодушными оставались также крупная протестантская буржуазия и католическая среда на Юго-Западе и в Силезии. Однако и здесь Гитлеру удалось добиться прорыва и привлечь на свою сторону значительную часть молодежи из этих слоев.

Час Гитлера пробил, когда наступила «черная пятница» 19 октября 1929 г. В этот день произошел крах на Нью-йоркской бирже, и начался самый страшный в истории экономический кризис, охвативший весь мир. В Германии, экономическое положение которой было и без того трудным, кризис повлек за собой роковые последствия. Вначале казалось, что это временный спад конъюнктуры, но он перерос в невиданную доселе катастрофу, в которой экономический развал и политическая радикализация шагали нога в ногу. Это показали выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г., на которых нацисты добились сенсационного успеха. Они получили 130 мест и стали второй по численности после социал-демократов фракцией. Успех

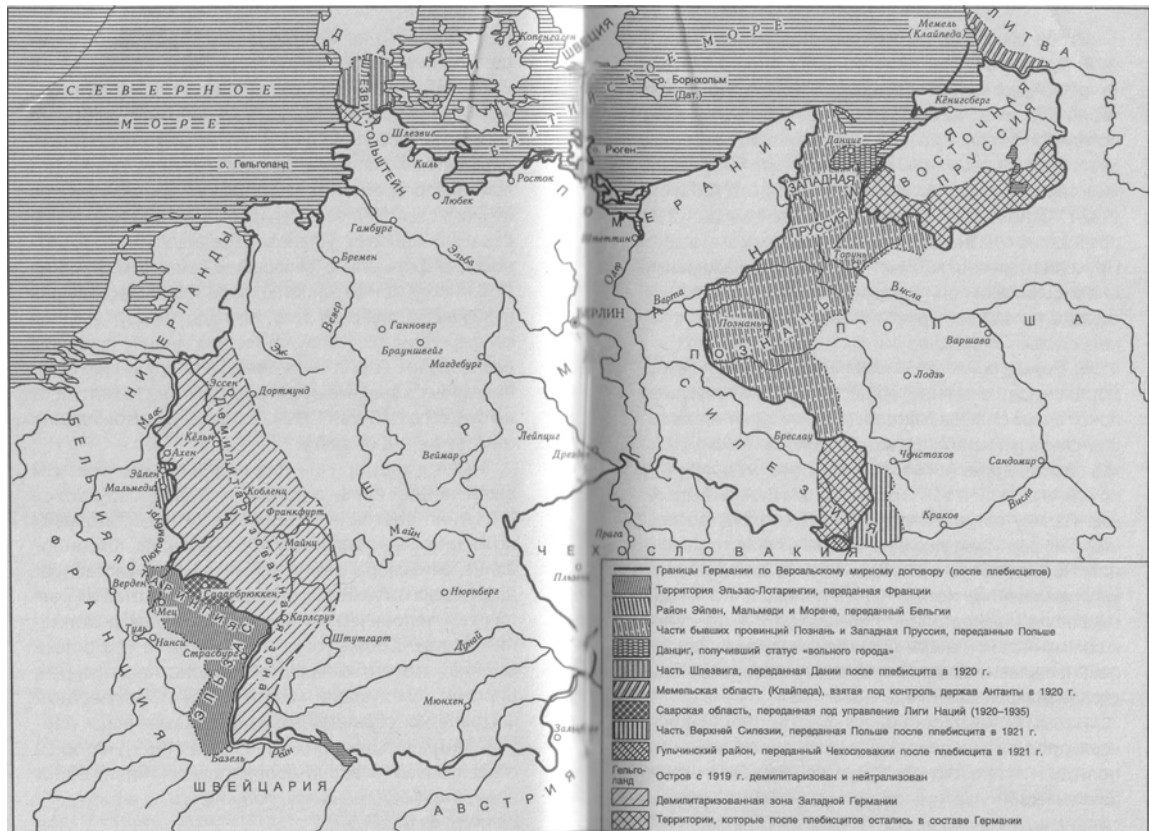
партии Гитлера посеял такие сомнения в стабильности Германии у зарубежных инвесторов, что опок капиталов из страны превратился в паническое бегство. Экономический кризис всегда сопровождается усилением таможенных барьеров. Но у немецкой экономики своих капиталов было недостаточно, иностранные кредиты прекратились, а поскольку она значительно зависела от экспорта, то это повлекло за собой тяжелейшие последствия как для производства, так и для занятости. Всего за год число безработных возросло с 9 до 16%. Но это была только первая стадия. В середине 1931 г. один за другим стали лопаться банки, а за ними — и крупные предприятия. В 1932 г. промышленное производство Германии было вдвое меньше аналогичных показателей 1928 г. Курс акций понизился на треть, их мелкие держатели оказались нищими, а число безработных достигло 30,8% и составило 6 млн. человек.

Кризис охватил всю Европу, но в Германии он принял особенно разрушительный характер. В этой ситуации парламент оказался совершенно беспомощным. Когда в июле 1930 г. рейхстаг отклонил жесткие меры по оздоровлению национальной экономики, то канцлер Генрих Брюнинг (1885-1970) воспользовался 48-й статьей конституции и издал необходимые законы как чрезвычайные, которые президент мог подписать без обсуждения в рейхстаге. Начался период президиальных кабинетов. Некоторое время 48-я статья действовала вполне успешно, когда речь шла о необходимости проведения срочных мер в экономике и о повышении государственного авторитета в обстановке растущего

политического насилия справа и слева, выплеснувшегося на улицы немецких городов.

Решительная политика в период кризиса никогда не может быть популярной. Особенно относилось это к курсу Брюнинга на радикальное сокращение государственных расходов, которое резко ухудшало положение безработных. Поскольку Германия теперь не могла выплачивать репарации, то в конце 1931 г. союзный комитет установил ее неплатежеспособность, а формально репарации были отменены на Лозаннской конференции в июле 1932 г. Заседавшая в Женеве с февраля того же года международная конференция по разоружению в принципе признала равноправие Германии в области вооружения. Брюнинг, по его выражению, находился «в ста метрах от цели», когда 30 мая 1932 г. Гинденбург неожиданно отправил его в отставку.

Имелся ряд причин для падения канцлера. Им были недовольны аграрии, которые запутались в паутине долгов и негодовали на недостаточную, по их мнению, поддержку правительства. Командование рейхсвера раздраженно восприняло запрет нацистских штурмовых отрядов (СА), считая их «отличным человеческим материалом» для пополнения армии. Кроме того, у Гинденбурга сложилось мнение, что его канцлер абсолютно непопулярен. Впрочем, следующий канцлер, почти неизвестный в стране консервативный «заднескамеечник» партии Центра Франц фон Папен (1879-1969), который создал новый аграрно-дворянский «кабинет баронов», имел еще меньшую популярность, а вернее - не имел ее вообще.

Территория Германии по Вестфальскому мирному договору

Чтобы обеспечить в рейхстаге поддержку нацистской фракции, вновь назначенный канцлер отменил запрет СА, выполнив требование Гитлера. Поскольку черно-красно-золотое прусское правительство, даже потеряв значительную часть избирателей, сохранило власть и вело решительную борьбу с уличными бесчинствами нацистов и коммунистов, то 20 июля 1932 г. Папен добился издания чрезвычайного указа президента о назначении его имперским комиссаром Пруссии и сместил кабинет Отто Брауна. Важнейшие для расстановки политических сил органы - администрация и полиция Пруссии подчинялись теперь непосредственно канцлеру.

Выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. отражали взбудораженное состояние общества. НСДАП получила почти вдвое больше голосов. Имея абсолютное большинство в рейхстаге, фракции нацистов и коммунистов могли дружно саботировать все мероприятия правительства. Чтобы избежать опасности вынесения Папену вотума недоверия рейхстагом, последний был распущен уже в день своего первого заседания. Новые выборы в ноябре не принесли существенных изменений, хотя НСДАП потеряла почти два миллиона избирателей, перешедших в основном к коммунистам. Теперь президент назначил канцлером представителя армии, бывшего военного министра Курта фон Шлейхера (1882-1934).

Новый канцлер попытался создать общий фронт всех профсоюзов для поддержки проводимой им политики и спровоцировать раскол национал-социалистической партии, перетянув на свою сторону сильнейшего конкурента Гитлера, его заместителя

по партии Грегора Штрассера, пообещав ему пост вице-канцлера. Но план Шлейхера провалился. Правление СДПГ запретило лидерам свободных профсоюзов идти на союз с канцлером. Штрассер же не решился выступить против Гитлера и предпочел вообще покинуть ряды партии. Пытаясь спасти положение, Шлейхер уговаривал президента снова распустить рейхстаг, но Гинденбург не желал этого делать. Он поручил Папену сформировать кабинет, опиравшийся на парламентское большинство. Папен провел переговоры сначала с лидером националистов Гугенбергом, затем с Гитлером, который настаивал на назначении его канцлером, но был согласен пойти на создание коалиционного кабинета с консерваторами. На этот раз Гинденбург и Папен согласились с требованиями фюрера.

Президент до последнего сопротивлялся назначению презираемого им «богемского ефрейтора» на пост главы правительства, но не мог долго противостоять давлению своего окружения, которое единодушно высказывалось за создание кабинета «национальной концентрации» во главе с Гитлером. Фюрер не требовал правления с помощью чрезвычайных законов, от которых устал престарелый Гинденбург, а заявил о необходимости проведения новых выборов, после которых вероятное большинство рейхстага из нацистов и националистов станет опорой кабинета Гитлера - Гугенберга. На президента это подействовало успокаивающе: Гитлер будет окружен консервативными министрами, а груз ответственности за чрезвычайное правление свалится с плеч президента. И все же он колебался. Но умело распускаемые лож-

ные слухи о намерении Шлейхера совершить военный переворот и сместить президента стали для Гинденбурга последними аргументами в пользу кандидатуры Гитлера. Теперь он был уверен, что Гитлеру просто нет никакой альтернативы. 30 января 1933 г. фюрер нацистской партии был назначен рейхсканцлером. Пробыл смертный час Веймарской республики.

АНАТОМИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Вечером 30 января никто не сомневался в том, что республике пришел конец, но относительно будущего имелись различные представления. Страсти бушевали только среди нацистов, которые праздновали этот день как пришествие мессии. Население вело себя сдержанно. Британский посол в Берлине сообщал, что пресса «приняла назначение г-на Гитлера рейхсканцлером с почти философским спокойствием», и добавлял, что и «население реагировало на это столь же невозмутимо». Парламентские фракции и не помышляли о том, чтобы сплотиться для отражения опасности. Руководство СДПГ сравнивало приход Гитлера к власти с бисмарковским «исключительным законом» и полагало, что хуже все равно быть не может. Консерваторам будущее казалось просто радужным, поскольку большинство кабинета составляли их министры. Папен успокаивал своих единомышленников, хвастаясь, что он пользуется полным доверием Гинденбурга, и обещая, что «через пару месяцев мы загоним Гитлера в угол и прижмем так, что он запищит».

Чтобы понять такие настроения, надо учитывать, что у немцев не было ясного представления о подлинном зловещем характере национал-социализма, который считали одним из обычных праворадикальных движений. Те немногие люди, которые прочитали программную книгу Гитлера «Майн кампф», не принимали ее всерьез, полагая, что идеологические формулировки - это одно, а практические политические действия - совсем другое. К тому же поворот к авторитарному режиму не стал чем-то неожиданным. Уже с 1930 г. не было парламентского контроля за кабинетами. Наконец, аналогичные процессы происходили в большинстве европейских государств, где к власти пришли самые разные диктаторы. Господствовало убеждение, что в период тяжелого экономического и политического кризиса демократия обанкротилась, что пришло время сильных людей. У всех перед глазами стоял пример Муссолини, которым открыто восхищался даже либеральный издатель Теодор Вольф или социалист Курт Хиллер. О Гитлере судили совершенно неверно потому, что он как раз был не обычным политиком, а идеологом, который, в конце концов, имел только одну цель - установление мирового господства германской расы.

Для достижения этой цели прежде всего было необходимо утвердить абсолютную власть нацистской партии в Германии. Этот процесс занял полтора года. Первым шагом стало устранение других партий и ограничение самостоятельности земель. По всей вероятности, поджог рейхстага 27 февраля 1933 г. не был запланированной провокацией нацистов, а явился делом рук бывшего коммуниста, психичес-

ки неуравновешенного голландца Маринуса ван дер Люббе, позднее приговоренного к смертной казни. Но для последствий пожара все это не играло никакой роли. Сразу же он был записан на счет КППГ и был издан «Закон о защите права и государства», отменивший основные права и свободы граждан, хотя формально веймарская конституция так никогда и не была упразднена. Но фактически этот закон ввел постоянное чрезвычайное положение, позволившее режиму приступить к охоте на своих противников под покровом видимости защиты прав. Штурмовики, которые уже с конца января самовольно терроризировали всех инакомыслящих, свозили их в «дикие» концлагеря, подвергали пыткам и издевательствам, а нередко просто их убивали, были превращены во вспомогательную полицию. В обстановке запугивания и разнузданной пропаганды 5 марта прошли последние многопартийные выборы в рейхстаг. Но даже теперь НСДАП не смогла добиться абсолютного большинства и получила 43,9% голосов. СДПГ и уже запрещенная КППГ вместе набрали 30,6%. Таким образом, нацисты так и не завоевали поддержки большинства немецкого народа. Что же касается последующих различных плебисцитов, на которых одобрение выражало более 90% населения, то в тоталитарных диктатурах такие результаты - самое обычное явление.

Новому рейхстагу, в котором больше не было фракции КППГ, канцлер 24 марта предложил принять «Закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий», в соответствии с которым кабинет получал право издавать законы без участия рейхстага.

Закон был одобрен, но депутаты от СДПГ, несмотря на разгул террора и преследования, мужественно проголосовали против. Руководитель фракции СДПГ Отто Вельс, не испугавшись беснующихся в зале штурмовиков, произнес горячую речь в защиту демократии.

После того как социал-демократические профсоюзы, которые пытались наладить сотрудничество с новым режимом, 2 мая 1933 г. были все же распущены, месяцем позже была запрещена и СДПГ, многие ее функционеры попали в концлагеря или даже были убиты. Буржуазные партии предпочли распуститься «добровольно». Летом 1933 г. в Германии осталась только одна партия Адольфа Гитлера. Была окончательно и незаконно ликвидирована самостоятельность земель, во главе которых вместо прежних премьер-министров были поставлены имперские наместники, подчиненные канцлеру.

Унификация состояла не только в устранении конкурентов, но и в овладении всеми органами государственной власти. Двумя важными опорами государства являлись бюрократия и армия. По «Закону о восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 г. неугодные власти либеральные и демократические чиновники, прежде всего евреи, были уволены и заменены членами партии. С рейхсвером дело обстояло сложнее. Кроме некоторых молодых офицеров, армия не испытывала никаких симпатий к Гитлеру и его партии. Она была настроена скептически и даже враждебно, поскольку плебейско-пролетарская, разнузданная манера нацистов отталкивала большинство консервативных офицеров. Особенно претили им штурмовые отряды, которые

все громче требовали второй революции против капиталистов и консервативного административного аппарата, а также претендовали на то, чтобы из партийной превратиться в регулярную армию, растворив в себе прежний рейхсвер, что было в глазах генералитета наглой дерзостью.

Впрочем, штурмовиками уже тяготился и сам Гитлер, который здраво полагал, что в качестве инструмента власти армия гораздо полезнее и важнее, чем буйная и непредсказуемая орава штурмовиков, численность которых перевалила за миллион человек. Кроме того, фюрера начали беспокоить неумное честолюбие и революционно-трескучие тирады командира штурмовых отрядов Эрнста Рема, его старого сподвижника. Поэтому 30 июня 1934 г. в Германии была проведена «ночь длинных ножей», в течение которой были расстреляны почти все командиры СА, а также некоторые давние недруги Гитлера, в том числе его прежний соперник Грегор Штрассер, личный секретарь вице-канцлера Палена Эдгар Юлиус Юнг, руководитель оппозиционной Католической акции в Берлине Эрих Клаузенер. В ходе расправы были убиты также бывший канцлер Шлейхер и его сотрудник, генерал Курт фон Бредов, на что командование рейхсвера отреагировало с олимпийским спокойствием, поскольку вопрос о руководстве армией был решен в его пользу. Что же касается президента, то Гинденбург только ворчливо заметил, что всю эту «банду гомосексуалистов следовало давно ликвидировать».

Но речь шла не только о том, чтобы овладеть органами государственной власти. Тоталитарный ре-

жим прочен тогда, когда он владеет умами и сердцами людей. Либеральные, демократические, социалистические деятели подвергались преследованиям, оказывались в концлагерях или были вынуждены эмигрировать. Их книги публично сжигались, их картины и музыка клеймились как «негерманские и выродившиеся», а с сентября 1933 г. всей культурной жизнью в рейхе руководил министр пропаганды и просвещения Йозеф Геббельс (1897-1945), создавший для этого особую «Имперскую палату культуры», в которой были обязаны состоять все лица творческих профессий.

Из университетов было уволено около 15% неугодных профессоров и доцентов, отчасти по политическим, но в основном по расовым причинам. Одни ушли на пенсию, другие эмигрировали. Но большинство их коллег поспешили заявить о своей поддержке новых властителей. Подобное произошло и с церковью. В евангелистской церкви возникло движение «немецких христиан», которое резонно прозвали «штурмовые отряды Христа». В противовес ему в мае 1934 г. оформилась «исповедальная церковь», которая резко полемизировала с нацистской идеологией, несмотря на притеснения и даже аресты ее членов. В католической церкви многие ее служители проявляли симпатии к новому режиму, особенно после заключения в июле 1933 г. конкордата с Ватиканом. Но и здесь нарастала оппозиция нацизму, достигшая пика в 1937 г., когда вышла папская энциклика «Со жгучей тревогой», осторожно осудившая бесчеловечные методы правления Гитлера. Протестуя против расовой доктрины нацизма, мюнхенский кардинал

Михаэль Фауленхабер имел смелость заявить, что «все мы - семиты по духу».

В тех случаях, когда человека не удавалось подчинить и развратить духовно, за дело принималась машина террора, руководимая рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером (1900-45). Разветвленный аппарат СС включал в себя и Главное управление имперской безопасности (РСХА), куда входила зловещая тайная государственная полиция (гестапо). В ведении СС находились концлагеря и Главное управление по вопросам расы и поселения, проводившее в жизнь расовую концепцию Гитлера.

Согласно этой доктрине, арийцам, воплощающим все добродетели, противопоставлялась группа, которая просто в силу принадлежности к определенной расе не могла не быть рассадником зла и мерзости. По многовековой европейской традиции такой сатанинской расой считались, разумеется, евреи. Хотя тщательно разработанного плана их преследования не было, но это всегда относилось к главным идеологическим целям нацизма. Террор и пропагандистские акции «снизу», от инсценированного Геббельсом бойкота еврейских магазинов 1 апреля 1933 г. до Хрустальной ночи 9 ноября 1938 г., когда по всей Германии прокатился массовый погром, чередовались с государственно-правовыми мерами «сверху». Вслед за законом о чиновниках, принятом в мае 1935 г., последовал закон, отказывавший евреям в «почетном долге» службы в армии. Окончательно евреи были превращены в людей низшего сорта по Нюрнбергским законам 15 сентября 1935 г., согласно которым политические права и возможность

занимать государственные должности предоставлялись в зависимости от доказательства арийского происхождения, евреи выводились из сферы действия Гражданского кодекса, запрещались их браки с неевреями. Нюрнбергские законы, поправшие все нормы правового государства, стали юридической основой дискриминации и преследования немецких евреев, численность которых составляла свыше полумиллиона человек.

Террор и насилие были одной стороной режима, обольщение и развращение - другой. Не было ни одной социальной группы, которую бы не поддерживал и не подкармливал национал-социализм. На рабочих сильное воздействие оказали широко рекламируемые меры по созданию новых рабочих мест, например при строительстве стратегических автобанов, быстрое снижение безработицы, повышение мер социальной защиты на предприятиях, различные льготы, предоставляемые им организацией «Крафтдурх фрейде» («Сила через радость»), которая занималась организацией досуга и дешевых туристических поездок.

Ремесленники и мелкие торговцы выиграли от повышения налогов на ненавистные им универмаги и от ужесточения требований при создании новых ремесленных мастерских. Крестьяне были довольны введением аграрных покровительственных пошлин и повышением цен на сельскохозяйственную продукцию: Промышленников радовали запрещение профсоюзов и создание вместо них единого Германского трудового фронта, отмена тарифных договоров и рост государственных заказов, прежде всего в во-

енном производстве. Словом, в каком-нибудь отношении каждый член «народного сообщества» что-то да получил от нового режима.

Этим и объясняется успех нацизма внутри страны. В отличие от демократии диктатура воздействовала на чувства и эмоции. Многие немцы, даже в принципе отклоняя национал-социализм, тем не менее считали, что он привнес в серую и холодную повседневность драматизм и страсть. Нацизм казался романтически-эмоциональным протестом против бездушной рационализации человеческого бытия. Большую роль играло при этом обращение к традициям. Показательным в этом отношении был состоявшийся 21 апреля 1933 г. День Потсдама, когда Гитлер и Гинденбург обменялись символическим рукопожатием над гробницей Фридриха Великого, что должно было означать союз между старой Пруссией и молодым национал-социализмом. В технике манипулирования массами нацистский режим достиг вершин виртуозности. Превосходно организованные Олимпийские игры 1936 г. в Берлине, ежегодно проводимые грандиозные партийные съезды и парады в Нюрнберге и многое другое пробуждали в людях чувства величия нации и гордости за свою принадлежность к ней.

Национал-социализм отличался двойственностью, предельный модернизм сочетался с глубочайшим архаизмом. С одной стороны, современные автобаны, мерседесы и фольксвагены, самые дешевые в мире радиоприемники, первый в мире реактивный самолет, с другой - древнегерманская мифология, орденские бурги СС, языческие праздники солнцево-

рота. Современнейшая техника и культ мракобесия слились воедино.

Бесспорной поддержке Гитлера большинством населения способствовало и то, что в отличие от своих демократических предшественников он шагал от одного внешнеполитического успеха к другому. При этом население и не ведало, что за этой активностью фюрера скрывается замысел новой большой войны за мировое господство. Уже через четыре дня после своего назначения новый канцлер совершенно откровенно заявил командованию рейхсвера, что предстоит «завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». Но западным странам Гитлер тактически умело дал понять, что Германия стремится к взаимопониманию и сотрудничеству, хотя уже тогда он думал только о войне

Плебисцит в Сааре 13 января 1935 г., которым от имени Лиги Наций управляла Франция, значительно укрепил авторитет Гитлера: за возвращение в лоно Германии пропелсовало 90,8% населения Саарской области. 18 июня того же года рейх заключил морское соглашение с Англией, по которому соотношение немецкого и британского военных флотов, кроме подводных лодок, устанавливалось как 35:100. Соглашение показало, что западные державы готовы пойти на уступки, несмотря на то, что еще 16 марта Гитлер в нарушение Версальского договора заявил о введении всеобщей воинской повинности и принятии программы перевооружения армии. 7 марта 1936 г. немецкие войска вошли в демилитаризованную Рейнскую зону, на что Англия и Франция отреа-

гировали вялыми нотами протеста. В том же году была создана «ось» Берлин-Рим и заключен «Антикоминтерновский пакт» с Японией.

Но не удалось добиться сближения с Англией, к чему стремился Гитлер, поскольку Великобритания восприняла японо-германский пакт как угрозу своим интересам на Дальнем Востоке. Охлаждению в англо-германских отношениях способствовало и вмешательство Берлина в гражданскую войну в Испании на стороне Франко, где люфтваффе (воздушные силы) Германа Геринга опробовали свою готовность к большой войне. Вместе с тем в Германии с удовлетворением отметили, что Англия не желает ввязываться в континентальные конфликты. Это дало Гитлеру основания полагать, что при его дальнейших шагах у него будет свобода действий.

С 1936 г. приготовления к войне шли полным ходом. Разработанный четырехлетний план был рассчитан на то, чтобы подготовить немецкую экономику и армию к ведению новой войны. Но выступление Гитлера перед руководителями рейха и вермахта 5 ноября 1937 г., в котором речь шла о планах экспансии на Восток, вызвало возражения. Министр иностранных дел Константин фон Нейрат указал на большой внешнеполитический риск, командующий армией Вернер фон Фрич сомневался в экономической и военной способности Германии вести большую войну. Годом спустя оба критика были заменены более покладистыми людьми.

12 марта 1938 г. вермахт вошел в Австрию, после того как Гитлер убедился, что Англия и Италия вмешиваться не станут. Аншлюс Австрии вызвал нео-

писуемое ликование немецкого и большинства австрийского населения. Великая Германия, о которой мечтали как либералы франкфуртского парламента в 1848 г., так и социал-демократы веймарского Национального собрания в 1919 г., стала реальностью.

Столь триумфальный успех показал Гитлеру, что с западными державами можно не церемониться. 28 марта он принял решение аннексировать и Чехословакию. Вермахт получил приказ о подготовке удара по этой стране, намеченного на 1 октября 1938 г. Встревоженные и напуганные Англия и Франция предпочли компромисс, чтобы избежать войны. На Мюнхенской конференции 29 сентября Германия получила согласие Англии, Франции и Италии на присоединение населенной в основном немцами Судетской области. На следующий день британский премьер-министр Невилл Чемберлен и Гитлер подписали договор о ненападении, который усилил веру Запада в то, что с фюрером можно договориться.

Но Гитлер думал о другом. Уже в то время, когда он рассуждал с Чемберленом о мире и дружбе, началась разработка плана создания сильного флота, нацеленного на Британию. 15 марта 1939 г. германские войска заняли всю Чехию, а Словакия стала марионеточным государством. Это показало, что соглашения между западными демократиями и германским диктатором ничего не значат. Лишь теперь британский кабинет собрался с силами, чтобы принять ответные меры: вместе с Францией гарантировал защиту Польше и попытался заключить союз с Москвой. Но Гитлер опередил Чемберле-

на. 23 августа 1939 г. в Кремле был подписан советско-германский пакт о ненападении, а по секретному дополнительному соглашению оба диктатора поделили Восточную Европу на сферы влияния, граница между которыми проходила посередине польской территории, по Висле.

АПОКАЛИПСИС XX ВЕКА

На рассвете 1 сентября 1939 г. вермахт взломал польскую границу и развернул широкое наступление. Через 17 дней с Востока в Польшу вошла Красная Армия. В отличие от 1914 г. настроение немцев, даже нацистских депутатов рейхстага было подавленным, ибо на этот раз фюреру не удалось, как прежде, избежать войны и решить проблему мирным путем: Вопреки ожиданиям Гитлера, западные державы не отступили, а объявили Германии войну.

Победа над Польшей, которой способствовала и Красная Армия, была одержана через пять недель.

В разделенной стране западнее Буга хозяйничали СС и гестапо, восточное - органы НКВД. Гитлер же теперь повернул вермахт на Запад. Чтобы опередить Англию и Францию, обезопасить северный фланг и получить выход к Атлантике, немецкие войска

9 апреля 1940 г. захватили Данию и Норвегию.

10 мая вермахт нанес мощный удар по Бельгии, Нидерландам и Франции. Неожиданно для военных, в том числе и немецких, специалистов западный поход превратился в победоносное шествие германской армии и триумф самого Гитлера, достигшего

зенита славы. 14 июня без боя был сдан Париж, а 22 июня в Компьенском лесу, в том самом салон-вагоне, в котором немецкая делегация подписывала в ноябре 1918 г. перемирие, теперь свои условия диктовала нацистская Германия.

Следующей целью являлась Англия. Гитлер все еще надеялся заключить с ней соглашение и весьма неохотно отдал в августе приказ о начале массированных бомбардировок британской территории. Но воздушная битва за Англию протекала для немецких люфтваффе гораздо менее успешно, чем обещал фюреру их командующий Геринг, который хвастливо заявил, что его асы через несколько недель поставят Англию на колени и заставят ее капитулировать.

Но главной целью Гитлера оставалась Россия. Поскольку Британия, премьером которой стал негибимый Черчилль, и не думала сдаваться, фюрер изменил свои стратегические планы. Он заявил, что сперва следует разгромить Россию, выбить из рук Лондона «континентальную шпагу», чтобы принудить его к заключению мира. Это была та же самая роковая ошибка, которую в 1812 г. совершил Наполеон.

12 ноября 1940 г. в Берлин прибыл советский нарком иностранных дел В.М. Молотов, чтобы обсудить вопрос о дальнейших территориальных притязаниях Кремля - от Финляндии до Бессарабии. Переговоры закончились безрезультатно, но укрепили Гитлера в намерении опередить Сталина и первому нанести удар. 18 декабря 1940 г. началась разработка плана «Барбаросса» о нападении на Советский Союз. Гитлер считал, что в 1942 г. в войну вступят США, и стремился к этому времени победно

закончить все операции в Европе, создать огромный рейх, обезопасить его укреплениями по линии Архангельск - Астрахань, на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, а затем обрушиться на США. Особая роль в этом плане отводилась Японии, причем расовые предубеждения в этом случае отходили на задний план по сравнению со стратегическими соображениями.

Война против Советского Союза началась 22 июня 1941 г. По вине Сталина Красная Армия была застигнута врасплох, почти вся ее авиация уничтожена на аэродромах, в плен уже к началу июля попало полмиллиона советских солдат. Первоначальный успех настолько укрепил уверенность немецкого командования и Гитлера в скорой победе, что военная промышленность рейха была переориентирована с производства для сухопутных войск на обеспечение флота, чтобы подготовиться к грядущей войне с англо-американцами. Но в декабре 1941 г. немецкое наступление на Востоке остановилось. В начале месяца последовал мощный контрудар советских армий под Москвой. Замерзающий и выдохшийся вермахт перешел к обороне по всему фронту. Стратегический план Гитлера снова был перечеркнут.

11 декабря 1941 г., через несколько дней после нападения японцев на главную американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе на Гавайских островах, Гитлер объявил США войну, в которой еще не было никакой необходимости. Но этим шагом фюрер стремился еще больше привязать к себе Японию и не допустить ее перемирия с американцами. Тем более что в первой половине 1942 г. надежды на близкую

победу в России возросли. Немецкие армии на Украине и в Северной Африке неудержимо шли вперед, а японцы тем временем заняли Сингапур и вырвались на просторы Тихого океана. Летом 1942 г. вермахт достиг берегов Волги и предгорий Кавказа, над Эльбрусом развеялся флаг со свастикой, а африканский корпус «лиса пустыни» Эрвина Роммеля приближался к Александрии. В Атлантическом океане сотни англо-американских судов шли на дно, пораженные торпедами немецких подводных лодок. Германия достигла зенита своего могущества.

В оккупированной Европе был установлен «новый порядок». В ее западной части немецкое господство было еще не столь жестким, хотя и там гестапо и СС развернули настоящую охоту на евреев, цыган и участников Сопротивления. Но на Востоке война приобрела истребительный характер. В Польше расовая доктрина начала осуществляться на практике. Миллионы евреев были депортированы в гетто, чтобы освободить место для немецких переселенцев из стран Восточной Европы. В России, в тылу вермахта, особые «айнзатцгруппы» службы безопасности (СД) не только расстреливали без суда и следствия комиссаров и коммунистов, но и приступили к систематическому уничтожению евреев. Только за два дня, 29-30 сентября 1941 г., в киевском Бабьем Яре огнем пулеметов было скошено более 30 тыс. человек. Военнопленные содержались в лагерях в таких бесчеловечных условиях, что у них не оставалось шансов на выживание. Из 5,7 млн. советских военнопленных погибло более половины - 3,3 млн., причем почти 2 млн. из них - до февраля 1942 г.

В период до 1944 г. население Германии не испытывало больших лишений, как это было во время Первой мировой войны, поскольку для его снабжения товары и продовольствие безжалостно выкачивались из оккупированных стран.

Однако главным врагом в глазах Гитлера оставались евреи. Еще 30 января 1939 г., выступая в рейхстаге, он заявил, что результатом грядущей войны будет «полное уничтожение еврейской расы в Европе». Война Гитлера была не борьбой за господство, к которой издавна привыкла Европа. Это была расовая война. По мнению фюрера, западные демократии и Веймарская республика пали жертвой «тлетворного» еврейского влияния, а Советская Россия является первым полностью захваченным евреями государством и очагом заражения всего остального мира.

Поэтому для руководства Германии главной целью во Второй мировой войне была не ревизия Версаля, как считали многие консервативные сторонники Гитлера. Речь шла не о господстве в классическом смысле европейской внешней политики, не о захвате экономического пространства, не о снятии внутреннего напряжения путем войны. Ни одна из внешнеполитических причин, до сих пор известных в истории Европы, не подходила к действиям нацистской Германии во Второй мировой войне. Говоря словами Гитлера, эта война - «начало финальной борьбы против еврейско-большевистского заклятого врага» на гигантском евроазиатском пространстве.

Все, что происходило до июня 1941 г., было только подготовительной стадией. Нападение на Польшу должно было расчистить вермахту путь для дальней-

шего похода за «жизненным пространством». Победа над Францией и стремление договориться с Англией обеспечивали Германии безопасный тыл. А с нападением на Россию началось осуществление главной цели нацизма - планомерное и безжалостное истребление евреев в интересах установления немецкого мирового господства.

Опыт массовых убийств уже имелся. С октября 1939 г. осуществлялась программа эвтаназии, в ходе которой 80 тыс. душевнобольных людей были уничтожены. Теперь расстрелы, умерщвление газом или инъекциями распространились на евреев. Вероятно, летом 1941 г. Гитлер распорядился приступить к «окончательному решению» еврейского вопроса. Но когда это произошло точно, сказать трудно, ибо фюрер предпочитал отдавать такого рода приказы устно.

После полугода административно-технической подготовки руководители занятых в этой операции ведомств 20 января 1942 г. собрались на вилле на берегу берлинского озера Ваннзее, чтобы обсудить последние организационные детали холокоста, т.е. тотального истребления евреев. Шеф РСХА Рейнхард Гейдрих представил общий план депортации евреев со всей Европы в лагерь уничтожения на территории Польши - Хелмно, Трешлинка, Собибор, Майданек, Бельзек и Аушвиц (Освенцим). Непосредственным руководителем окончательного решения» был назначен обер-штумбаннфюрер СС Адольф Эйхман, казненный в Иерусалиме в 1962 г.

Организация этого беспримерного в истории массового геноцида после протестов католической

церкви против эвтаназии держалась теперь в секрете. Но холокост, унесший жизни шести миллионов евреев, был бы невозможен без прямого или косвенного участия тысяч немцев. Если и оставались неизвестными истинные масштабы геноцида, то о самом факте уничтожения евреев население Германии знало. Депортации проводились на глазах у всех, сотни тысяч фронтовиков, приезжая в отпуск из России, рассказывали о происходивших там массовых расстрелах.

К началу 1943 г. характер войны изменился. Германия теперь была вынуждена перейти к обороне. Капитуляция 6-й армии в Сталинграде означала, что на победу уже не приходится рассчитывать, с этого времени одно поражение следовало за другим. Союзники Третьего рейха начали искать пути выхода из войны, а то и переходили на сторону противника. Это заставляло Германию оккупировать новые территории, как случилось в сентябре 1943 г. с Италией, а в марте 1944 г. - с Венгрией.

Ухудшилось положение и внутри самого рейха. С 1942 г. британская авиация начала ковровые бомбежки немецких городов и промышленных предприятий, а годом спустя англо-американцы полностью господствовали в небе над Германией. После разрушения Ростка в апреле 1942 г. пропаганда Геббельса заговорила о «террористических налетах», что было недалеко от истины. Союзная авиация уничтожала в основном не военный потенциал Германии, а жилые кварталы, чтобы подорвать дух населения. В целом сделать этого не удалось, но материальный ущерб был огромным. Погибло более полумиллиона

гражданских лиц, было разрушено около 4 млн. домов, началась массовая эвакуация населения из крупных городов в сельскую местность. Соборы, замки, исторические центры старых городов превращались в охваченные пламенем руины, погибла значительная часть немецкого культурного наследия, облик страны менялся на глазах.

Каковы же были намерения союзников? В то время как сотни бомбардировщиков стирали с лица земли немецкие города, а с востока неудержимо надвигалась Красная Армия, «большая тройка» - Сталин, Рузвельт и Черчилль выработывали на конференциях в Тегеране и Ялте концепцию послевоенного устройства Германии и Европы. Они стремились к тому, чтобы, говоря словами Черчилля, «воспрепятствовать Германии, а прежде всего Пруссии, напасть на нас в третий раз». На Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. было решено передвинуть западную границу Польши на Одер, а ее восточные земли, населенные белорусами и украинцами, передать Советскому Союзу, как и северную часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом. Ялтинская конференция в феврале 1945 г. приняла решение разделить Германию и Австрию на оккупационные зоны. Подобно Германии, Восточная и Центральная Европа практически была поделена на сферы влияния. Таким образом, конец войны должен был означать и конец старой Европы, которой отныне была уготована роль буферной зоны между глобальными державами - США и СССР.

Отношения между союзниками никогда не были безоблачными, но германская опасность за-

ставляла западных лидеров уступать советскому диктатору, ибо его армия играла решающую роль в разгроме нацизма.

В самой Германии террор возрастал в той же мере, в какой учащались поражения на фронтах. Чтобы преодолеть упадок духа населения после катастрофы на Волге, Геббельс в речи 18 февраля 1943 г. попытался подогреть фанатизм немецкого народа, призвав к «тотальной войне». С введением в армии должности «офицера-воспитателя», скопированной с политруков Красной Армии, вермахт оказался под контролем нацистской партии. Когда же гауляйтеры были назначены имперскими комиссарами обороны, то их распоряжениям должны были подчиняться и армейские генералы. В октябре 1944 г. тотальная война привела к формированию «фольксштурма», народного ополчения, куда призывались все способные носить оружие мужчины в возрасте от 16 до 60 лет, что само по себе уже было актом отчаяния.

Опасность угрожала режиму Гитлера не только извне, но и изнутри. Конечно, в условиях жестокого террора и лояльности населения ни о каком сильном Сопротивлении не могло быть и речи. О немецком Сопротивлении трудно судить однозначно еще и потому, что грани между личным нонконформизмом, оппозиционными взглядами и активным противодействием оставались расплывчатыми.

Решительную борьбу против нацизма вели прежде всего коммунисты. Видную роль среди подпольных групп играла «Красная капелла» во главе с правительственным советником Арндтом Харнаком и обер-лейтенантом Харро Шульце-Бойзенем, каз-

ненными в августе 1942 г. после раскрытия гестапо их организации.

Однако природа тоталитарных режимов такова, что с ними может бороться не простое население, а люди из самого аппарата власти. Оппозиционно настроенные, придерживающиеся консервативной государственной этики и христианской морали видные чиновники и военные сплотились вокруг бывшего лейпцигского бургомистра Карла Гёрделера, дипломата Ульриха фон Хасселя и бывшего командующего сухопутными войсками Людвига Бека. Они придерживались традиции бисмарковского государства, а не веймарской демократии. Поэтому для западных держав они являлись не очень подходящими партнерами. Но это была единственная в Германии группа, которая все же могла рассчитывать на успех. Однако покушение на Гитлера, совершенное 20 июля 1944 г., не удалось. По случайному стечению обстоятельств фюрер отделался легким ранением, когда в его восточнопрусской ставке «Вольфшанце» взорвалась бомба, подложенная полковником Клаусом фон Штауффенбергом. В Берлине нерешительные заговорщики не захватили ключевых позиций в аппарате власти прежде, чем в столицу пришло известие о том, что Гитлер жив. Заговор мгновенно провалился, а последовавшая расправа над его участниками была крайне жестокой. Казнили не только 158 заговорщиков, но и их родственников, которые не имели к заговору никакого отношения. По акции «Гроза» в августе было арестовано и брошено в концлагеря около 500 бывших видных политиков Веймарской республики.

К моменту неудавшегося заговора англо-американские войска уже высадились 6 июня 1944 г. в Нормандии и открыли второй фронт в Европе, если не считать итальянского театра боевых действий, открытого в 1943 г. Война на нескольких направлениях превышала возможности и ресурсы Германии, поражение которой стало только вопросом времени. Но Гитлер упорно продолжал безнадежную борьбу, невзирая на то, что она может привести к полному уничтожению Германии. По его безумной логике, если немецкий народ не в состоянии одержать победу, то он является слабым и обречен на гибель. В то время когда на западе союзники приближались к Рейну, а на востоке, от Прибалтики до Карпат, Красная Армия перемалывала обескровленные немецкие дивизии и вышла к границам рейха, Гитлер и его палadini начали войну против собственного народа под лозунгом «Мы оставим американцам, англичанам и русским только пустыню». Но министру вооружений, технократу Альберту Шпееру (1905-81) удалось отговорить ряд бургомистров и генералов от выполнения этого драконовского приказа «Нерон». Поэтому вступление союзных войск в Германию стало освобождением не только для миллионов узников концлагерей и угнанных в рейх рабочих, но и для самого немецкого народа, обреченного Гитлером на гибель, хотя, разумеется, большинство немцев воспринимало это тогда совершенно иначе. Прежде всего потому, что подписанная 8 мая 1945 г. безоговорочная капитуляция германских вооруженных сил одновременно являлась и крахом немецкого национального

государства, будущее которого оставалась совершенно неясной.

До сих пор данные о людских потерях Германии за годы войны очень различны и колеблются от 5 до 10 млн. человек. Как ни ужасны эти показатели, они все-таки меньше данных о жертвах, понесенных ее противниками. Только в Польше погибло около 6 млн., Советский Союз по новейшим исследованиям потерял до 30 млн. человек. Всего же во Второй мировой войне погибло 50-60 млн. человек.

КТО РАСКОЛОЛ ГЕРМАНИЮ?

После войны большинство немецких городов лежало в руинах. В Кёльне было разрушено две трети жилого фонда, в Дортмунде, Дуйсбурге, Касселе - более 60%, в Киле - 58, в Гамбурге - 55%. Всего за два налета, 14 и 15 февраля 1945 г., был стерт с лица земли почти весь Дрезден, где погибло более 35 тыс. жителей.

Люди ютились в подвалах, бараках и развалинах, страну охватил голод, потребление продуктов питания составляло от одной до двух третей необходимого минимума. Это приводило как к вспышкам эпидемий, так и к разгулу преступности, поскольку в обстановке хаоса и стремления выжить граница между дозволенным и недозволенным почти исчезла.

Положение осложнялось и огромным притоком беженцев, а затем - изгнанных из Польши, Венгрии и Чехии этнических немцев. Их число превысило 12 млн. человек, не считая 2 млн. погибших во время

этого беспримерного исхода женщин, детей, стариков. К материальным лишениям добавлялась и моральная опустошенность, вызванная страшным прошлым и беспросветным будущим. Большая часть населения была озабочена прежде всего проблемой выживания и не думала о том - существует ли еще немецкое государство? Этот политический вакуум закончился 5 июня 1945 г., когда четыре оккупационные державы в «Берлинской декларации» заявили, что верховная власть в Германии принадлежит их представителям и исполняется ими совместно. Состоявший из командующих оккупационными зонами союзный Контрольный совет управлял Германией в целом, но в каждой из зон власти проводили свою политику, как и в четырех секторах Берлина, имевшего особый статус.

Детали послевоенного устройства Германии обсудила Потсдамская конференция «большой тройки» в июле-августе 1945 г. Правда, в замке Цецилиенхоф место скончавшегося в апреле Рузвельта занимал Гарри Трумэн, а уже в ходе конференции Черчилля сменил победивший на выборах лидер лейбористов Клемент Эттли. Участники конференции договорились о проведении в Германии согласованной политики четырех «Д» - демилитаризация, денацификация, демократизация, декартелизация при сохранении экономического единства в стране. Но поскольку победители получали репарации из своих зон, то с самого начала это единство стало разрушаться. Да и понятие «демократизация» носило различный смысл для западных стран и СССР, что привело впоследствии к совершенно разным интерпретациям

Потсдамских соглашений в соответствии с интересами той или иной стороны.

20 ноября 1945 г. в Нюрнберге Международный военный трибунал начал процесс над главными немецкими военными преступниками. Если юридическая основа этого процесса являлась по меньшей мере уязвимой, то все же ни у кого, кроме закоренелых нацистов, не было сомнения в том, что за все злодеяния нацистского режима должны ответить его руководители, хотя покончившие самоубийством Гитлер, Геббельс и Гиммлер вынесли себе приговор сами. В принципе для осуждения лидеров нацизма хватило бы и германского уголовного кодекса. Хотя вина подсудимых была однозначно доказана, все же это был суд победители, которые, как известно, всегда правы. Если бы преступников судили сами немцы, то не было бы никакой почвы для встречающихся до сих пор рассуждений о правовой сомнительности и даже несправедливости Нюрнбергского процесса.

Денацификация, охватившая всех взрослых немцев и немок, в каждой из зон имела свои особенности. Наиболее основательно, и в то же время формально провели ее американцы. В их зоне 13 млн. людей были обязаны заполнить анкету из 131 вопроса, что породило многочисленные ошибки. А комиссии по денацификации, заваленные этими анкетами, откладывали более сложные и тяжкие случаи на будущее, а пока занимались самыми легкими делами. В итоге мелкие нацисты были наказаны, а крупные - спокойно дождались того времени, когда в обстановке начавшейся «холодной войны» денацификация прекратилась.

В советской зоне чистка проводилась гораздо глубже. К 1947 г. из органов государственной службы было уволено более 500 тыс. бывших членов нацистской партии, многих из них судили и приговорили к суровым наказаниям вплоть до смертной казни. Правда, еще одной целью этих чисток было стремление поставить коммунистов на важные посты в органах управления, прежде всего в полиции и юстиции.

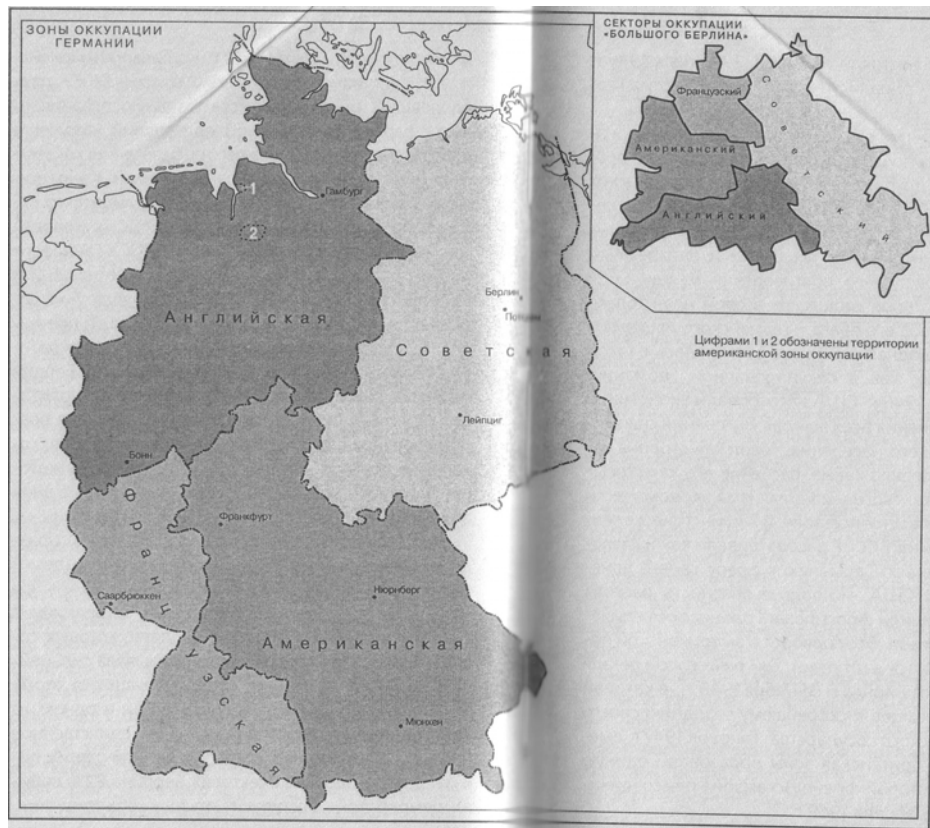
Довольно бессистемная в целом денацификация оказала немцам медвежью услугу и скорее затруднила их вращение в демократию, ибо десятки тысяч людей считали, что были наказаны несправедливо.

Нечто подобное происходило при взимании репараций и демонтаже в их счет промышленных предприятий, что воспринималось отчаявшимся населением как ликвидация рабочих мест период тяжелой экономической ситуации.

К 1946 г. в Германии вновь оживилась политическая жизнь, активную роль в возрождении которой играли бывшие видные веймарские политики. В Ганновере под руководством пробывшего 10 лет в концлагерях Курта Шумахера (1895-1952) была воссоздана СДПГ, которая благодаря харизме и воле своего лидера быстро стала единой партией трех западных зон. Поскольку Шумахер не без оснований считал руководство КПП фактическим соучастником прихода Гитлера к власти, то он категорически отказался сотрудничать с коммунистами. На базе прежних либеральных партий возникла Свободная демократическая партия (СвДП) во главе с Теодором Хейсом (1884-1963), ставшим потом первым президентом ФРГ. Совершенно новой партией явился Христианско-

демократический союз (ХДС) с его баварским филиалом - Христианско-социальным союзом (ХСС), преодолевший былую конфессиональную ограниченность партии Центра и объединивший католиков и протестантов. ХДС возник на базе рейнско-вестфальской организации, возглавляемой Конрадом Аденауэром (1876-1967). Правда, его лидерство оспаривала берлинская организация ХДС, руководимая Якобом Кайзером. Правление СДПГ в Ганновере также находилось в очень напряженных отношениях с берлинской организацией Отто Гротевоя. А на ведущую роль среди либералов, кроме СвДП, претендовала восточногерманская Либерально-демократическая партия. Это было связано как с тем, что Берлин оставался символом всей Германии, так и с политикой советских оккупационных властей, раньше всех разрешивших политические партии в своей зоне, конечно, особенно поощряя КПГ, руководитель которой Вальтер Ульбрихт (1893-1973) за несколько дней до окончания войны прибыл из Москвы в Берлин.

Но Сталин быстро убедился, что КПГ растет гораздо медленнее, чем СДПГ и даже буржуазно-демократические партии, и изменил свой курс. С октября 1945 г. коммунисты стали требовать объединения с социал-демократами, на руководство которых советская военная администрация оказывала сильнейшее давление, а многие сопротивлявшиеся этому функционеры СДПГ бесследно исчезли в одном из 10 спецлагерей советской зоны. Хотя единственное пробное голосование о создании единой партии показало, что в западных секторах Берлина 82% социал-демократов выступают против объединения,

Германия в 1946 г.

Москва и КПГ настояли на своем. 29 апреля 1946 г. была создана Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), кадровая партия ленинского типа.

Расхождения между советской и западными зонами наметились по целому ряду вопросов. Обе стороны обвиняли друг друга в нарушении Потсдамских соглашений. Это была бессмысленная полемика, поскольку различное развитие восточной и западных зон было единственным решением и неизбежным следствием растущего противоречия между СССР и Западом, которое отошло на второй план только перед лицом общего врага - германского нацизма.

Нигде «холодная война» не проявлялась с такой отчетливостью, как в оккупированной Германии. Когда в июле 1946 г. США потребовали экономического объединения всех зон для улучшения снабжения голодающего населения, советская сторона отклонила это предложение, расценив его как стремление американского империализма экономически закрепиться в восточной зоне. В Вашингтоне же германскую политику СССР рассматривали как намерение включить всю Германию в сферу своего влияния. Поэтому США, игнорируя опасность раскола Германии, решили форсировать процесс объединения западных зон. Этот поворот в американской политике отразился в штутгартской речи госсекретаря США Джеймса Бирнса 6 сентября 1946 г., в которой он призвал немцев к скорейшему созданию своего демократического государства. 1 января 1947 г. американская и британская зоны образовали единую Бизонию, к которой французская зона присоединилась только 8 апреля 1949 г.

Чтобы остановить уже наметившийся раскол, правительство Баварии 6 июня 1947 г. пригласило в Мюнхен премьер-министров всех земель. Прибывшие с опозданием премьеры из советской зоны узнали, что повестка дня уже принята. Поскольку их предложения об изменениях были приняты лишь частично, они покинули Мюнхен еще до начала заседаний. Причина краха этой попытки воспрепятствовать расколу состояла в том, что руководители западных земель имели полномочия обсуждать лишь экономические проблемы, а их восточные коллеги получили строгое указание Ульбрихта поставить вопрос о создании единого государства, а в случае отказа - немедленно покинуть Мюнхен.

Но это были проблемы большой политики. Простых немцев волновали иные заботы. Поскольку продуктов и товаров крайне не хватало, а в обороте находилась огромная масса обесценившихся денег, то возник бурно растущий черный рынок, самой надежной валютой на котором стали американские сигареты. У кого их не было, тому оставалось надеяться на продуктовые пакеты американских благотворительных организаций, которые с 1946 г. широким потоком шли в Германию и спасли от голодной смерти сотни тысяч людей.

Американское руководство беспокоила экономическая разруха, охватившая почти всю Европу. Оно опасалось, что в этих труднейших условиях массы повернут к коммунистам. Поэтому новый госсекретарь Джордж Маршалл 5 июня 1947 г. предложил всем европейским странам программу помощи в виде кредитов, продовольствия и сырья, которую

тотчас резко отвергли Советский Союз и страны, находившиеся под его контролем. Но для Западной Европы план Маршалла стал спасательным кругом, брошенным в самый нужный момент. Для западных зон Германии его принятие означало необходимость проведения денежной реформы. Она была осуществлена 20 июня 1948 г. Все немцы могли обменять 40 старых рейхсмарок на новые немецкие марки по курсу 1:1. Однако существенный ущерб понесли мелкие вкладчики, так как для них обмен производился из расчета 6,5 новых марок за 100 старых. А в выигрыше остались владельцы недвижимости и предприятий, ибо их стоимость осталась прежней.

На другой день директор бizonaльного Экономического совета Людвиг Эрхард (1897-1977) объявил об отмене контроля за ценами и административного распределения товаров. Когда раздраженный американский военный губернатор Льюис Клей потребовал от Эрхарда объяснений, как осмелился он самовольно изменить распоряжения союзников, тот ответил, что он не изменял этих распоряжений, а просто отменил их. После реформы сразу исчез черный рынок, витрины магазинов были завалены ранее припрятанными товарами, о которых немцы уже давно забыли, а деньги опять стали ценностью. Но реформа подтвердила, что раскол стал не только политической, но и экономической реальностью. В восточной зоне была введена своя марка, которая должна была иметь хождение и в Западном Берлине. Однако западные державы включили свои секторы в сферу обращения немецкой марки, а Сталин

ответил на это установлением 24 июня 1948 г. тотальной блокады Западного Берлина.

По словам британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина, «сдача Берлина означала бы потерю Западной Европы». Поэтому в ответ на блокаду был установлен невиданный воздушный мост для снабжения западноберлинского населения, проявившего стойкое мужество в нежелании попасть под власть коммунистов. Мост действовал 11 месяцев, за которые было совершено 195 тыс. вылетов, а город получил 1,5 млн. т продовольствия, угля и других материалов. Каждые две-три минуты на западноберлинских аэродромах приземлялись транспортные самолеты. Установлением блокады СССР надеялся предотвратить включение Бизоний и Западного Берлина в западную систему, фактически же блокада только ускорила этот процесс. Убедившись в том, что союзники и не собираются покидать Берлин, Сталин 12 мая 1949 г. приказал снять блокаду.

В это время завершился и политический раскол немецкой столицы. Свободно избранный берлинский магистрат во главе с социал-демократом Эрнстом Рейтером был изгнан коммунистами из городской ратуши и перебрался в западную часть города. В Восточном Берлине советская военная администрация учредила собственный магистрат.

Политическая и человеческая драма берлинской блокады на время отвлекла внимание общественности оттого, что раскол Германии семимильными шагами приближался к финишу. 1 июля 1948 г. военные губернаторы западных зон вручили премьерам зе-

мель «Франкфуртские документы», которые давали им полномочия созвать до 1 сентября Учредительное национальное собрание для выработки конституции.

Однако западногерманские политики не хотели своими руками раскалывать страну и заявили, что новое государство может быть только временным, поскольку составляет лишь часть Германии. Поэтому и конституцию, которая должна называться Основным законом, следует обсуждать не на Учредительном собрании, а на Парламентском Совете, состоящем из делегаций земельных ландтагов. Совет собрался 1 сентября в Боннском зоологическом музее под присмотром стеклянных глаз двух чучел жирафов, стоявших в зале заседаний. Председателем Совета был избран Аденауэр, который, таким образом, сразу стал ведущим представителем создаваемого государства.

На обсуждение Основного закона потребовалось чуть более полугода. 23 мая 1949 г. он был провозглашен официально, после того как его приняли земельные ландтаги. Только Бавария, считая, что в нем недостаточно учтены федералистские интересы, отказалась его одобрить, но обязалась его признавать и соблюдать. 14 августа состоялись выборы в первый германский бундестаг. А Немецкий народный совет в Восточной зоне одобрил конституцию Германской Демократической Республики, официально провозглашенной 7 октября 1949 г.

Так произошел раскол Германии, ставший неизбежным из-за противоположных интересов западных держав и СССР. Обе стороны представляли себе единую Германию в виде только своей собственной

политической системы. Что же касается ведущих западногерманских политиков, то у них не было настоящего выбора. Если они хотели оградить страну от сталинского тоталитаризма и одновременно получить хотя бы минимум суверенитета, то им оставалась только одна возможность - создать свое государство в союзе с западными державами и, разумеется, в духе их социально-политической системы.

ДВА ГОСУДАРСТВА - ОДНА НАЦИЯ

С 1949 г. в центре Европы возникли две Германии, расположенные на переднем крае противоположных мировых систем, а потому имеющие особое значение для обеих сверхдержав - США и СССР. Последние раскрыли атомный зонтик над своими сферами влияния и контролировали входящие туда страны. Традиционные притязания национальных государств на самоопределение уступили место биполярной политике. Раскол Европы означал обоюдное молчаливое признание сверхдержавами их сфер контроля в существующих границах.

Разделение Германия вместе с Берлином стала несущей опорой здания мировой безопасности, разрушение которой грозило новой мировой войной. Вместе с тем державы-победительницы придавали большое значение своим правам в Германии как таковой. Не случайно советские оккупационные части, к неудовольствию руководства ГДР, продолжали называться «группой советских войск в Германии». Поскольку последнее слово по всем проблемам герман-

ской политики оставалось за оккупационными державами, то суверенитет двух немецких государств являлся ограниченным.

21 сентября 1949 г. три верховных комиссара западных стран пригласили новоиспеченного канцлера ФРГ Аденауэра, чтобы торжественно вручить ему текст Оккупационного статуса, сохраняющего их особые права. Чтобы подчеркнуть свое положение, комиссары во время церемонии стояли на красном ковре, куда не имели права вступать немцы. Но Аденауэр и мысли не допускал, чтобы с ним обходились свысока. Совершенно непринужденно он также ступил на ковер, дав несколько опешившим комиссарам ясно понять, что ФРГ претендует на равенство и свободу своих действий.

Однако канцлер прекрасно понимал, что на мировой арене эта свобода является весьма ограниченной. Поэтому уже в первом правительственном заявлении 20 сентября он подчеркнул, что важнейшей внешнеполитической задачей является скорейшая интеграция ФРГ в западноевропейскую систему, чтобы добиться суверенитета и военной безопасности. Аденауэр заявил, что навсегда должна быть исключена любая возможность повторения прежней политики лавирования между Западом и Востоком, которая постоянно приводила к изоляции Германии.

Обстановка в мире менялась в благоприятном для целей канцлера направлении. «Холодная война» перешла в стадию открытого военного конфликта. 25 июня 1950 г. войска коммунистической Северной Кореи вторглись на юг страны. Лидеры западных государств были уверены в том, что Москва начала

глобальное наступление, чреватое мировой войной. Полная демилитаризация Германии была в свое время одной из основных целей стран-победительниц. Но теперь положение в корне изменилось, тем более что в ГДР с 1952 г. фактически уже существовала армия под видом «Народной полиции на казарменном положении». На Западе усиливались опасения, что и в центре Европы события могут развиваться по корейскому сценарию. Возникла идея образовать Европейское оборонительное сообщество (ЕОС) из воинских контингентов Франции, Италии, Бенилюкса и ФРГ, где уже с мая 1950 г. тайно разрабатывались планы создания собственной армии. Переговоры о создании ЕОС были долгими и трудными, поскольку встречали сопротивление во всех странах. К тому же Аденауэр настаивал на одновременном заключении «Германского договора», устанавливающего равноправие ФРГ в рамках предполагаемой организации.

Курс канцлера на интеграцию с Западом одобряли далеко не все политики ФРГ. В крупных партиях, от правящей ХДС/ХСС до оппозиционной СДПГ, были авторитетные деятели, которые стремились к созданию единой и нейтральной Германии под контролем четырех держав. В начале 1952 г. казалось, что появился шанс на такое решение - известная нота Сталина о проведении общегерманских свободных выборов в целях создания единого государства, не входящего ни в какие блоки. Запад отклонил это предложение. Правительство ФРГ последовало за ним без всяких оговорок, поскольку Аденауэр был убежден в том, что интеграция с Западом гораздо

важнее, чем создание единой, но слабой Германии, снова обреченной пребывать в сфере интересов Востока и Запада и оставаться беззащитной перед советской экспансией. Кроме того, у канцлера и не было выбора. Даже если бы правительство ФРГ согласилось с нотой, реализовать этот план не позволили бы США. Впрочем, дискуссия о возможности объединения на базе ноты Сталина и о ее истинных целях не утихает до сих пор. У Запада были основания считать ее тактическим ходом, поскольку она появилась в решающий момент вхождения ФРГ в систему западноевропейской безопасности. Поэтому ноту можно было рассматривать как стремление в последнюю минуту помешать этой интеграции, а затем действовать по обстоятельствам.

Договор о создании ЕОС был подписан 26 мая 1952 г., но так и не вступил в силу, поскольку двумя годами позже французское Национальное собрание отказалось его ратифицировать, полагая, что он ведет к ущемлению суверенитета страны. Но сдержать интеграцию ФРГ в западную систему союзов было уже невозможно. 5 мая 1955 г. вступили в силу Парижские соглашения. На основе этих соглашений ФРГ вступила в Организацию Североатлантического договора (НАТО). С западногерманской точки зрения членство в НАТО означало не только безопасность, но и восстановление суверенитета по заключенному в это же время «Германскому договору». Однако суверенитет не был полным. Запад сохранил свои особые права по основным вопросам германской политики и размещения своих войск на немецкой земле, а ФРГ отказывалась от обладания рядом стратегичес-

ких вооружений, включая атомную бомбу. Хотя были и возражения, особенно со стороны Франции, против вступления ФРГ в НАТО, США настояли на своем, мотивируя это тем, что членство Западной Германии в организации Североатлантического договора позволит держать ее под контролем, не опасаясь непредсказуемой немецкой политики. Катастрофический опыт Версальского договора как раз показал, какой роковой ошибкой стало отлучение Германии от западного сообщества.

Прочность правления Аденауэра основывалась не только на его внешнеполитических успехах, но и на «экономическом чуде» 1950-х гг.

Вначале казалось, что для хозяйственного бума не было особых предпосылок. Зимой 1949-50 гг. в стране царил массовая безработица, которая охватила 1,8 млн. человек и напоминала худшие времена Веймара. Положение изменилось с началом корейской войны, когда значительно возросли заказы на станки, машины, оборудование для тяжелой промышленности, которые была готова выполнить ФРГ с ее крупнейшим резервом дешевых и квалифицированных рабочих рук. Большую роль сыграл растущий спрос населения на товары широкого потребления, по которым немцы давно истосковались. В то время как США и их союзники перевели значительную часть промышленности на военное производство, ФРГ, не обремененная этим грузом, почти вдвое увеличила свой экспорт. Наконец, в первые годы профсоюзы вели сдержанную политику и не требовали слишком многого, поэтому заработная плата росла более низкими темпами, чем прирост

социального продукта, хотя ежегодно она увеличивалась в среднем на 5%.

Экономический подъем дал возможность проводить активную социальную политику. В 1950-х гг. строилось около 500 тыс. новых квартир в год. В 1950 г. был принят закон о повышении обеспечения трех миллионов инвалидов войны, а, по закону 1952 г., лицам, которые потеряли свою собственность во время войны, изгнания и экспроприации в Восточной зоне, стала выплачиваться компенсация, достигшая к концу 1980 г. суммы в 104 млрд. марок.

Таким образом, уже в период Аденауэра возникает социальное государство. Это было время надежд и веры в то, что безграничный экономический рост навечно обеспечит финансирование социальной политики, а значит - стабильность немецкой демократии. Хотя в ФРГ существовали правые и левые радикальные партии, в условиях экономического процветания у них не было никаких шансов на успех. Немцы уже имели печальный опыт разгула страстей, экстремизма, фанатизма и не хотели возврата к прошлому. Боннская республика стала образцом преуспевающего, рационального и даже скучновато-самодовольного государства. Это отразилось в лозунгах, с которыми ХДС/ХСС выигрывал выборы за выборами: «Благосостояние для всех» и «Никаких экспериментов». Бундесбюргеры не желали иметь дела с политикой, они погрузились в частную жизнь, а государственные проблемы предоставили решать патриарху из боннского Шаумбургского дворца. Но деятели культуры в основном были

настроены довольно оппозиционно. ФРГ казалась им бездуховным государством, в котором происходит реставрация прошлого.

Другое немецкое государство - ГДР - немногое могла противопоставить западной модели процветания. Она был; форпостом советской зоны влияния, который Сталин и его преемники рассматривали как стратегическую опору этой системы. Хотя обещания построить социализм сперва вызвали волну так и не использованного в полной мере энтузиазма, ожидаемого экономического успеха добиться не удалось. СЕПГ во главе с Политбюро ЦК под руководством постепенно занявшего все ключевые посты генерального секретаря Вальтера Ульбрихта жестко контролировала государство и общество. Созданное в 1950 г. Министерство госбезопасности (Штази) пыталось в зародыше подавить любую оппозицию и опутало всю страну густой сетью осведомителей. Милитаризация общественной жизни напоминала старопруссские традиции и служила средством политической унификации населения. Но, несмотря на бесспорные и значительные усилия людей, жизненный уровень в ГДР явно отставал от западного, тем более что она не располагал почти никакими природными ресурсами, кроме низкокачественного бурого угля.

Вторая конференция СЕПГ в июле 1952 г. провозгласила курс на строительство социализма советского типа, которое будет проходить в условиях «закономерного обострения классовой борьбы». Тюрьмы были заполнены действительными и мнимыми противниками режима Ульбрихта. Принудительная коллективизация сельского хозяйства, почти полная

ликвидация средних слоев, односторонний крен в сторону развития тяжелой промышленности - все это сопровождалось резким ростом цен и повышением норм выработки в промышленности и строительстве на 10%. Даже Кремлю радикальный курс Ульбрихта казался рискованным. В начале июня 1953 г. по его настоянию принудительные меры были поспешно отменены, однако «руководители рабочего класса» думали о чем угодно, только не о рабочих, нормы выработки которых так и не были снижены. Это привело к массовому возмущению. 16 июня забастовали строители Восточного Берлина. На следующий день забастовки охватили все промышленные центры ГДР. Сначала рабочие выдвигали только социально-экономические требования, которые затем переросли в политические - отставка правительства, смещение Ульбрихта, проведение свободных выборов в Народную палату, разрешение деятельности в ГДР западногерманских партий, ликвидация зональной границы. Руководство СЕПГ потеряло контроль над ситуацией, забастовки, в которых участвовало более 500 тыс. рабочих, вылились в настоящее народное восстание. В Йене, Биттерфельде, Магдебурге, Лейпциге, Гёрлице штурмом были взяты тюрьмы, здания партийных комитетов и органов госбезопасности, которые тоже были застигнуты врасплох. Восстание было подавлено советскими танками, которые, впрочем, чаще угрожающе демонстрировали силу, чем применяли ее. По разным подсчетам, при этом погибло от 125 до 300 человек, около 1600 участников волнений были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Известно также, что

было расстреляно несколько советских солдат, отказавшихся открыть огонь по демонстрантам.

Восстание показало партийной верхушке важность и значение достаточного материального снабжения населения. А весь мир убедился, что власть коммунистов в ГДР держится только на советских штыках. Стало очевидным и то, что ГДР не имеет никаких шансов превзойти ФРГ экономически. Когда же, наконец, была осознана необратимость включения ФРГ в западную систему, то в 1955 г. Москва выдвинула концепцию, по которой германский вопрос был решен существованием двух немецких государств с различными социально-политическими системами. Следовательно, в обозримом будущем никакое воссоединение Германии невозможно. К этой концепции присоединилось и руководство ГДР, которое с 1974 г. официально провозгласило существование отдельной «социалистической немецкой нации» и напрочь исключило национальную общность с западными немцами.

Но в реальности неоновые огни Западного Берлина завораживали население ГДР, бегство из которой приняло характер массового исхода. Побег не представлял особого труда. Надо было только приехать в Берлин и перейти в западные секторы, откуда потом можно было спокойно перебраться в ФРГ. В среднем с 1949 г. на Запад ежегодно уезжало 200-230 тыс. человек. А к 1961 г. общее число беженцев достигло огромной цифры - 2,7-3 млн. человек. Половину из них составляли молодые люди до 25 лет. Но еще хуже для ГДР было то, что страну покидали квалифицированные специалисты - врачи, учителя,

инженеры, деятели культуры и науки. Так, всего за один год юридический факультет Лейпцигского университета в полном составе оказался на Западе.

ГДР и СССР не могли примириться с этим «голосованием ногами», поскольку еще опаснее утечки «мозгов» была потеря «реальным социализмом» своего лица и привлекательности. В октябре 1958 г. советский лидер Н.С. Хрущев в ультимативной форме потребовал от западных держав их ухода из Берлина, установления контроля органов ГДР над всеми путями в город с Запада и его превращения в вольный город, наподобие межвоенного Данцига (Гданьска). В ответ президент США Джон Кеннеди сформулировал три принципа для Западного Берлина: свобода населения, присутствие западных войск и полностью свободный доступ в город по воздуху, суше и воде.

Разгорелась настоящая «война нервов» вокруг берлинской проблемы. Со своей стороны, Ульбрихт пришел к убеждению, что бегство из ГДР можно прекратить лишь полной блокадой Западного Берлина. В ночь на 13 августа 1961 г. солдаты и полиция Восточного Берлина начали протягивать заграждения из колючей проволоки и выставлять блокпосты по всему периметру западных секторов города. В течение следующей недели была построена стена из бетонных плит с вышками, на которых стояли часовые, имевшие приказ стрелять в каждого, кто попытается перебраться через нее. Берлинская стена стала зримым символом «железного занавеса». За годы ее существования погибли 77 человек. Газеты всего западного мира обошла жуткая фотография смерти Петера

Фехтера, 18-летнего каменщика, который 17 августа 1962 г. при попытке перебежать в Западный Берлин был тяжело ранен и несколько часов, истекая кровью, висел на колючей проволоке на глазах у безразлично наблюдавших за этим пограничников ГДР, пока те не получили приказа снять его.

Стена стала и символом банкротства коммунистической системы, насильно удерживавшей людей в своих щупальцах. В то же время стена внесла ясность в проблему Берлина, окончательно разделенного на две части.

Разочарование и уныние, охватившие население ГДР, постепенно сменились конформизмом, который поддерживала и власть, объявившая о переходе к «новой экономической системе», более прагматичной и нацеленной на рентабельность производства и повышение самостоятельности предприятий.

Изменилась и внутривнутриполитическая ситуация в ФРГ. Эра Аденауэра закончилась в октябре 1963 г. с уходом 86-летнего канцлера в отставку. Его преемник, популярный «импозантный толстяк с сигарой» Эрхард победил на следующих выборах в сентябре 1965 г., не добрав до абсолютного большинства в бундестаге всего четыре места. Но СвДП, партнер ХДС по коалиции, потеряла четверть депутатских кресел. СДПГ во главе с новым харизматическим лидером Вилли Брандтом (1913—92) заметно усилила свои позиции.

Превосходный экономист, Эрхард оказался слабым политиком, не сумевшим развить первоначальный успех. Его курс, при котором социальные расходы росли быстрее валового продукта, привел

к экономическим трудностям. В октябре 1966 г. канцлер досрочно покинул свой пост, когда из кабинета вышли министры от СвДП, не желавшей нести ответственность за дефицитный бюджет.

Созданная после этого большая коалиция ХДС/ХСС и СДПГ во главе с канцлером Куртом Георгом Кизингером (1904-88) была лишь переходным этапом. Новому кабинету удалось преодолеть спад производства с помощью новых механизмов регулирования экономики. Но коалиция была слишком неоднородной, чтобы просуществовать длительное время. В германской и восточной политике СДПГ вместе с либералами была готова признать сложившиеся реальности, примириться с расколом страны и перейти к «урегулированному взаимопониманию» с ГДР. Правительство Кизингера делало некоторые шаги в этом направлении. Оно установило дипломатические отношения с Румынией и Югославией, тем самым фактически отказавшись от «доктрины Хальштейна», по которой только ФРГ имела право представлять всех немцев на мировой арене. Прежняя германская и восточная политика оказалась несостоятельной.

Но создавалось впечатление, что и государственный корабль сел на мель. С начала 1960-х гг. молодое поколение в ФРГ, выросшее уже в условиях демократии, перестало воспринимать прежние ценностные ориентации. Прагматизм эры Аденауэра, реставрационные черты в ранней ФРГ, где продолжали делать карьеру многие чиновники, судьи, дипломаты, верно служившие нацизму, безудержная жажда потребительства, культурная стагнация как оборотная сторо-

на экономического процветания - все это подвергалось теперь беспощадной критике.

Вспыхнувшая после гибели западноберлинского студента Бенно Онезорга, случайно застреленного полицейским 2 июня 1967 г. во время демонстрации, волна протеста прокатилась по всей ФРГ. Участники многочисленных выступлений требовали сломать «заскорузлые структуры» и сокрушить старые элиты. В университетах и общественных организациях сформировалась внепарламентская оппозиция (АПО). Но из этих искр возмущения не вспыхнуло пламя большого пожара. Рабочие, которые, согласно марксизму, являлись носителями нового социалистического общества, явно считали грезы о новой культурной революции капризами аморальных юнцов. АПО быстро раздробилась на многочисленные политические секты, одни из которых присоединились к движению за мир в начале 1970-х гг., другие ушли в подпольные террористические организации.

Но общее настроение в стране заметно изменилось. Это показали выборы в бундестаг 28 сентября 1969 г., на которых основной соперник христианских демократов - СДПГ впервые набрала более 40% голосов. Ее лидер, министр иностранных дел в правительстве Кизингера Вилли Брандт, договорился с председателем СвДП Вальтером Шеелем о создании коалиции.

Смена власти, наметившаяся уже в марте 1969 г. с избранием социал-демократа Густава Хайнемана федеральным президентом, застала ХДС/ХСС совершенно неготовым к этому. После 20-летнего пре-

бывания у руля власти демохристиане никак не могли приспособиться к роли оппозиции, партия оказалась в состоянии разброда и дезориентации. Но поскольку новый кабинет имел в бундестаге лишь незначительное большинство, то сложилась патовая ситуация, в которой ХДС надеялся вновь возвратиться к власти. Основным конфликтом разгорелся вокруг новой восточной и германской политики социал-либерального правительства. После возведения Берлинской стены стало ясно, что сложившееся в Европе положение и границы можно изменить лишь войной. Единственным выходом оставался отказ от применения силы.

Давний советник Брандта Эгон Бар, который и был главным автором новой восточноевропейской концепции СДПГ, начал подготовку переговоров с СССР, Польшей и ГДР. Новый курс вызвал бурную критику со стороны оппозиции, обвинившей кабинет в «распродаже Германии», в измене национальным интересам. Но западные страны поддержали политику разрядки отношений.

В августе и декабре 1970 г. были подписаны Московский и Варшавский договоры, по которым признавались нерушимыми послевоенные границы. Правительству Брандта-Шееля с трудом удалось добиться ратификации этих договоров бундестагом. Однако оппозиция, которая при голосовании воздержалась, сумела затем перетянуть на свою сторону нескольких депутатов от СвДП и СДПГ и 27 апреля поставила вопрос о вынесении конструктивного вотума недоверия канцлеру и замене его лидером ХДС Райнером Барцелем. Эта попытка свержения кабинета провалилась,

но правительство теперь не имело в парламенте большинства. В такой ситуации Брандт объявил о назначении новых выборов в бундестаг 19 ноября 1972 г., в итоге которых социал-либеральная коалиция значительно упрочила свое положение. Политическая борьба вокруг восточных договоров и выборы показали, что большинство населения ФРГ выступает за мир и добрососедство на Европейском континенте.

После убедительной победы на выборах правительство смогло приступить к проведению под лозунгом «Больше демократии» обещанных внутренних реформ. Но в октябре 1973 г. вспыхнула новая арабо-израильская война. Арабские страны использовали в качестве средства политического давления нефть, резко повысив на нее цены. Западный мир оказался в энергетическом шоке, усугубленном валютным кризисом. Если в 1973 г. тонна сырой нефти стоила в ФРГ 82 марки, то в 1974 г. - уже 224 марки. В 1975 г. число безработных в ФРГ впервые за 20 лет превысило один миллион человек. Социал-либеральная коалиция оказалась в крайне трудном положении, тем более что Брандт не был достаточно компетентен в вопросах экономики. Политика внутренних реформ сразу же вышла из-под его контроля. Реформы означали перераспределение благ и проделали огромные дыры в бюджете.

Уже с 1973 г. стиль руководства канцлера начал вызывать критику в рядах его собственной партии, прежде всего со стороны руководителя фракции СДПГ в бундестаге Герберта Венера. Брандт постепенно утрачивал контроль и над правительством, которое неожиданно покинул блестящий министр эко-

номики и финансов, невыносимо тщеславный Карл Шиллер, и над самим собой. Поклонник хорошего вина и хорошеньких женщин, Брандт плохо разбирался в людях. Неудивительно, что одним из его ближайших сотрудников оказался кадровый агент спецслужб ГДР Гюнтер Гийом, арестованный в конце апреля 1974 г. Уставший и разочарованный, Брандт взял на себя политическую ответственность за случившееся и ушел в отставку.

Пост канцлера занял Гельмут Шмидт, эрудит, прагматичный технократ и жесткий политик, не терпящий «идеологической болтовни». Вице-канцлером и министром иностранных дел стал новый лидер СвДП, опытный и неутомимый Ханс Дитрих Геншер. Правительство выдвинуло лозунг «Преемственность и концентрация», дав понять, что намерено продолжать курс прежнего кабинета Брандта-Шееля. В мае 1974 г. Вальтер Шеель был избран президентом ФРГ.

ХДС/ХСС, естественно, находился в оппозиции к новому правительству. Барцель, потерпевший поражение на выборах 1972 г., ушел с поста руководителя партии. Новым председателем ХДС стал премьер-министр Рейнланд-Пфальца 43-летний Гельмут Коль.

Заметные изменения происходили в этот период в ГДР. После заключения в конце 1972 г. договора об основах отношений с ФРГ и принятия в сентябре 1973 г. двух германских государств в ООН, ГДР была дипломатически признана большинством стран земного шара, что укрепило ее положение на мировой арене. Однако страна продолжала жесткий курс отмежевания от ФРГ. В 1974 г. из конституции ГДР было

устранено понятие «немецкая нация». Пришедший на смену Ульбрихту, претендовавшему на самостоятельность и даже независимость от Москвы, Эрих Хонеккер (1912-94) подтвердил верность советскому образцу и провозгласил курс «единства социально-экономической политики», направленный на повышение жизненного уровня населения. Одновременно усилились репрессии против диссидентов. Известные оппозиционеры, химик Роберт Хавеман, журналист Рудольф Баро, певец и поэт Вольф Бирман и ряд других, были арестованы или высланы в ФРГ.

А там в 1977 г. произошел невиданный всплеск левого терроризма в лице подпольной «фракции Красной Армии» (РАФ). В апреле террористы застрелили в Карлсруэ генерального прокурора ФРГ Зигфрида Бубака, в июле был убит один из руководителей Дрезденского банка Юрген Понто, а в сентябре - президент Союза немецких промышленников Ханс Мартин Шляйер. Лишь жесткие меры правительства и решительные действия полиции помогли сбить волну терроризма, хотя покушения продолжались и позднее. Трудности борьбы с терроризмом во многом объяснялись тем, что члены РАФ находили убежище в ГДР и получали помощь от ее органов безопасности.

На выборах 1980 г. социал-либеральная коалиция снова одержала победу. Личная популярность канцлера Шмидта была необычайно высокой, но его жесткий курс экономии и сокращения социальных расходов для преодоления экономического кризиса вызывал растущее недовольство и протесты левого крыла СДПГ. Шмидт не совершил крупных ошибок,

но и не принял великих решений. Это был канцлер, от которого, можно сказать, отвернулась удача. Ситуация резко обострилась, когда СвДП потребовала дальнейшего свертывания социальных расходов и опоры на рыночные силы, на что уже никак не могли согласиться социал-демократы. В сентябре 1982 г. коалиция развалилась, либералы повернули к союзу сХДС/ХСС. 1 октября Шмидту был вынесен вотум недоверия, новым канцлером стал Коль, одержавший победу на выборах в марте 1983 г. Эти выборы сопровождалась сенсацией. Впервые с 1957 г. в бундестаге появилась новая фракция от партии «зеленых», возникшей в конце 1970-х гг. на базе массовых экологических, феминистских и альтернативных движений.

Исход выборов 1987 г., когда победу вновь одержал Коль, отразил устойчивость нарастания в обществе консервативных тенденций. Но еще более успешными были результаты малых партий:

СвДП получила 9,1%, а «зеленые» - 8,3% голосов. Стало очевидным, что крупные партии, профсоюзы, а также церкви начинают утрачивать свое влияние. Это можно объяснить изменением ценностных ориентаций. Вместо долга и порядка на первый план стали выдвигаться самостоятельность и самореализация человека. А для этого, разумеется, более пригодны небольшие организации, нежели крупные бюрократившиеся партии, к тому же замешанные во второй половине 1980-х гг. в ряде громких финансово-политических скандалов.

После первого официального визита Хонеккера в Бонн в сентябре 1987 г. отношения между двумя германскими государствами, казалось, вступили в новую

стадию. Газеты всего мира поместили фотографии, на которых лидеры ФРГ и ГДР с кисло-сладким выражением на лицах обходят строй почетного караула бундесвера. Но эти отношения по-прежнему были весьма далеки от взаимопонимания. Напряжение отчетливо продемонстрировал 750-летний юбилей Берлина. ГДР всячески подчеркивала роль города как ее столицы, а праздник в западных секторах проходил под знаком тесной связи Берлина с ФРГ. Главы Англии, США и Франции участвовали в торжествах в западной части города, советский лидер М.С. Горбачев посетил Восточный Берлин. Впрочем, в это время уже стало явно охлаждение отношений между Москвой и режимом Хонеккера, не одобрявшего реформаторский курс Кремля. Напротив, на требования большей «открытости», все громче звучавшие в ГДР, ее консервативно-догматическое руководство ответило ужесточением политических репрессий. В январе 1988 г. полиция арестовала около 120 участников контрдемонстрации, проходившей в память годовщины гибели Розы Люксембург. В ГДР назревал крупнейший политический кризис, под знаком которого начинался последний год ее существования.

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

Весной 1989 г. ситуация в ГДР резко обострилась. Оппозиционное движение за демократию и гражданские права выступило с разоблачениями фальсификации результатов состоявшихся в мае коммунальных выборов, когда на многих избирательных участ-

ках против кандидатов СЕПГ проголосовало около 30% избирателей.

Непосредственный же пролог мирной революции в ГДР начался с открытия Венгрией своей границы с Австрией 11 сентября 1989 г. Жители ГДР стали тысячами покидать страну, устремляясь через Будапешт и Вену в ФРГ. Ее посольства в Варшаве и Праге напоминали скорее лагеря для беженцев, чем дипломатические представительства. Стало очевидным, что партийное руководство ГДР так и не добилось доверия и лояльности населения.

Демократическая революция в ГДР прошла три фазы. От начала демонстраций в сентябре 1989 г. до открытия Берлинской стены 9 ноября. Далее, с 10 ноября до первых и последних свободных выборов в Народную палату 18 марта 1990 г. Наконец, период с 19 марта до 3 октября, когда ГДР прекратила формальное существование, а Германия стала единым государством.

Сначала в Лейпциге, а затем и в других городах начались многотысячные демонстрации с требованиями проведения широких политических реформ. 18 октября Хонеккер, ставший полным политическим банкротом, был заменен на посту генерального секретаря партии, а затем и председателя Государственного совета Эгоном Кренцем, тут же едко прозванным «кренц-принцем». Вслед за этим последовала полная отставка всего ЦК и начался массовый выход из партии, которую к декабрю покинуло более 600 тыс. человек.

После того как стало ясно, что старый состав Народной палаты не примет предложенный правитель-

ством новый закон о выезде из ГДР, ограничивавший свободу передвижений многочисленными финансово-бюрократическими препонами, руководство страны совершенно неожиданно вечером 9 ноября объявило об открытии границы с ФРГ и Западным Берлином, куда немедленно устремились толпы ликующих людей). Свершился исторический поворот, но массовые демонстрации не прекращались и приобретали все более радикальный характер. Если первые демонстрации проходили под лозунгом «Мы - народ!», то теперь он гласил: «Мы - один народ!», а над колоннами демонстрантов все чаще развевались государственные флаги ФРГ.

Процесс самораспада ГДР не был срежиссирован из Бонна. Напротив, он застал врасплох руководство ФРГ. Когда 28 ноября канцлер Коль неожиданно для многих представил в бундестаге программу из 10 пунктов о поэтапном слиянии обоих государств, он исходил из перспективы далекого объединения.

7 декабря в Берлине собрался Круглый стол из представителей оппозиции, правительства и депутатов Народной палаты, принявший решение о проведении свободных выборов 6 мая 1990 г. Но растущий поток переселенцев на Запад, судорожные усилия СЕПГ, переименованной в Партию демократического социализма (ГЦС), удержаться у власти, требования ликвидировать ненавистное Министерство госбезопасности ускорили ход событий, и выборы были перенесены на 18 марта. Убедительную победу на них одержал Альянс за Германию, в который входили восточногерманский ХДС, Немецкий социальный союз и организация «Демократический прорыв».

Федеративная Республика Германия в 1990 г.

Лидер ХДС Лотар де Мезьер сформировал правительство из министров от Альянса, либералов и социал-демократов, которое уже в апреле начало

с Бонном переговоры о заключении валютного, экономического и социального союза как первого шага к объединению.

В то время как канцлер Коль развил бурную деятельность, стремясь использовать уникальный шанс и форсировать воссоединение, лидер оппозиционной СДПГ Оскар Лафонтен, показав слабое понимание ситуации, всячески предостерегал от поспешного объединения. В целом он довольно резонно указывал на возможные тяжелые экономические последствия такого шага и считал программу Коля «крупным дипломатическим промахом». Действительно, быстрое объединение произошло под знаком примата политики и не было просчитано экономически. Но оно было необходимо из-за внешнеполитической ситуации, которая стала необычайно благоприятной, хотя в любой момент могла измениться, так что второго такого случая могло и не представиться.

После вступления в силу 1 июля внутригерманского союза быстро выяснилось удручающее состояние экономики ГДР. Большинство предприятий оказалось на грани банкротства, стремительно росла безработица. В этих условиях Народная палата после довольно бурного обсуждения 23 августа приняла решение о вхождении с 3 октября пяти возрожденных восточногерманских земель в ФРГ на основе 23-ей статьи Основного закона, которое не требовало ни внесения изменений в конституцию ФРГ, ни проведения всенародного референдума. С объединением исчезла не только ГДР, исчезла и прежняя Федеративная Республика, ибо новая Германия - совсем не простое продолжение старой ФРГ.

Огромную роль в успехе объединения сыграл тот факт, что немецкой дипломатии под руководством Геншера удалось добиться согласия четырех держав — СССР, США, Англии и Франции - на воссоединение, хотя вначале Франция относилась к этому скорее негативно, а британский премьер Маргарет Тэтчер вообще высказалась против. Ключевым звеном в этом процессе стало полученное Колем 16 июля согласие Горбачева на членство единой Германии в НАТО. 12 сентября 1990 г. в Москве был подписан договор четырех держав с двумя германскими государствами о полном суверенитете ФРГ и прекращении оккупационных прав этих стран. Под Второй мировой войной была подведена окончательная черта.

ПРОБЛЕМЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ

Единая Германия превратилась в третье по территории и первое по численности населения государство Европы. Ее столицей вновь стал Берлин, куда к лету 1999 г. переехали правительство и парламент, хотя шесть министерств осталось на Рейне.

Объединение было политическим актом, а теперь встала задача экономической интеграции обеих частей страны. В обстановке эйфории национального воссоединения на первых общегерманских выборах победил ХДС/ХСС, получивший 43,8% голосов. СДПГ, которой многие прочили победу, потерпела поражение, набрав треть голосов. Усилила свои позиции СвДП, которой отдали голоса 11% избирате-

лей. Сюрпризом стало то, что в бундестаг не прошла партия «зеленых». Но зато там оказались две партии, действующие на территории только новых восточных земель, где голоса подсчитывались отдельно, - Союз-90 (восточногерманские «зеленые») и ПДС, получившая на западе всего 0,3%, а в новых землях -11,1% голосов.

Развитие событий после выборов показало, что процесс выравнивания условий жизни на востоке с западными стандартами становился все более трудным и медленным, а главное - дорогостоящим. В 1990 г. производство там упало на 50%, а число безработных возросло в три раза и продолжало увеличиваться, достигнув в 1993 г. 4,6 млн. человек.

После объединения выяснилось, что экономика ГДР находилась в более тяжелом состоянии, чем предполагалось. Три четверти предприятий оказались в таком запущенном состоянии и имели такое устаревшее оборудование, что не было никакого смысла их модернизировать. А население бывшей ГДР, которое надеялось получить от объединения все и сразу, оказалось в океане рыночных отношений, к которым оно не было готово ни морально, ни психологически, и стало проявлять растущее недовольство.

Тем не менее перестройка восточногерманской экономической структуры продвигалась вперед, Деиндустриализация постепенно сменялась реиндустриализацией. Было основано более 500 тыс. новых предприятий, а к середине 1990-х гг. новые земли стали самым динамичным экономическим регионом Европы.

Преобразованиями руководило Опекунское ведомство. Оно продало в частные руки 14,5 тыс. предприятий, а около 3,7 тыс. - было ликвидировано.

Реконструкция непосредственно затронула и население старых земель, где к 1995 г. доля налогов и сборов в валовом национальном продукте впервые перевалила за 50%, а государственный долг достиг астрономической величины в два триллиона марок. К 1996 г. объединение обошлось налогоплательщикам в один триллион марок. Сумма поразительная, если учесть, что она к тому времени еще не привела к наступлению обещанной эры процветания в новых землях и к достижению политической цели - созданию единства немецкого общества. Наоборот, социально-психологическая интеграция оказалась более трудной задачей, чем экономическая. В обиходном лексиконе закрепились даже такие понятия, как «осси» (восточники) и «весси» (западники), отношения между которыми далеки от безоблачных.

Спустя и 10 лет после объединения Запад Германии посматривал на Восток с оттенком отчуждения и пренебрежения. Это вызывало у населения новых земель чувства второсортности и унижения, нашедшие выход в нападениях на иностранных рабочих и поджогах их жилищ. Волна экстремизма вызвала мощные демонстрации протеста против ксенофобии, в которых участвовало более 3 млн. человек. Однако правый радикализм в Германии существует и время от времени выходит на сцену. В 1996 г. праворадикальная партия республиканцев во главе с Францем Шёнхубером на выборах в Баден-Вюртемберге получила более 9% голосов и провела в ландтаг 14 депу-

татов. На выборах 1998 г. в Саксонии-Анхальт почти 13% избирателей проголосовало за правоэкстремистский Германский народный союз, ранее уже пробившийся и в сенат Бремена.

Трудности объединения сказались на популярности ХДС/ХСС. На выборах в бундестаг в октябре 1994 г. демокристиане и либералы всего на 0,3% опередили оппозиционные им партии - СДПГ, «зеленых» и ПДС. Эту победу можно было отнести в актив Коля, излучавшего энергию и оптимизм.

Но позиции канцлера постепенно слабели. Нарастали экономические трудности, росли цены и налоги. В прессе отмечалось, что Коль, находившийся у власти уже 15 лет, т.е. дольше любого немецкого канцлера, кроме Бисмарка, исчерпал свои возможности. Он уже надоел населению, которое жаждало появления новых лиц.

27 сентября 1998 г. на выборах в бундестаг впервые за 16 лет победили социал-демократы, получившие 40,9% голосов и 298 мест. За ХДС/ХСС высказалось 35,1% избирателей (245 мест), за партию «зеленых» - 6,7% (47 мест), за СвДП - 6,2% (44 места). За счет голосов населения восточных земель в бундестаг попала и ПДС - 5,1% (35 мест). У лидера СДПГ Герхарда Шредера были возможности пойти на коалицию с любой партией. Он предпочел «зеленых», в блоке с которыми с 1990 г. успешно руководил Нижней Саксонией. Их лидер Йозеф Фишер стал вице-канцлером и министром иностранных дел.

Новый канцлер слыл прагматиком в духе Гельмута Шмидта - политиком, который ориентируется на «новую середину», т.е. на такое общество, где боль-

шинство по своим привычкам, характеру труда, образу жизни тяготеет к общему центру на базе либерально-демократических ценностей. Такая ориентация имеет вполне объективную основу. В немецком обществе начала XXI в. самостоятельные хозяева составляют 10% самодеятельного населения, рабочие - 34,8, чиновники и служащие - более 54%.

После объединения Германии в Европе сложилась новая геополитическая ситуация. В центре континента возник 82-миллионный экономический и политический гигант, который стал активно заполнять вакуум в Восточной и Юго-Восточной Европе, возникший после ухода оттуда СССР. Резко возросла роль Германии как стратегического партнера США по НАТО. Она стала одним из основных инициаторов расширения блока на Восток, поскольку это равнозначно расширению зоны немецкого влияния. Опираясь на свою экономическую мощь третьей промышленной державы мира, Германия стала мотором европейской интеграции. Она на одну треть финансировала новую общеевропейскую валюту евро, а взнос ФРГ в бюджет Европейского союза в 1990-е гг. в четыре раза превышал совокупный вклад Великобритании и Франции.

Перед Германией начала XXI в. стоит ряд сложных проблем. Происходит болезненное сокращение непомерных социальных расходов, которые обходятся государству в один триллион марок в год. Хотя, с другой стороны, экономическое положение остается относительно устойчивым, ежегодный прирост ВВП составляет 2-2,5%.

По-прежнему острой является проблема иностранцев, которых в ФРГ более 7 млн. человек.

В страну в 1990-х гг., где уже не хватает более миллиона квартир, ежегодно прибывало 300-400 тыс. переселенцев и беженцев. Германия с ее либеральным законодательством принимает больше людей, чем все остальные государства Европейского союза. Неудивительно поэтому, что, по данным прессы, около 17% молодежи в возрасте 15-25 лет с симпатией относятся к праворадикальным идеям и организациям. Хотя волна насилия против иностранцев с середины 1990-х гг. заметно спала, но и в 2000 г. в стране произошло более тысячи нападений на иностранцев. А в 2001 г. в ФРГ было зарегистрировано около 14 тыс. праворадикальных эксцессов. Но все же канцлер Шредер имел все основания сказать:

«Мужественно и решительно мы и дальше пойдем по пути консолидации и модернизации».

НЕМЦЫ И РУССКИЕ

Россия и Германия отличаются друг от друга по историческому возрасту, уровню и типу развития. Сходство между ними проявилось сравнительно поздно, а различия были очевидны на протяжении многих веков, когда между двумя странами и народами существовали единственные в своем роде отношения любви и ненависти. С того апрельского дня 1242 г., когда Александр Невский разгромил немецких рыцарей на льду Чудского озера, и до последней трети XX в. русские рассматривали немцев в основном как врагов.

Но не было другого народа, которым бы русские восхищались больше. Немцы являлись властителями

дум, учителями и наставниками многих поколений русских интеллигентов как левой, так и правой ориентации. Подобная же двойственность была присуща и отношению немцев к русским. Влечение к России смешивалось со страхом перед восточным гигантом.

Россия и Германия в XIX, а еще больше в XX в. находились в тесной взаимосвязи, наполненной самыми различными по характеру событиями. Это было естественно, если учитывать географическое положение обеих стран. Германская восточная и российская западная политика тесно переплетались.

В Средние века и раннее Новое время контакты были довольно редкими. Немцы и русские немного знали друг о друге. В этом отношении мало что изменили и военные столкновения с рыцарями Немецкого ордена, и торговые связи между ганзейскими городами и Псковом с Новгородом, где немецкий купеческий двор появился уже в конце XII в. Хотя немецкие общины старались жить обособленно, их соприкосновение с русской жизнью было, разумеется, неизбежно. Шло взаимное освоение языка, обычаев, нравов. В русском обществе кое-где началось преодоление присущей ему отчужденности от «латинян» и рос интерес к различным сторонам немецкой и вообще европейской культуры. Вместе с тем близость Запада в лице Германии стала катализатором развития господствовавшего на Руси провизантийского направления в культуре и консолидации общества на базе восточного православия.

Попытки Ивана Грозного открыть в какой-то мере Россию Западу не повлекли за собой заметных сдвигов. Напротив, как раз в эту эпоху появился антиза-

падный образ врага и недоверие по отношению к немцам - концепция, которой была суждена долгая жизнь и которая сохраняется и поныне. Ее главными носителями стали православная церковь и традиционная элита, высокомерно третировавшая послушного и подобострастного немца, выведенного Гоголем в повести «Невский проспект». В Германии это русское отмежевание воспринималось по зеркальному принципу. Побывавшие или подолгу жившие в России немцы постоянно писали о «варварских московитянах», души которых отравлены вековым восточным деспотизмом.

В середине XVII в. иностранцы по-прежнему проживали в особых кварталах русских городов. В московской Немецкой слободе Петр I впервые познакомился с западными обычаями и взглядами и стал «охочим до знаний» монархом. Он открыл русскому взору Европу, одновременно открыв и Россию для западных, прежде всего немецких, переселенцев. Их недолюбливали, но они были нужны России как технические специалисты, торговцы, учителя, а в первую очередь - как чиновники и офицеры. Так, в 80-х гг. XIX в., в период расцвета националистического славянофильства, треть всех высших государственных чиновников, сенаторов и офицеров были людьми немецкого происхождения, хотя немцы составляли всего 1% населения страны.

При Петре I связь России с общеевропейским развитием обрела и внешнеполитическое значение. С этого времени начались интенсивные и никогда более не прекращавшиеся германо-русские взаимоотношения. Чрезвычайно тесными стали династические связи. Многочисленные немецкие дворы

исправно поставляли невест русским царям и великим князьям, а русские княгини и принцессы чаще всего выходили замуж за немецких монархов. И сегодня многие улицы, школы, рощи немецких городов, особенно на юго-западе, носят имена Ольг, Катерин, Елизавет.

Но, разумеется, еще важнее стало постоянное русское присутствие и участие в европейских делах. Во время Северной войны солдаты петровской армии находились в Саксонии, Померании, Мекленбурге, Гольштейне. Россия вмешивалась в конфликт между Австрией и Пруссией, в войну за баварское наследство. Русская армия сыграла главную роль в успехе освободительной войны немцев против Наполеона. Со своей стороны, русская (советская, российская) политика не могла игнорировать тот факт, что ближайшим соседом была Германия, а «путь в Европу» пролегал и пролегает через нее.

Взаимные представления русских и немцев друг о друге были столь же подвержены крутым поворотам, что и реальные политические связи двух стран. В XIX в. немецкие консерваторы видели в Российской империи основу европейского порядка и монархизма. Либералы же считали ее оплотом реакции, главным бастионом европейского деспотизма. Но на рубеже XIX-XX вв. либеральную русофобию переняли консерваторы и даже социал-демократы, ссылавшиеся порой на весьма негативные высказывания Маркса в адрес России.

В ходе усиления антирусского настроения наметился своего рода национальный консенсус, который отчасти объясняет тот энтузиазм, с которым немцы в авгу-

сте 1914 г. отправились воевать против исконного врага - Франции и восточного варвара - России.

В этот период не было недостатка и в антигерманской направленности российской политики и прессы. Оформилась панславистская концепция как дальнейшее развитие того стереотипа, по которому Запад (читай - Германия) стремится подчинить себе Россию и напялить на нее колпак своего «латинского» религиозно-идейного мировоззрения. Общей чертой панславизма и пангерманизма стали внутренняя нетерпимость и нагнетание жупела внешней угрозы. Обе стороны жили в напряженном ожидании предстоящей роковой схватки между славянством и тевтонством.

Образ другого непременно связан с тем, каким видишь себя самого. Это относится и к русско-немецкому восприятию друг друга после 1918 и 1945 гг. Система в России изменилась, но большинство немцев не спешили расстаться с давней защитной реакцией на «угрозу с Востока». Только теперь она увязывалась с наступлением «мирового коммунизма», тем более что часть немецких рабочих и интеллектуалов с восторгом смотрела на большевистскую Россию. Сохранился и прежний стереотип, ставивший знак равенства между деспотизмом, рабством, нецивилизованностью и Россией. Крайнего выражения он достиг в период нацизма, когда русские просто были объявлены «недочеловеками», а большевизм - «иудео-масонским заговором».

После 1945 г. мировая ситуация в корне изменилась, но восточная политика ФРГ долгое время следовала прежним образцам. Одним из ее главных

элементов стала смесь из коммунистической и военной угрозы со стороны Советского Союза. А в ГДР «вечная и нерушимая дружба» с Советским Союзом была возведена в ранг «священной коровы».

С 1990 г. ГДР больше нет, будущее России все еще остается достаточно непредсказуемым. Однако, говоря о русских и немцах, стоит отметить один примечательный и важный элемент. Между этими народами есть некое политическое, духовное, культурное родство. Всегда оставалось загадкой, в чем причина этой близости при всей внешне абсолютной несхожести русских и немцев. Возможно, в том, что они, в отличие от прагматичных англосаксов и меркантильных французов, - народы, склонные к метафизическому мышлению. Как немцы, так и русские постоянно размышляют над особым сверхиндивидуальным смыслом своего исторического бытия и над политическим осуществлением этого смысла.

Россию и Германию можно отнести к запоздавшим нациям, которые в процессе модернизации развивались медленнее, чем страны Западной Европы. Оба народа были весьма консервативны в приверженности старому укладу жизни, проникнуты религией. В ходе конфронтации с поздним расцветом эпохи модерна германо-русская духовная общность приобрела особый облик. Совсем не случайно, что поистине русский писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский нигде не был понят так глубоко, как в Германии, а великий философ Фридрих Ницше нигде не имел такой популярности, как в России.

Духовная общность проявилась в том, как оба народа пережили сильный культурный шок, вызван-

ный внезапным вторжением в их жизнь модернизма. Они отреагировали на этот шок в такой форме, что это повлекло за собой роковые последствия. Как большевизм в России, так и национал-социализм в Германии были в огромной степени обусловлены незавершенностью процесса модернизации. Попытки уйти от этой проблемы привели к тоталитаризму в его коммунистическом или нацистском варианте. Но столь страшный опыт должен был повлечь за собой и глубокое душевное очищение.

У русских и немцев есть исторически сложившиеся особые отношения с Западом и его либеральной демократией. Особые отношения между Россией и Германией могут представлять с точки зрения Запада большую опасность, поскольку так окончательно и не ушел в прошлое прежний страх, что немцы в этом случае могут использовать всю свою мощь для восстановления старых сфер влияния, что они под предлогом экономической интеграции с восточноевропейскими странами опять вознамерятся прибрать к рукам всю Европу. Когда улеглось всеобщее ликование по поводу падения Берлинской стены, перед западными лидерами замаячил давний кошмар - Германия, этот «монстр» снова выходит на авансцену, да еще при особых отношениях с Россией.

Есть еще один аспект этой проблемы. Историческая и культурная близость России и Германии, переживших трагический опыт тоталитаризма и жесточайшей войны, создала своеобразную общность судьбы, от которой нельзя отмахнуться и которая, вероятно, дает некое моральное право на «особые»

отношения, чего как раз и опасаются другие западные державы.

Однако в самом начале XXI в., когда Россия смотрит на Запад, она не находит там той Германии, которая годы и века шла с ней едва ли не синхронно, вызывая то ужас, то восторг. Теперь Германия ушла в новую эпоху, забрав с собой даже обломки Берлинской стены. Россия же все еще осталась в XX столетии и ищет собственный «золотой век», которого, возможно, в действительности нет вообще.

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС в XIX-XX вв.

Если сравнить два германских объединения во второй половине XIX и в конце XX в., то нетрудно увидеть коренные различия между ними.

Впервые в истории немецкое национальное государство является действительно «насыщенным». Прежде, с зарождения самой идеи национального государства в начале XIX столетия, нация и государство были отделены друг от друга и выступали порознь. Первые представители национального движения мечтали о возрождении средневековой «Священной Римской империи» под немецким руководством, с включением в нее Богемии и Северной Италии. Созданное Бисмарком малогерманское государство казалось многим лишь ступенькой к великогерманскому рейху. Веймарская республика, в которой все политические силы были пропитаны этим великогерманским духом, только истощила себя в борьбе за ревизию Версальского договора и пересмотр восточной границы с Польшей. Долгое время и ФРГ настаивала на восстановлении немецких границ по состоянию на 1937 г. Всегда Германия оставалась чем-то временным-, какой-то переходной стадией к будущему, кото-

рого можно было достичь только силой, если это будущее вообще было осуществимо. Отсюда проистекала особая невротичность и агрессивность немецкого национализма и поисков немецкой идентичности. Но с 3 октября 1990 г. ФРГ стала единственно мыслимой государственной формой для миллионов немцев, у которой нет иной легитимной альтернативы.

В первый раз в германской истории все немцы обрели как единство, так и свободу. Раньше казалось, что это исключено, что немцы могут иметь либо единство, либо свободу, но не то и другое одновременно. Теперь положение изменилось. Немецкое национальное государство является единым, свободным и демократическим.

Впервые в своей истории немцы объединились в одно государство не вопреки воле соседей, а с их согласия. Единая Германия больше не кажется нарушителем мира и спокойствия на Европейском континенте. При всех понятных сомнениях и даже опасениях относительно экономического и политического колосса в центре Европы новая единая Германия вписана в европейскую систему, хотя, несомненно, ей уготовано место великой державы, которая, однако, претендует не на «особую» роль, а на первое место среди равных. Германия связана целой системой экономических и военно-политических договоров, от которой вряд ли уже можно избавиться. Если в 1860 г. лондонская «Тайме» раздраженно писала, что «причуды немецкой политики таковы, что мы не в состоянии претендовать на ее понимание», то теперь немецкая политика стала предсказуемой. Хотя, действительно, немцев чрезвычайно трудно подвести под общие за-

коны, поскольку они в отличие от других народов никак не хотели поступать по правилам логики.

Наконец, впервые немецкое национальное государство прочно связано с Западом. Неслучайно видный историк Генрих Август Винклер назвал свой вышедший в 2000 г. фундаментальный труд по истории Германии XIX-XX вв. «Долгий путь на Запад». Прежде эта страна своей западной половиной принадлежала латинско-европейскому миру, облик восточной был определен германо-славянским культурным кругом. Поэтому Германия находила свою национальную идентичность в борьбе против «корсиканского чудовища» Наполеона, против Франции и Запада вообще. Отсюда шло и неприятие западной политической культуры, отсюда брала начало идеология «особого пути» Германии между Востоком и Западом с их институтами и нормами. Но не следует забывать и того, что если не «особая», то ведущая роль Германии в Центральной Европе неоспорима. Вряд ли можно быть полностью уверенным в том, что нынешнее положение Германии сохранится навсегда. Даже если интеграция Европы будет двигаться дальше, немецкое влияние может возрасть. Говоря о том, что когда-нибудь германская проблема может превратиться в европейскую, британский ученый Дэвид Каллео метко заметил, что это будет «истинно гегельянским возмездием англосаксонским победителям».

Германия начала XXI в. - это страна и с впечатляющими достижениями, и с большими и сложными проблемами. Впрочем, в современном мире государств с проблемами неизмеримо больше, чем государств с достижениями. А опыта преодоления трудностей Германии не занимать.

ЛИТЕРАТУРА

- Аденауэр К.* Воспоминания: В 2-х т. М., 1966-1968.
- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания: В 3-х т. М., 1940.
- Бобри И.* Лютер. М., 2000.
- Брандт В.* Воспоминания. М., 1991.
- Булок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: В 2-х т. Смоленск, 1994.
- Бюлов Б.* Воспоминания. М.-Л., 1935.
- Галкин А.А.* Германский фашизм. М., 1989.
- Дзелени Э.* Конрад Аденауэр: легенда и действительность. М., 1960.
- Деларю Ж.* История гестапо. Смоленск, 1993.
- Зонтхаймер К.* Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М., 1996.
- Кёлер Дж.* Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР. Смоленск, 2000.
- Кони Ф.* Фридрих Великий. Ростов-н-Д., 1997.
- Крейг Г.* Немцы. М., 1999.
- Людвиг Э.* Последний Гогенцолперн: Вильгельм II. М., 1991.
- Мазер В.* Гельмут Коль. М., 1993.
- Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-н-Д., 1998.
- Оггер Г.* Магнаты. Начало биографии. М., 1985.
- Палмер А.* Бисмарк. Смоленск, 1997.
- Пико М.* Фридрих Барбаросса. Ростов-н-Д., 1998.
- Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997.
- Рормозер Г.* Кризис либерализма. М., 1996.
- Руге В.* Германия в 1917-1933 гг. М., 1974.

Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1982.

Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.

Толанд Дж. Адольф Гитлер: В 2-х т. М., 1993.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999.

Ференбах О. Крах и возрождение Германии. М., 2001.

Фест И. Гитлер. Биография: В 3-х т. Пермь, 1993.

Френкин А.А. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990.

Хальгэртен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961.

Шидлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-н-Д., 1997.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: В 2-х т. М., 1991.

Шмидт Г. На благо Германии: Пути выхода из кризиса. М., 1995.

Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997.

Штраус Ф.Й. Воспоминания. М., 1991.

Эпштейн АЛ История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Что такое германская история?	5
Мир древних германцев	9
«Королевство тевтонов»	17
«Священная Римская империя»: сущность и метаморфозы	22
Реформация меняет страну	35
Тридцатилетний потоп	44
Закат «Священной Римской империи»	53
Оборонительная модернизация	64
Рождение и развитие германского национализма	74
Реставрация	79
Проблемы революции 1848 года	86
Конец феодальной эпохи	93
Немецкая промышленная революция	97
Железом и кровью	104
Были ли альтернативы?	117
В центре Европы	121
От континентальной к мировой политике	131
Рывок к мировому господству	141
Была ли в 1918 году революция?	148
Веймар: путь к катастрофе	154
Анатомия национал-социализма	180
Апокалипсис XX века	192
Кто расколол Германию?	203
Два государства - одна нация	215
Падение Берлинской стены	233
Проблемы воссоединения	238
Немцы и русские	243
Германский вопрос в XIX—XX вв.	251
Литература	254

Патрушев Александр Иванович

Германская история

Оформление серии *Пестрецово́й А.А.*

Верстка *Поташевско́й Е.А.*

Корректор *Горбатово́а И.А.*

ИД №03510от15.12.2000

Подписано в печать 20.06.2003

Формат 70x90'/з2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36

Тираж 3000 экз. Заказ № 2803

Изд. № 27/02-И

000 Издательство «Весь Мир»

Почтовый адрес: 101831, Москва-Центр, Колпачный пер., 9а

Юридический адрес: 127214, Москва, ул. Софьи Ковалевской д. 1, стр. 52

Тел.: (095) 923-68-39,923-85-68, Факс: (095) 925-42-69

E-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru; <http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов

во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 577770210-4